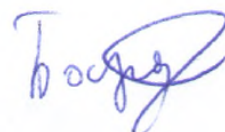

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БАРДЕЕВ КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ

**ПЫТКА КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН:
КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
заслуженный юрист РФ
Прохоров Л.А.

Краснодар, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1 Пытка в общемировой истории права: смещение парадигмы – от инструмента доказывания до преступления.....	16
1.1 История пытки как средства доказывания в судопроизводстве за рубежом.....	16
1.2 История применения и запрета пытки в России.....	32
2 Феномен пытки в современной международной и зарубежной законодательной практике: компаративные аспекты.....	60
2.1 Международно-правовое признание пытки как преступления.....	60
2.2 Зарубежный опыт криминализации пытки.....	93
3 Российская уголовно-правовая практика противодействия пыткам: современное состояние и перспективы оптимизации.....	121
3.1 Проблемы легального закрепления ответственности за пытку в уголовном законодательстве РФ.....	121
3.2 Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки.....	156
Заключение.....	171
Список использованных источников.....	181
Приложения.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. пытка является одним из наиболее древних инструментов ведения предварительного следствия и судопроизводства. Зачатки пыточных практик просматриваются в уголовном процессе Древнего Рима и Античной Греции, Египта, Вавилона и иных государств Древнего мира и Античности. Это можно объяснить разными факторами и процессами. Прежде всего, особенностями уголовного процесса различных исторических эпох. Считалось (и в настоящее время эта точка зрения находит определенную поддержку), что «царицей доказательств», абсолютным доказательством является собственное признание подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Получение такового значительного упрощало расследование, поскольку отпадала необходимость изобличать виновного, доказывать факт преступления и в принципе проводить детальное расследование.

Существование пытки на ранних этапах истории уголовного права и процесса обуславливалось в немалой степени и тем, что система доказательств была слабо основана на принципах формальной логики, дедукции. Не были разработаны правила и приемы доказывания. В связи с этим пытка получила широкое распространение.

В ходе исторического процесса произошло, по выражению Л.И. Петражицкого, смещение от «грубых символов» к более гуманным. Это относится и к пыткам: наметился вектор их постепенной отмены или смягчения. В трудах выдающихся мыслителей пытка как практика в деятельности государства стала подвергаться достаточно серьезной критике. Постепенно законодательно она отменялась в ряде государств, в том числе и в России. Таким образом, произошла отмена пытки как средства уголовного процесса, как средства получения доказательств – признательных показаний или информации в принципе.

В настоящее время мировое сообщество (на международном и национальном уровнях) единодушно сошлось во мнении о том, что пытка является одним

из тягчайших преступлений против человека и человечности. Более 20 международных конвенций посвящены в той или иной степени борьбе с пытками. В частности, в 1984 г. принята специальная Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. СССР и в дальнейшем России включились в борьбу с пытками. До 2022 г. происходила активная интеграция отечественной правовой системы в международное и, в частности, европейское право, однако известные события (введение в отношении России многочисленных санкций со стороны США и Евросоюза, проведение СВО, «гибридная» война НАТО против нашей страны) приостановили данный процесс. Тем не менее, отечественное уголовное право продолжает основываться на общепризнанных нормах и принципах международных стандартов. Названная Конвенция и иные положения гуманитарного права, возникшие после Второй мировой войны, направлены на противодействие пыткам и связанным с ними явлениям. В международном праве запрет на применение пыток играет роль *jus cogens* (императивной нормы).

Вместе с тем в отдельных сферах деятельности государства имеет место фактическое применение пыток, что ставит на повестку дня вопрос о продолжении развития группы норм, направленных на борьбу с ними. Так, 4 декабря 2023 г. в ходе ежегодной встречи с членами Совета по правам человека (СПЧ) Президент РФ В.В. Путин призвал выявлять каждый случай пыток в правоохранительной системе, указав, что подобные уродливые явления, возникающие в пенитенциарной системе, и вообще в деятельности правоохранительных специальных органов, чреватые очень серьезными последствиями с точки зрения единства нашего общества и искажают образ страны¹.

Действующий уголовный закон ныне рассматривает пытку как признак, квалифицирующий превышение должностных полномочий и принуждение к

¹ Егорова В. Путин призвал выявлять каждый случай пыток в правоохранительной системе. [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты», 4 декабря 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/12/04/putin-prizval-vyiavliat-kazhdyj-sluchaj-pytok-v-pravoohranitelnoj-sisteme.html> (дата обращения: 4 декабря 2023 г.).

даче показаний, в июле 2022 г. отказавшись от ее рассмотрения как обстоятельства, повышающего общественную опасность истязания. Однако представляется, что такой подход должен быть подвергнут дополнительной ревизии.

Необходимо вернуться к вопросу о законодательной оценке пытки и как самостоятельного преступления против личности, дополнительно изучить определение пытки, обратиться к международному и зарубежному опыту в соответствующей части. Полезно также проанализировать и суммировать имеющийся доктринальный массив дефиниций пытки и ее признаков в свете последних изменений уголовного закона. Кроме того, назрела необходимость формулирования и обоснования предложения по включению в УК РФ пытки как преступления против безопасности человечества.

Таким образом, изложенное свидетельствует об особой актуальности темы исследования, отражающей крупную уголовно-правовую и социально-нравственную проблему противодействия проявлениям преступной практики пыток как на уровне должностных преступлений, так и уровнях преступлений против личности и безопасности человечества в целом.

Степень научной разработанности темы исследования. Уголовно-правовому исследованию феномена пытки, криминологическому изучению социально-экономических, нравственных предпосылок его формирования, анализу специфики правовой регламентации ответственности за применение пыточной практики, ее конституционно-правовому запрету в разное время уделено достаточно много внимания со стороны ученых и практиков. В их числе Е.В. Анисимов, С.И. Беляев, В.Н. Борков, С.В. Бородин, В.Г. Вениаминов, Л.Е. Владимиров, М.Ф. Владимирский-Буданов, А.Я. Вышинский, А.А. Герцензон, Я.И. Гилинский, В.Г. Гитин, Г.Ю. Гладких, У.Ф. Грекулов, И.В. Дворянсков, В.Н. Додонов, А.Б. Журтов, А.Э. Иваньшина, А.А. Калашникова, О.С. Капинус, А.Г. Кибальник, А.И. Ковлер, М.Ю. Конарев, А.И. Коробеев, В.А. Линовский, Г.В. Мальцев, Г.О. Матюшкин, А.П. Мовчан, В.П. Панов, Е.С. Радионова, В.А. Рогов, Г.Б. Романовский, Д.Р. Скотт, В.Д. Спасович, О.И. Тиунов, И.В. Упоров, А.Н. Халиков, М.А. Чельцов-Бebutov, Р.С. Чобанян, В.В. Чуксина, А.И. Чучаев, Р.Д. Шарапов,

А.В. Яшин и ряд других исследователей.

Различным аспектам уголовной ответственности за пытку в различное время посвятили свои кандидатские и докторские исследования А.Ф. Маруков («Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование», Санкт-Петербург, 2001), И.В. Дворянсков («Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств», Ульяновск, 2001), А.В. Писарев («Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность», Омск, 2002), С.А. Новиков («Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России», Санкт-Петербург, 2003), Г.Ю. Гладких («Уголовная ответственность за пытки в Российской Федерации», Ростов-на-Дону, 2004), Л.А. Хрусталева «Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII – первая четверть XVIII в.)», Москва, 2004), В.Г. Вениаминов («Уголовная ответственность за побои и истязания», Саратов, 2005), Калашникова А.А. («Принуждение к даче показаний: уголовно-правовой аспект», Москва, 2005), П.Н. Кабанов («Уголовная ответственность за побои и истязание», Москва, 2006), Р.С. Чобанян («Пытка: Уголовно-правовое и криминологическое исследование», Москва, 2007), В.В. Рудич («Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты», Москва, 2013) и некоторые иные авторы.

Несмотря на наличие солидного объема исследований соответствующей материи, отметим, отдавая должное их научно-прикладной ценности, что ряд вопросов, касающихся законодательной регламентации, дифференциации уголовной ответственности за пытки, пенализации и квалификации этого деяния, нуждается в дальнейшем анализе и осмыслении; отдельные законодательные подходы к решению проблем, входящих в рассматриваемую тематику, требуют дополнительного научного дискурса и корректировки, что и детерминирует необходимость их догматического анализа, а равно дополнительной оценки их практической эффективности. Многие научные и научно-практические работы написаны до реформы 2022 г., которая существенно изменила архитектуру системы уголовно-правового противодействия пыткам.

Представляется необходимым более детально изучить регламентацию противодействия пыточной практике в международном праве, конституционном и уголовном законодательстве зарубежных стран с целью определения возможности имплементации соответствующих нормативных положений в отечественное уголовное право, заимствования позитивного зарубежного законодательного и правоприменительного опыта.

Цель исследования состоит в разработке теоретической модели уголовно-правового противодействия пыткам, а также направлений ее практического применения для конструирования системы связанных с ними посягательств, формулирования новых составов преступлений, выражающихся в применении пытки или сопряженных с ней, решении ряда научных проблем, имеющих дискуссионный характер.

Задачи исследования предопределены указанной целью и состоят в следующем:

- воссоздать всемирно-исторический процесс формирования пытки как социального феномена, ее трансформации от средства получения признания и иной информации до преступления международного характера; определить закономерности возникновения и развития пыточной практики;

- осветить ретроспективу пытки в разрезе ее понимания как социально-правового явления в российском законодательстве, практике судопроизводства, теории уголовного права и процесса, общественном сознании;

- определить и охарактеризовать исторические вехи развития отечественного уголовного права в сфере противодействия пыткам, их криминализации, дифференциации ответственности за это преступление с определением наиболее оптимальных решений отечественного законодателя для их использования в современном нормотворчестве;

- осуществить компаративное исследование норм действующего международного права, направленных на противодействие пытке, иным жестоким видам обращения, наиболее опасной разновидностью которых она выступает, и зарубежного законодательства в части установления уголовной ответственности за

пытки, определить возможность использования полученных результатов в отечественной нормотворческой деятельности и правоприменении;

– изучить определения понятия пытки в современном международном и отечественном уголовном праве, провести их сравнительный анализ и сформулировать авторскую ее дефиницию;

– выявить и охарактеризовать тенденции формирования объективных и субъективных признаков составов пытки в разнообразных ее проявлениях и на различных этапах существования уголовного права, а также дискуссионные вопросы их уголовно-правовой оценки с обоснованием авторского подхода к решению таковых;

– рассмотреть квалифицированные составы преступлений, сформулированные в ст. 286, 302 УК РФ, отражающие законодательный подход к дифференциации уголовной ответственности за данные преступления, обусловленной применением пытки;

– изучить практику Конституционного и Верховного Судов РФ, материалы судебной практики по уголовным делам, возбужденным по факту применения пыток.

Методологическая основа исследования включает универсальный диалектический метод познания, общенаучные и частно-научные методы: исторический (ретроспективный), формально-логический (анализ, синтез, определение, классификация), моделирования, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический и конкретно-социологический (анкетирование, изучение документов).

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации; международно-правовые акты, относящиеся к теме исследования; действующее российское уголовное законодательство и его исторические аналоги; ряд конституционных и федеральных законов; зарубежное уголовное законодательство Абхазии, Аргентины, Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, КНР, Кыргызстана, Молдовы, Польши, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана в соответствующей его части.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых, как указанных при описании степени разработанности темы диссертации, так и ряда иных, работы которых, так или иначе, связаны с проблемой противодействия пыткам в уголовно-правовом, конституционно-правовом, международно-правовом, процессуальном и историческом аспектах.

Эмпирическую базу исследования составляют данными судебной статистики, материалы судебной практики Конституционного и Верховного Судов РФ, опубликованной судебной практики органов международной юстиции и федеральных судов различных субъектов Российской Федерации (изучены материалы 32 дел), а также результатами проведенного автором анкетирования 100 практических работников по проблемным аспектам исследования – 42 федеральных судей и 58 следователей.

Научная новизна диссертации состоит в том, что автором впервые на монографическом уровне с учетом изменений, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ¹, осуществлено комплексное исследование пытки как социально-негативного уголовно-правового феномена, а также преступлений, связанных с ее применением, в результате которого сформулирован ряд доктринальных положений, развивающих научные представления о названных явлениях, а также предложена скорректированная совокупность уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за указанные посягательства. В конечном счете автором построена новая система преступлений, связанных с применением пытки, позволяющая создать многоуровневую систему уголовно-правового противодействия названному феномену.

В работе на основе обобщения и критического анализа изученного теоретического материала сформировано обновленное представление о ряде уголовно-правовых дефиниций. Сформулировано авторское понимание пытки и ее признаков, объекта таковой, внесены предложения по определению содержания

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421859/#dst100038.

объектов иных преступлений, входящих в предлагаемую систему. Обоснован отказ от конструкции «нравственные страдания» с заменой ее более точным термином «психические».

Изучение истории развития феномена пытки позволило прийти к определению общих закономерностей возникновения и развития исследуемого явления и сформулировать вывод о том, что его появление в истории мировой цивилизации – это закономерный результат эволюции социума. В диссертации разработана оригинальная периодизация развития норм о преступлениях, связанных с применением пытки, определен ее критерий, выделены свойственные каждому этапу черты, обуславливающие специфику каждого из них.

На основе углубленного анализа истории развития пыточных практик сформулирован вывод, что борьба с ними закономерно выступает результатом не только совершенствования норм уголовного и уголовно-процессуального права, но и обусловлена появлением и развитием гуманистических начал в сфере общественного и правового сознания.

Осуществленный детальный анализ положений международного права, направленных на предупреждение пыток и борьбу с ними, позволил обосновать необходимость его корректирования в направлении расширения понимания пытки на конвенционном уровне за счет придания ей статуса, в том числе, преступления против личности и преступления против человечности.

В результате компаративного обобщающего рассмотрения норм зарубежного законодательства в части уголовно-правового противодействия пыткам выделены общее, особенное и единичное в их содержании, а также выявлен комплекс представляющих интерес в ракурсе возможной их рецепции положений.

Формирование теоретических предпосылок создания института ответственности за посягательства, связанные с применением пытки, наполнение его конкретным содержанием в ракурсе авторского видения, позволило разработать предложения по дальнейшему развитию уголовно-правовой политики в соответствующей сфере, а именно определить направления криминализации, дифференциации ответственности и пенализации названных деяний. В результате впервые

в отечественной уголовно-правовой доктрине сформулирована научно-практическая модель построения системы преступлений, связанных с пытками, определены структура таковой, основные принципы, лежащие в основе ее эффективного функционирования.

Научная новизна диссертации отражается и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Выявлена совокупность основных причин, обусловивших существование пытки, фиксируемое историческими источниками начиная со времен Античности, предопределяющих закономерный характер данного феномена:

а) примитивность общественного сознания на первых этапах развития цивилизации;

б) превалирование методов принуждения в деятельности ранних органов власти и управления;

в) лояльное отношение общества в целом к применению насилия при разрешении споров и расследовании преступлений;

г) отсутствие инструментов доказывания вины, основанных на интеллектуальных основаниях;

д) стремление к наибольшему упрощению судопроизводства.

С развитием гуманистических начал уголовного права и процесса, общей либерализацией общественной жизни и правосознания с неизбежностью начала формироваться закономерность, связанная с постепенным отказом от пыток и в конечном итоге с их запретом и объявлением (на международном и национальном уровнях) в качестве преступления.

2. Сопоставление процессов развития феномена пытки как средства доказывания и противодействия ей с приданием таковой статуса преступления позволяет заключить об их асинхронности в российском государстве и за рубежом: начало отмены пыток в Европе датируется XIII–XIV вв., тогда как в России в организованном порядке это происходит только в XVIII в. С указанного момента названный процесс синхронизируется, достигая наибольшей степени после Второй мировой войны. Отмеченная особенность обусловлена рядом факторов,

среди которых специфика общественного и правового менталитета России и Запада, уровень правосознания правителей.

3. Международное уголовное право рассматривает пытку как должностное посягательство, совершаемое государственными должностными лицами, лицами, действующими в официальном качестве или по их поручению, демонстрируя достаточно однобокий подход к объекту названного деяния. Стремясь оградить человека от произвола государства, международный законодатель в то же время оставляет без внимания необходимость приданием субъекту преступления универсального характера и установления открытого перечня целей пытки, в который, помимо прямо обозначенных, целесообразно включить любые иные цели и мотивы, сходные с ними по смыслу. Соответствующие изменения следует отразить на конвенционном уровне.

4. В результате рассмотрения подходов к регламентации ответственности за пытку в зарубежных уголовных законодательствах выявлено их разнообразие и осуществлена классификация по различным основаниям, главное из которых – объем криминализации пытки. С учетом этого выделяются законодательства, где пытка предусмотрена: а) в качестве самостоятельного преступления (против личности, против человечности); б) в качестве квалифицирующего признака ряда деяний (истязание, принуждение к даче показаний). Отдельную разновидность составляют уголовные законы, где пытка проигнорирована или соответствующие нормы исключены. Квалифицирующие признаки преступлений, сопряженных с применением пытки, можно разделить на общие (их формулировки носят универсальный характер, они присущи большинству законодательств), особенные (присущи ряду уголовных законов) и единичные (характерны для конкретных отдельных законодательств).

5. Изучение широкого спектра определений понятия пытки, представленных в уголовно-правовой доктрине, позволило выявить объединяющие их позиции: а) пытка – это применение физического и (или) психического насилия, в отдельных ситуациях ей присуще и имущественное насилие; б) она может выражаться как в действии, так и в бездействии; в) пытка отличается от иных сходных

посягательств степенью интенсивности насилия; г) ей свойствен только прямой умысел; д) обязательно наличие специальной цели или мотива.

С опорой в том числе на эти теоретические положения сформулировано авторское видение понятия пытки, под которой предлагается понимать применение жестокого интенсивного физического, психического или имущественного насилия в целях получения информации, определенных предметов, наказания, запугивания, принуждения, дискриминации или в иных сходных с ними целях.

6. Сформулирована и обоснована научно-практическая модель совершенствования системы посягательств, сопряженных с применением пытки. Научная составляющая данной системы представляет собой базис, на котором строится практическая надстройка – система преступлений, сопряженных с применением пытки, и ответственность за них. Основными признаками этой модели выступают законность; справедливость; обязательная корреляция научного и практического компонентов; стабильность (традиционность); опора на выявленные закономерности эволюции названного уголовно-правового феномена; полнота.

7. Практический компонент модели оптимизации системы посягательств, сопряженных с применением пытки, и ответственности за них отражает новую систему соответствующих деяний и сопряженных с ними норм. Составляющими данной модели выступают:

- а) включение в п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ указания на применение пытки;
- б) добавление пытки в число способов доведения до самоубийства;
- в) дополнение УК РФ статьей 114¹ «Пытка»;
- г) сохранение в ст. 286 и 302 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака;
- д) введение в ст. 127², 128, 156, 163, 179, 321 (в отношении преступления, предусмотренного ч. 1 данной статьи) и 335 УК РФ квалифицирующего признака «с применением пытки»;
- е) дополнение УК РФ статьей 357¹ «Пытки».

8. Очерчен абрис законодательной пенализации связанных с пытками

преступлений. Поскольку вопросы осуществления названного процесса требуют дополнительных обстоятельных нормотворческих и доктринальных изысканий, намечены направления его реализации путем определения категории соответствующих посягательств: преступление небольшой тяжести – деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 114¹ УК РФ (при этом не вызывает сомнений необходимость присутствия в санкции данной нормы такого вида наказания, как лишение свободы); тяжкие – посягательства, указанные в ч. 2 и 3 ст. 114¹ УК РФ, особо тяжкое – в ст. 357¹ УК РФ.

Теоретическая и практическая значимость исследования выражается в том, что содержащиеся в нем положения и выводы дополняют теоретические представления о пытке как социально-негативном уголовно-правовом феномене, развивают положения о криминализации пыток и дифференциации ответственности за их применение, уточняют терминологический аппарат в рассматриваемой сфере, а также создают предпосылки для дальнейших научных исследований, относящихся к рассматриваемым в работе проблемам.

Представленная и обоснованная в работе научно-теоретическая модель системы посягательств, связанных с применением пыток, может быть использована законодателем в нормотворческом процессе с целью совершенствования уголовного закона в соответствующей его части, введения новых составов преступлений, связанных с пыткой, оптимизации практики применения как действующих норм, регламентирующих ответственность за применение пытки, так и предлагаемых новелл.

Отдельные предложения, содержащиеся в работе, могут быть учтены в правоприменительной деятельности в процессе квалификации фактов использования пыток.

Положения диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования гарантирована, *во-первых*, применением *системы общенаучных и частно-научных методов познания*; *во-вторых*,

анализом значительного числа *нормативных источников*; *в-третьих*, изучением широкого спектра *доктринальных источников* как ученых, указанных при определении степени научной разработанности темы диссертации, так и ряда других исследователей; *в-четвертых*, необходимой *эмпирической базой* работы.

Результаты научного исследования изложены в 8 опубликованных автором научных статьях (в том числе в 4, представленных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ). Теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертации, обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на которой выполнена диссертация, а также представлялись на Международных научно-практических конференциях «Прогрессивные научные исследования – основа современной инновационной доктрины» (г. Самара, 18 сентября 2023 г.) и «Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика» (г. Уфа, 17 ноября 2023 г.).

Результаты исследования используются в учебном процессе и правоприменительной деятельности, что подтверждается актами внедрения.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, 3 главы, объединяющие 6 параграфов, заключение, список использованных источников, приложения.

1 **Пытка в общемировой истории права: смещение парадигмы – от инструмента доказывания до преступления**

1.1 **История пытки как средства доказывания в судопроизводстве за рубежом**

Применение пытки (в историческом ракурсе) в основном рассматривается как:

1. Средство упрощения деятельности правоохранительных органов по получению доказательств, в том числе и таких фактов, которые ложны, изобличению истинного преступника, не желающего признать вину (свою или соучастников). Такие пытки могли применяться не только к подозреваемому, но в определенных случаях и к иным участникам процесса.

2. Средство наказания лица, в том числе и за нарушения тюремной дисциплины.

3. Квалифицирующий признак преступления.

4. Средство принуждения к работе, устрашения (нередко простая демонстрация пыточных инструментов была достаточной для достижения целей пытателей).

И.Р. Раимбердиев добавляет, что пытка могла использоваться также как публичная сцена (демонстрация) с целью устрашения населения, удовлетворение садистских наклонностей¹. Имели место и ритуальные пытки, применявшиеся в практике тайных сообществ и сект².

Слово «пытка» имеет французские корни и происходит от «torquer», что означает «крутить». Для пыток, применяемых в христианских странах, было характерно «скручивание» конечностей. Церковь не рекомендовала пролитие

¹ Раимбердиев И.Р., Абдикерим К.Г., Орозов Ж.Ж. Историко-правовые особенности правовой регламентации пыток в средневековом праве // Евразийское научное объединение. 2020. № 9–4. С. 279.

² Гитин В.Г. Это жестокое животное мужчина. Харьков, 1997. С. 57–68.

крови¹. История права знает множество определений пытки – на международном и национальном уровне, в сфере доктрины и, наконец, сформировавшихся в общественном сознании. Весьма интересное определение, с которым можно во многом согласиться, дает Д.Р. Скотт. Он указывает, что пытка – это причинение человеку боли и страданий, независимо от целей такой процедуры, обстоятельств ее применения. Неважно, заканчивается такая экзекуция этой процедурой, или затем следует лишение жизни потерпевшего². Действительно, пытка может преследовать разные цели (не только получение признательных показаний), однако не всякое причинение боли является пыткой. Поэтому приведенное определение требует уточнения. Понятие пытки будет рассмотрено более подробно в последующих разделах исследования.

Заслуживающую внимания классификацию пыток предложила Н.И. Нарышкина. Она условно делит применявшиеся пытки на 2 вида:

- 1) причиняющие сильную физическую и (или) психическую боль, однако не влекущие утрату конечной, повреждений организма;
- 2) повлекшие в итоге существенные или необратимые повреждения человеческого организма (утрату органов, изувечение, изуродование конечной, сепсис, гангрену и т.д.)³.

Пытки могли носить универсальный характер, то есть применяться в подавляющем большинстве государств (например, дыба, пытка огнем) или быть характерными для определенных государств или регионов (к примеру, «испанский сапог»).

Институт пыток сопровождает человечество, наверное, с оформления цивилизации⁴. Объем применения пыточной процедуры, перечень случаев, в которых она признавалась допустимой, круг лиц, к которым могла применяться,

¹ Шишлин А.С. Самые жестокие пытки как метод наказания // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2015. № 1. С. 89.

² Скотт Д.Р. История пыток / пер. с англ. А.А. Обухова. М., 2002. С. 15.

³ Нарышкина Н.И. Классификация пыток, практиковавшихся в тюрьмах России и Европы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 182.

⁴ С этим согласно подавляющее большинство исследователей. См., напр.: Железняк А.В. Телесные наказания и пытки в истории государства и права России до 1864 г. // Austrian

определялись множеством факторов. Это и особенности государственного строя и судебной системы, степень развитости гражданского общества, влияние национального менталитета, обычаев, церкви. Например, в странах, где действовали суды присяжных и процесс носил публичный характер, пытки применялись гораздо реже¹.

Зарождение института пыток относят к древнейшим временам. Он применялся в Древнем Риме, греческих полисах, Египте, Ассирии, иных государствах Древнего мира и Античности. Например, в Древней Греции пытка могла применяться только к рабам в качестве наказания и принуждения к покорности². Первым разрешил применение пытки к свободным гражданам Рима Гай Юлий Цезарь.

Вместе с тем долгое время судопроизводство носило общинный характер и большое значение имел элемент состязательности³. Ряд авторов отмечает, что изначально пытки в контексте правосознания и общественного понимания не являлись чем-то варварским, а обеспечивали государственное управление и деятельность судебной власти⁴.

Концепция телесной неприкосновенности личности, права на здоровье и справедливое судебное разбирательство сформировалась как противовес теории и практике пыток. Она сложилась исторически и имеет правовые, исторические

Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 7–8. С. 319; Нарышкина Н.И. Указ. соч. С. 182; Раимбердиев И.Р., Абдикерим К.Г., Джоробеков Т.М. Понятие и сущность института пытки в инквизиционном уголовном процессе // Евразийское научное объединение. 2020. № 9–4. С. 279; Раимбердиев И.Р., Орозов Ж.Ж. Историко-правовые особенности правовой регламентации пыток в средневековом праве // Евразийское научное объединение. 2020. № 9–4. С. 281.

¹ Пирова Р.Н. Пытка как норма судопроизводства в средневековой России // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89). С. 109.

² Гуревич А.Я. Словарь средневековой культуры. М., 2003.

³ Брянская Е.В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 15.

⁴ Абдуллаева С.З. Историческая борьба с пытками как формой причинения вреда здоровью // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 138–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-borba-s-pytkami-kak-formoy-prichineniya-vreda-zdorovyu> (дата обращения: 08.06.2022 г.).

и теоретические основания и предпосылки.

Известно, что до определенного времени в судопроизводстве широко применялись ордалии, в том числе и пытки. В правосознании и общественном сознании определение истины по делу доверялось Высшей силе (Богу), и через испытание, пытки Бог опосредованно указывал на виновность или невиновность лица («Суд Божий»)¹. Таким образом, применение пыток было изначально обусловлено мистико-сакральным характером судебного процесса.

Как справедливо отмечено в литературе, развитие института пытки в России и на Западе шло параллельно, но асинхронно, по схожей парадигме, подчинялось единым закономерностям. Вплоть до конца XVIII в. пытка была вполне стандартной законной процедурой². Разница заключалась, в основном, в объеме правового регулирования пыток, видах и конкретных пыточных процедурах. Наблюдалось широкое распространение рецепции норм о пытках (достаточно вспомнить заимствование в русском праве положений кодекса Каролина). Исследователи указывают, что в ранний период пытки: 1) имели открытый характер; 2) были разрешенным инструментом процесса³.

В научном мире, как это ни странно, до сих пор не утихают споры по поводу целесообразности применения пыток в уголовном процессе. Следует признать, что пыточная практика существует, причем как на уровне противозаконном, преступном, так и в качестве проявления неофициальной государственной политики. По данному поводу есть различные мнения⁴. Среди современных исследователей превалирует мнение, что пытка – явление негативное и подлежащее искоренению. Этой точки зрения придерживаемся и мы, и данный постулат

¹ См. подр.: Мальцев Г.В. Мечь и возмездие в древнем праве. М., 2012.

² Васильков К.А., Удовиченко В.С. Ретроспективный анализ гуманизации уголовного судопроизводства и практики применения смертной казни в контексте учения Чезаре Беккариа // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 166–167.

³ Раимбердыев И.Р., Абдикерим К.Г., Джоробеков Т.М. Понятие и сущность института пытки в инквизиционном уголовном процессе. С. 279.

⁴ См., напр.: Васильков К.А., Удовиченко В.С. Указ. соч. С. 167; Иваньшина А.Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 299.

будет лежать в основе дальнейших изысканий и конечных выводов.

Философские и теоретико-правовые основы гуманизации законодательства и уголовного процесса путем запрещения пыток и других жестоких и бесчеловечных видов обращения заложены в трудах великих философов и правоведов Средневековья и Нового времени, в ряду которых выделяются Д. Локк, Ш. Монтескье, Ч. Беккария, Вольтер, Ж-Ж. Руссо и другие мыслители. Так, известный писатель-утопист, философ Т. Мор считал недопустимыми пытки и ратовал за упразднение тюрем¹.

Б. Карпцов выступал за установление законных рамок уголовного процесса, в том числе путем ограничения произвола и запрета применения пыток².

Х. Томазий указывал на парадоксальность ситуации, когда жестокость пытки, применяемой к обвиняемому, зачастую может быть большей, чем у наказания, ему назначенного, что естественно, как минимум, несправедливо³.

Выдающийся философ, правовед Ч. Беккариа выдвинул ряд аксиом, которые лежат в основе современного уголовного права. Видя цели наказания в предупреждении преступлений и исправлении преступников, мыслитель призывал отказаться от пыток и мучительных наказаний, не оправданных своей жестокостью. Наказание должно быть соразмерным преступлению. Обвиняемый имеет право на защиту и из этого логично вытекает вывод о праве на защиту от пыток как средства доказывания. Еще одним аргументом Ч. Беккариа являлось то, что если преступление доказано объективными данными, то собственное признание подсудимого не нужно, и в применении пыток нужды нет. В случае если нет абсолютной уверенности в совершении преступления, нельзя пытаться невиновного, ибо «преступления его не доказаны»⁴.

¹ Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия / пер. с лат. и комментарии А.И. Малеина. М., 1935. С. 239.

² Шалькевич В.В. Становление науки уголовного права в странах Западной Европы / под ред. А. Дулова. М., 2003. С. 7.

³ Баскин Ю.Я. Проблемы свободы в философии права Христиана Томазия // Правоведение. 1999. № 2. С. 36.

⁴ Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 56–57, 45.

Идеи Беккариа нашли практическое применение в Пруссии, Тоскане. Не без их влияния Швеция впервые в мире отменила пытки (1734 г.). Времена менялись. М. Фуко отмечал, что в течение второй половины XVIII – первой трети XIX вв. происходило исчезновение «публичных казней с применением пыток», и тело человека переставало быть мишенью судебной репрессии¹.

Выдающийся английский философ Т. Гоббс, напротив, поддерживал применение пыток. Однако ученый полагал, что показания, полученные под пыткой, не имеют решающего значения, а предназначены к «разгадке и освещению» дальнейшего хода расследования и установления истины².

Полагаем, что определить главную причину существования пыток в человеческом обществе невозможно, обоснования ее применения полифакторны. На первых этапах развития социума пытку к жизни вызывал мистический, сакральный характер правосудия, иррациональность доказательств («Суд Божий»). В судопроизводстве господствовало сословное неравенство участников. В науке выделены три исторических формы уголовного процесса: 1) обвинительный (состязательный); 2) инквизиционный (следственно-розыскной); 3) смешанный (континентальный)³. Каждому из этих разновидностей процесса характерно применение пыток в том или ином виде и объеме. Как правило, с пытками ассоциируется инквизиционно-розыскной процесс. Он появился в Риме времен императора Тиберия. Сам монарх зачастую присутствовал на пытках, которые были довольно жестокими (разрывание тела крюками, порка терновыми ветками, отрубание конечностей и т.д.). Император Гай Калигула часто лично проводил пытки. Во времена этого правителя применялась «пытка колесом» – пытаемого привязывали к последнему и быстро раскручивали сначала в одну, потом в другую сторону. Применялись и психологические виды воздействия, к примеру, отцов

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / под ред. И. Борисовой. М., 1999. С. 480.

² Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. А. Ческиса. М., 1936. С. 503.

³ См. подр.: Уголовный процесс: курс лекций / Н.В. Лантух, К.Б. Калиновский, С.А. Роганов и др. СПб., 2011. С. 554.

заставляли присутствовать на казни сыновей и т.д.¹ «Прославился» изощренностью пыток и император Нерон. Он предпочитал «медленные» виды пыток и казней и с интересом наблюдал, как пытаемый умирает. При нем пыткам могли подвергаться и дети². Подследственный являлся не полноправным субъектом процесса, а его объектом. В целом, можно сказать, что насилие в досредневековый период было обычной практикой, применялось по решению общинных органов или государственной власти и могло выражаться: 1) в пытках или иных видах жестокого обращения; 2) в телесных наказаниях.

В период раннего Средневековья законодательная регламентация пыток и практики их применения продолжалась. В византийском сборнике законов «Эклога» (725 г.) предусматривалось деление свидетелей на достойных доверия и недостойных такового. Последних рекомендовалось подвергать пытке, если их показания вызывали сомнение³.

С появлением гуманистических взглядов предпринимались шаги по запрещению пыток, однако они терпели неудачу: вводимые нормы попросту не работали⁴. Сломать сложившуюся антигуманную систему правосудия и реформировать судопроизводство было совсем не просто. Этот процесс занял много веков.

В период Средневековья акцент все больше смещался от состязательного в сторону розыскного процесса, получения доказательств с использованием самых жестоких методов и средств устрашения. Причем история такого процесса показывает, сколь изощренным может быть человеческий интеллект в изобретении новых видов пыток, устройств и орудий, для нее предназначенных («баварская дева», «могила пыток», «пытка крысами», «медный бык», «вилка еретика» и многие другие)⁵. В этом проявлялась одна из закономерностей развития Ан-

¹ Транквилл Г.С. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. С. 115.

² Там же. С. 163.

³ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга Эпарха / ред. А.И. Цепков. Рязань, 2006. С. 63.

⁴ Чобарян Р.С. Пытка: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

⁵ Подробнее о конкретных видах пыток см.: Нарышкина Н.И. Указ. соч. С. 182–184.

тичного и Средневекового уголовного процесса – усложнение пыточных процедур, используемых в нем приспособлений, увеличение жестокости пыток.

Следующий мощный импульс в практике инквизиционного процесса пытки получили в XV в. в Испании. В 1474 г. Великим Инквизитором стал Томас Торквемада, к которому перешли функции священного суда. При нем были приняты детальные инструкции по применению пыток. В основном использовались пытки огнем и водой, дыба и, конечно, знаменитые «испанские сапоги». Обычно подследственные не выдерживали пыток и умирали, те же, кто испытания проходил, подвергались «аутодафе» – регулярно проводившемуся сожжению обвиняемых.

Пытки считались законным средством достижения справедливости и в церковном процессе. Очень широко пытки применялись Святой Инквизицией в отношении заподозренных в ведовстве, колдовстве, еретичестве. В книге монахов-доминиканцев (1487 г.) детально описаны процедуры проведения пыток¹.

У Инквизиции были законные основания пытать подследственных. В 1252 г. Папа римский своей буллой «Ad Extirpanda» разрешил применение пытки в католических странах².

Однако в наши дни ситуация изменилась к лучшему. Так, в 2014 г. католическая церковь США осудила применяемые в стране пытки, назвав их попирающими достоинство, которым Бог наделил каждого человека³.

Интересно, что пытки могли применяться не только к подозреваемому, но и в определенных случаях к иным участникам процесса (истцу, свидетелям и т.д.). Таким образом, фраза «правосудие слепо» в определенные периоды приобрела несколько иной смысл: не считаясь с болью и страданиями лица, а порой

¹ Шпренгер Я. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова. СПб., 2001. С. 277–338.

² Dunbabin J. Captivity and Imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300. Basingstoke, 2002. P. 153.

³ Воловичева А.В., Степанюк А.В., Степанюк О.С. Пытки: пережитки прошлого или реалии настоящего? // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов VII Международного молодежного форума (Белгород, 24 мая 2019 г.). Часть 1 / отв. ред. Е.В. Сафронова. Белгород, 2019. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41409447> (дата обращения: 06.06.2021 г.).

даже и с жертвами, машина правосудия шла к цели – во что бы то ни стало изобличить преступника. Ни одно преступление не должно остаться безнаказанным любой ценой.

В период Античности и Средневековья, Нового времени пытка зачастую выступала не столько процедурой, направленной на получение первоначальных показаний, сколько средством подтверждения уже данных ранее. Отказ от ранее данных показаний, как правило, влек автоматическое признание вины подсудимого.

Пытка не являлась разновидностью телесного наказания, скорее, это было средство доказывания, «вытягивания» показаний из подсудимого¹. В средневековых тюрьмах в обязательном порядке присутствовала должность палача, применявшего пытки и телесные наказания. Это было очень занятое должностное лицо². Иногда функции палача выполняли охранники и надзиратели³.

Обычное право и практика правоприменителей вполне допускали пытки с целью «выбить» показания. В Англии широко применялся такой вид пытки, как *reine forte et dure*⁴. Суть его заключалась в том, что лежащему подсудимому ставили на живот или грудь тяжелый груз. Человек либо умирал, либо давал показания. В европейских странах применялся аналог русской дыбы – *strappado*. Особенностью данной разновидности пытки являлся ее более мучительный характер. Подвешенного периодически резко дергали вниз, причиняя дополнительные страдания. Практиковалась «лежачая» дыба, когда пытаемого растягивали с помощью веревок, выворачивая таким образом суставы.

¹ Раимбердыев И.Р., Абдикерим К.Г., Джоробеков Т.М. Понятие и сущность института пытки в инквизиционном уголовном процессе. С. 279.

² См. подр.: Geltner G. Coping in medieval prisons // *Continuity and Change*. 2008. № 23 (1). P. 161.

³ Там же. P. 26.

⁴ Ивина М.К. Институт *reine forte et dure*: проблемы законодательства и правоприменительной практики в Средние века и новое время // *Ленинградский юридический журнал*. 2011. № 4. С. 102–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-peine-forte-et-dure-problemy-zakonodatelstva-i-pravoprimeritelnoy-praktiki-v-srednie-veka-i-novoe-vremya> (дата обращения: 19.06.2022 г.); Маруков А.Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 14.

В средние века пытки предполагали не только непосредственно причинение телесной боли, физических страданий, но и создание условий проживания, которые наносили серьезные моральные, эмоциональные страдания. Показательным примером такого вида пытки являются применявшиеся в Италии *camerotti Pozzi* («колодец»). Лицо помещалось в подземную камеру-колодец площадью около 2 кв. м. в абсолютную темноту. «Соседями» были грызуны и паразиты. Во время приливов вода поднималась в камере до 50 см.¹ Аналогичные виды пыток существовали и во Франции (отменены только в XVIII в.).

Незавидна была участь женщин, обвиняемых в ведовстве. Их пытали разнообразными способами. Если обвиняемая не признавалась, ее передавали светским властям для сожжения. Если признавалась, ее могли или сжечь непосредственно церковные власти, либо духовный судья присуждал ей пожизненное заключение на хлебе и воде.

В XIII–XIV вв. пытки активно применялись в городах Италии, однако известны случаи, когда работники тюрем отказывались в них участвовать². В средневековой Франции неприменение пытки в процессе являлось редким исключением³. Согласно германскому своду законов «Каролина» (1532 г.) применялся допрос под пыткой (суровый или мягкий)⁴. Необходимо отметить, что по сравнению с московским правом того периода Каролина использовала более разумный подход к пыткам. Так, согласно данному своду, при принятии решения о применении пытки и степени ее жестокости учитывалось состояние здоровья подсудимого, наличие иных доказательств по делу.

Пытки могли применяться по всем делам, однако юридической силы показания, данные под пыткой, не имели. Их необходимо было подтвердить на очном

¹ Нарышкина Н.И. Применение пыток к заключенным в тюрьмах России и Европы (исторический аспект) // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2014. № 1. С. 148.

² Geltner G. *Isola non isolata. Le Stinche in the Middle* // *Annali di Storia di Firenze: Pubblicazione periodica annuale*. 2008. № 3. P. 21.

³ Скотт Д.Р. Указ. соч. С. 92.

⁴ Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V (*Constitutio criminalis Carolina*) / пер. с нем., предисл. и примеч. С. Я. Булатова. Алма-Ата, 1967.

допросе¹. Это несколько «роднит» пытку с современным понятием оперативно-розыскных мероприятий.

Стоит отметить, что гуманистические начала в уголовном процессе, по крайней мере их зачатки, прослеживались в законодательствах ряда государств уже с XIII в. В 1297 г. пытки были запрещены в Генте (Нидерланды), в 1325 г. – в Арагоне. Свод законов Кастилии (1256–1263 гг.) прямо указывал, что тюрьмы не предусмотрены для увечий заключенных². В соответствии с Литовским статутом 1588 г. заключенных воспрещалось морить голодом или калечить³. Во Франции ордонансом 1670 г. служащим тюрем под угрозой наказания запрещалось истязать заключенных⁴. С XVIII в. Процесс отказа от пыток принял широкомасштабный характер⁵. Так, пытки были отменены в Пруссии в 1754 г., в Австрии – в 1787 г., во Франции – в 1789 г.

Как справедливо отмечено в литературе, в историческом аспекте пытка являлась важнейшим элементом уголовно-процессуальной формы, тесным образом связанным с процедурой формирования доказательственной базы обвинения⁶. В дальнейшем пытка в формально-юридическом смысле стала сходить на нет ввиду либерализации как уголовно-процессуального закона, так и общественного сознания в целом. Если ранее считалось, что для получения показаний требовалось определенное «стимулирование» подследственного, попросту говоря, применение пытки, то уже начиная с конца 18 в. на передний план выходят рациональные средства доказывания, основанные на логике, психологии и профессиональном мастерстве следователей и судей.

¹ Каролина: извлеч. из Уголов.-судеб. уложения Карла V: учеб. пос. М., 2002. С. 56.

² Morris N., Rothman D. J. The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society. New York, 1998. P. 37.

³ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Мінск, 2010. Т. 3. С. 554–689.

⁴ Нарышкина Н.И. Применение пыток к заключенным в тюрьмах России и Европы (исторический аспект). С. 146.

⁵ Там же. С. 144–149.

⁶ Иваньшина А.Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 299.

На Западе пытки применялись как в государственных, так и в частных, и в церковных тюрьмах. Это подтверждают многочисленные жалобы осужденных¹. Однако эти обращения вызывали хоть какой-то эффект, если были адресованы лично монарху или лицам высшего духовного звания.

В то же время в Московском государстве применение насилия было монополизировано государством и, в частности, прерогатива на применение пыток. Вместе с тем частные случаи пыток помещиками своих крестьян, конечно, имели место.

Суть пытки и пыточного процесса, с нашей точки зрения, весьма точно уловил В.Д. Спасович. Он считал, что применение пытки основывалось не на садизме судей и иных правоприменителей, а было обусловлено определенным уровнем развития человеческого интеллекта. Постепенный отказ от пыток ученый напрямую увязывал с «поумнением» человечества. Как метко указывал автор, «история судебных доказательств – есть история народного ума»².

Долгое время понятие пытки не определялось в мировом праве (национальном и международном). Со временем сначала на уровне отдельных государственно-правовых систем, потом на международно-правовом уровне законодатель стал вносить ясность в понимание пытки. Сначала это делалось с целью упорядочивания самого процесса применения пытки, затем в целях ее формального запрета. Так, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3452, принятой 9 декабря 1975 г., пытка определяется как форма намеренного жесткого и бесчеловечного поведения, унижающее достоинство обращение или наказание³ (подробнее об этом будет сказано далее).

Современные демократические общества отвергают пытку как средство

¹ Нарышкина Н.И. Применение пыток к заключенным в тюрьмах России и Европы (исторический аспект). С. 146–147.

² Спасович В.Д. Указ. соч. С. 25–27.

³ Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3452 от 09.12.1975 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml.

уголовного процесса и относятся к ней крайне негативно¹. Однако в организованных, нормативных формах на международном уровне процесс борьбы с пытками и их предупреждению начался только после Второй мировой войны. Несмотря на это, в наши дни пытки также имеют место, получив «второе дыхание». Достаточно вспомнить практику нацистов Рейха (метод устрашения), Советского Союза сталинского времени, Китая в период 1950–60 гг., африканских и южноамериканских диктатур. Таким образом, в современный период пытка служит, если говорить на официальном (и неофициальном) уровне, неотъемлемым институтом тоталитарного и авторитарного государства.

Пытка также является фактическим атрибутом любого другого, даже демократического, государства². К примеру, сотрудники ЦРУ уполномочены применять такие виды пыток, как «холодная камера» (помещение подследственного напротив работающего кондиционера на долгое время), «скамья тигра», «белая пытка» и т.д.³ Причина кроется в том, что издавна в уголовном процессе (теории и практике) «царицей доказательств» выступает признание вины, путь к нему зачастую лежит через пытку. Этот «царственный» статус предопределяет то, что признание вины является наиболее предпочитаемым доказательством для судебно-следственных органов. Так, в титуле XXII германского свода законов «Каролина» указывалось, что главным доказательством вины является собственное признание лица. В связи с этим в Каролине большое внимание уделялось регламентации пыточного процесса. Были указаны случаи, при которых допускалось применение пытки, однако конкретные их виды не устанавливались. Предусматривался также и ряд дополнительных условий применения пытки. Так, признания, данные под пыткой, учитывались, если они будут повторены как минимум через день⁴.

¹ См., напр.: Раимбердыев И.Р., Абдикерим К.Г., Джоробеков Т.М. Понятие и сущность института пытки в инквизиционном уголовном процессе. С. 279.

² Достаточно вспомнить широкое применение пыток в США.

³ См. подр.: Скотт Дж. Р. История пыток / перевод с англ. А.А. Обухова. М., 2002.

⁴ Ковалева Д.В. Пытка как институт процессуального права (на примере уголовно-процессуального кодекса Каролины 1532 г.) // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 410.

Как верно отмечает А. Э. Иваньшина, неофициальный статус признания как «лучшего» доказательства детерминирует «живучесть» пытки как средства доказывания. Достаточно давняя идея признания как лучшего доказательства каждый раз всплывает на поверхности при выявлении подозреваемого¹. Эти явления (пытка и признание) генетически связаны и укоренились в сознании правоприменителей. В науке предпринимались и предпринимаются попытки снизить значение признания как «главного доказательства», что может послужить важным средством предупреждения пыток.

Фактическое существование пыток на современном этапе развития цивилизации в деятельности правоохранительных органов объясняется тривиальным желанием «заткнуть дыры в доказательственной базе». Этому способствуют и достаточно короткие сроки следствия и дознания, а также наличие «палочной системы».

По мнению классика российского права В.Д. Спасовича, при отсутствии вещественных или других доказательств виновности лица признание становится единственным аргументом, составляющим основание решения по делу. Оно превращало спорное в дело в бесспорное².

Е.В. Анисимов отмечает, что пытка в свое время служила показателем правдивости человека. Развивая эту мысль, автор справедливо указывает на два традиционных средства стимулирования поведения человека – «кнут и пряник». Изначально, если брать юридический аспект, в уголовном судопроизводстве доминировали кнут и дыба. В конечном итоге, заключает исследователь, это было ничем иным, как пытка³.

В народном сознании в большей части укоренилось мнение о том, что под

¹ Иваньшина А.Э. Вечное средство стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины: к вопросу о живучести пытки в уголовном процессе. С. 98; Она же. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ. С. 298.

² Спасович В.Д. Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. Тула, 2000. С. 25–27.

³ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 396.

воздействием сильной боли подозреваемый не может соврать, что, соответственно, обуславливало справедливость судебного решения. Причем, что интересно, пытка могла применяться как к лицу, не признававшему свою вину, так и к искренне признававшемуся в совершении преступного деяния. В случае последующего отказа от данных показаний следовало наказание¹.

Вся суть инквизиционного процесса заключалась в том, что при расследовании дела без пытки не обойтись. Следовательно, можно прийти к выводу, что, с точки зрения правосознания, народного сознания и принципов уголовного процесса той эпохи, применение пыток с целью изобличения предполагаемого преступника было обычным и вполне нормальным явлением. Как справедливо отмечается в литературе, пытка допускалась как неизменное средство обеспечения жизни общества². Отметим, что пытки использовались по усмотрению органов расследования. Но при этом в понимании правоприменителей пытка не ставила перед собой целью истязания подследственного, но применялась ради получения достоверных показаний. Причем издавна, вплоть до ее формального запрета, как это дико ни звучит, пытка зарекомендовала себя как один из наиболее эффективных средств установления истины по делу³.

По результатам проведенных исследования можно сделать следующие основные *выводы*:

1. Пытки существовали в Античности, Новом и Новейшем времени, присутствуют они и в современном мире. Изменилась только их законодательная «оболочка» (пытки формально запрещены как международным правом, так и национальным уголовным законодательством). Однако фактически в деятельности правоприменительных органов они применяются. Разница в том, используются ли пытки незаконно (преступно), например в рамках совершения посяга-

¹ См., напр.: Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. С. 61.

² Иваньшина А.Э. Вечное средство стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины: к вопросу о живучести пытки в уголовном процессе. С. 99.

³ Иваньшина А.Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ. С. 299.

тельств, предусмотренных ст. 286, 302 УК РФ, либо это устоявшаяся ненаказуемая практика в деятельности государства. Изменились и методы пыток, конкретные их виды. «Пытатели» стараются завуалировать свои действия, боясь вызвать общественный резонанс, даже если действуют по указанию свыше либо с молчаливого согласия властей.

2. Пытки были присущи законодательству и правоприменительной практике стран Европы и России (Московского государства, Древней Руси). В процессе исторического развития сложился устойчивый правовой режим применения пыток как к подсудимым, так и к уже отбывающим наказание. Пытка считалась не только эффективным средством получения признательных показаний и иных доказательств, но и мерой поддержания дисциплины и наказания. Иногда обвинение основывалось только на признании, сделанном обвиняемым под пыткой. Со временем жестокость, многообразие видов пытки обернулись тем, что многие города, а потом и государства стали вводить частичные запреты на их применение. Полный запрет пыток на государственном уровне был установлен шведским законодателем в 1734 г.

3. Основной тенденцией, закономерностью развития института пыток является постепенный переход от грубых, иррациональных форм сбора доказательств к рациональным. Доказывание теперь строится на диалектической логике, дедукции, иных интеллектуальных средствах. Признание подсудимого постепенно теряет статус «царицы доказательств», уступая место системе различного рода объективных фактических данных.

4. История развития пыток может быть графически представлена в виде параболы, когда первоначальный объем их применения идет по возрастающей, достигая пика в период Средневековья и Нового времени, затем снижаясь вплоть до законодательного запрета. Вектор развития института пытки напрямую коррелируется с уровнем общественного сознания в целом, правосознания, развитием научной мысли в области философии, уголовного и уголовно-процессуального права, развитием гражданского общества. Прогрессивные достижения

человечества в указанных областях обусловили неизбежное снижение в плоскости рассматриваемой параболы. Считаем, что параболический характер эволюции феномена пытки является *закономерным*.

5. Говоря о правовой природе пытки в период Античности и Средневековья, следует отметить, что пытка сама по себе доказательственного значения не имела. Ее применение не являлось самоцелью. В конечном итоге она преследовала цель признания обвиняемым своей вины. Признание в свою очередь было как раз тем оригинальным и самостоятельным доказательством, которое использовалось в процессе. Пытка же выступала своеобразным оперативно-розыскным действием, то есть пытка – действие, признательные показания – конечный результат такого действия¹.

1.2 История применения и запрета пытки в России

Пытки существовали на Руси с незапамятных времен. По поводу источников их появления в литературе существует две основные точки зрения. Первая исходит из того, что пытки пришли к нам из азиатских стран, в результате нашего нашествия монголов (Н.М. Карамзин, М.А. Максимович²). Представители второй утверждают, что пытки практиковались в России еще до монгольского нашествия (М.Ф. Владимирский-Буданов, В.И. Сергеевич³). Еще одна версия исходит из того, что пытка явилась результатом рецепции римского права⁴, но это представляется маловероятным. Влияние последнего на развитие русского права было не столь значительным⁵. Мы склонны поддержать вторую точку зрения,

¹ См. также: Бардеев К.А. История пытки как средства уголовного процесса в западной правовой традиции // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3 (181). С. 142–145.

² Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М., 2010. С. 10.

³ Там же. С. 18.

⁴ Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868. С. 101.

⁵ См., напр.: Хащина Э.Э. Разграничение гражданского и уголовного процесса в Московском государстве: ретроспективный анализ // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 274.

ведь «испытание огнем» – это вид ордалии, явившейся не пыткой в прямом смысле слова, но ее прообразом. Влияние азиатского права лишь подтолкнуло развитие пыточной практики на Руси.

Т.Л. Курач указывает, что в эволюции института пыток прослеживались две противоположные тенденции. С одной стороны, постепенно расширялась палитра случаев, когда использовалась пытка, круг лиц, к которым она применялась (солдаты и офицеры, чиновники, духовенство, простые обыватели, «лихие люди», иные участники уголовного судопроизводства и т.д.). Расширялось многообразие конкретных видов применяемых пыток, их инструментарий, эволюционировала регламентация пыточной процедуры (например, устанавливались число пыток по одному делу, очередность их использования в отношении соучастников и др.). С другой стороны, с середины XVIII в. стала проявляться другая тенденция – постепенное сокращение применения пытки, ее прямой запрет в отношении определенных категорий подданных и в конечном итоге полный законодательный запрет в 1801 г.¹ Добавим, что последняя тенденция возникла не без влияния науки уголовного права, в первую очередь учения Ч. Беккария (Екатерина II была просвещенной государыней), а также рецепции передовых положений зарубежного законодательства (в частности, шведского права). Существование пытки в русском праве обуславливалось не патологической жестокостью судей. Она рассматривалась как средство охраны государства и общества от криминального мира. Преступник считался и субъектом уголовного судопроизводства, и угрожающим государству и обществу лицом². Законодательно пытка оформилась в период становления Московского государства³.

Р.С. Чобаняном выделен ряд объективных предпосылок, обусловивших

¹ Курач Т.Л. Пытка в памятниках процессуального права России XVIII в. // Вестник КРАГСиУ. Серия «Государство и право». 2019. № 26. С. 38.

² Петраков С.В. Легитимность насилия и пыток в уголовном процессе (исторический аспект) // Актуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 101–102.

³ Упоров И.В. Уголовно-процессуальные аспекты в Судебнике 1497 года: историко-правовой контекст // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 4. С. 18–23. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf> (дата обращения: 10.09.2022 г.).

применение пыток на Руси и в Московском государстве. Прежде всего, это мистический, сакральный характер правосудия и, следовательно, опора на иррациональные доказательства, неравенство прав и привилегий участников процесса, главным образом сословное¹. Признание было легче получить под пыткой, нежели изобличать преступника интеллектуальным путем.

Начиная со времен Русской Правды пыточная практика на Руси постепенно начала развиваться, была узаконена и воспринималась вполне нормальным явлением², хотя такого термина законодательство еще не знало. Есть мнение, что поговорка «в ногах правды нет» сложилась на основе деятельности праведников, то есть в данном контексте – судебных приставов, которые практиковали правож. Подсудимого до прихода судьи били железными прутьями по пяткам или голням, и данная экзекуция продолжалась до ухода судьи. Позже использовалась другая разновидность такой пытки – за казенные недоимки должника ставили голыми пятками на мороз, пока кто-либо не заплатит за него долг. Уже в то время можно наблюдать достаточно жестокие виды пыток. Так, епископ Федор (XII в.) приказывал выжигать заключенным глаза, отрезать языки³. Часто пытки и казни применялись к «колдунам», методы католической Инквизиции были не чужды и отечественной процессуальной практике.

В судопроизводстве широко практиковались ордалии (испытание водой, огнем). Пространная редакция Русской Правды предусматривала, что если обвиняемый в убийстве не может отыскать «послухов» (людей, которые подтвердят «добрую славу») или «видоков» (непосредственных свидетелей), то исход дела решается путем испытания каленым железом. Виновность субъективно определялась исходя из степени ожогов и их характера. Такой вид протопытки в соот-

¹ Чобанян Р.С. Пытка: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

² Желудков М.А., Бетина А.Ю. Историко-правовой анализ запрета на применение пыток при расследовании преступлений // Государственно-правовые исследования. 2021. Выпуск 4. С. 245.

³ См. подр.: Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России / отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1964.

ветствии со ст. 20 Русской Правды «О поклепной вире» применялся к обвиняемому, который не доказал ложности обвинения (не предоставил не менее семи «послухов»)¹. Но это еще не была пытка в прямом смысле слова. Назовем ее протопытка (предтеча пытки). Испытуемому в любом случае причинялись физические страдания не по его желанию. Целью была процессуальная проверка истинности обвинения или его ложности. Это подводит пытку и испытание железом под один общий знаменатель.

При расследовании незначительных краж применялось испытание водой². Если вода отвергала испытуемого, то он считался виновным, грешником. Такой вид ордалий также применялся в английском праве раннего периода³.

Нельзя в полной мере отнести к пыткам это вид испытания. Скорее, это был «Суд Божий» – испытуемые могли полагаться только на волю Всевышнего и на свои силы. Применение ордалий «Суд Божий» В.Д. Спасович остроумно именовал «признаком ребяческой немощности умственной»⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что ордалии, в том числе и протопытки, применялись тогда, когда рациональные средства доказывания были исчерпаны или не имелось таковых (отсутствие «послухов», «видоков»), и суд приходил к выводу о необходимости применения иррациональных.

Ряд авторов относит к пыткам поединок (испытание полем, «Суд Божий»). Полагаем, что такая драка к пыткам не имеет отношения, так как стороны были равны. В свою очередь пытка предполагает установление «господства» одного лица (лиц) над другим (другими) и потому возможность применения насилия, официального и неофициального. Пытаемое лицо не имеет возможности, не в

¹ Русская Правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 64–73; Петраков С.В. Указ. соч. С. 99–100.

² См. подр.: Дворянсков И.В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. С. 41.

³ См. подр.: Золотарев А.Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 314–318.

⁴ Спасович В.Д. Указ. соч. С. 25.

силах оказать сопротивление¹.

Следует более подробно рассмотреть вопрос, можно ли считать пытку насилием только в целях получения показаний, или требуется применять широкий подход. В русском праве раннего периода практиковался узкий, «обслуживавший» уголовный процесс. Существование «поля» можно обусловить в целом мистическим характером народного правосознания, когда всё детерминировалось Божественным провидением, и это никак не может трактоваться как пытка.

Вообще по Русской Правде предусматривалось насилие законное (в том числе пытка) и незаконное, но грань между ними была довольно условной. Например, ст. 33 документа гласила: «Или смерд умучать, *а без княжа слова* (курсив мой – К.Б.), за обиду 3 гривны; а в (о) гнищанине, и в тивунице, и в мечници 12 гривне». Таким образом, имеется в виду незаконное насилие – только князь мог пытать своих дружинников и слуг. Но есть и другие комментарии по поводу содержания и сути данной статьи. Так, С.В. Юшков данную норму связывал с гарантией телесной неприкосновенности потерпевшего². Полагаем, что для этого не имеется оснований. Здесь речь идет не о запрете пыток, а о запрете нарушения законного порядка ее применения как меры, прерогативой на которую обладала только княжеская власть. Однако в период Древней Руси судопроизводство в целом носило состязательный характер, стороны были равны, в том числе и в аспекте сбора и представления доказательств³. В целом необходимо отметить, что в процессе использовались как рациональные доказательства (в основном это были показания свидетелей: послухов, видоков, показания, полученные в ходе повального обыска), так и иррациональные (результаты суда Божьего, поединок или «поле» и полученные в результате применения протопытки). Если обвиняемый в совершении преступления свою вину отрицал, то должностное лицо, разбирающее дело, к таким показаниям относилось скептически.

¹ См., напр.: Гладких Г.Ю. Уголовная ответственность за пытки в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 7; Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 29.

² См.: Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 48.

³ Брянская Е.В. Указ. соч. С. 15.

Как правило, это воспринималось как желание преступника уйти от ответственности¹. В таком случае вполне могла применяться пытка.

Еще раз заметим, что пытка в допетровские времена могла применяться как к лицу, не признававшему свою вину, так и к искренне признавшемуся в совершении преступного деяния. В случае последующего отказа от своих показаний следовало наказание². В последующем император Петр Великий отодвинул пытку на задний план.

В феодальном русском праве укоренился классовый или сословный подход к судебному применению пытки. С принятием Судебника 1497 г. деятельность земских и губных учреждений, связанная с применением пыток к «лихим людям», существенно активизировалась. Статья 14 гласила: «А на кого тать возмолвит, ино того опытати...»³. Судебник предписывал «пытати в татьбе», «пытати татя»⁴. По сути, с этого началось государственно-правовое регулирование процедуры пытки. Обязанность в проведении пытки непосредственно возлагалась на недельщика (ст. 34). Результаты пытки он был обязан сообщать по инстанции.

Применение пыток и иного насилия сочеталась с поркой кнутом, в связи с чем разница между телесным наказанием и пыткой стиралась. Путешественник в Московию С. Герберштейн указывал на строгий контроль за процедурой пытки до земско-губных реформ. Круг должностных лиц, имевших право на использование пыток, был ограничен, и большинство преступников отправлялись для проведения следствия в Москву или другие крупные города. Пытки и битье кнутом стали обыденной процедурой в губских избах⁵.

Признание под пыткой было достаточным условием обвинения и служило

¹ Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 23.

² См., напр.: Корф М.А. Указ. соч. С. 61.

³ Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М., 2010. С. 35.

⁴ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1984. С. 54–62.

⁵ См., напр.: Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. М., 1995. С. 200.

основанием постановления обвинительного решения и назначения наказания¹.

Губная Белозерская грамота (1539 г.) прямо закрепляла показания, полученные под пыткой, в качестве доказательства². Документ предписывал пытать разбойников и их укрывателей: «тех разбойников и х которым людем разбойники приезжают, меж собя обыскав и пытав накрепко и доведчи на них въ правду, казнити смертью ж».

С.В. Юшков указывает, что «лихого» человека пытали не только ради получения признательных показаний, но и с целью установления соучастников преступления. Все, кого пытаемый оговорил в ходе пытки, также становились подозреваемыми со всеми вытекающими последствиями, в том числе, и применением к ним пытки³.

С введением в действие Судебника 1497 г. верховная власть окончательно приняла на себя функции истца. Новинкой было появление пытки также и в гражданском процессе⁴.

Согласно Судебнику 1550 г. пытка использовалась в двух целях: 1) для получения признательных показаний, то есть как средство доказывания; 2) как средство гарантии возмещения ущерба истцу. Всего в Судебнике пытка регламентировалась 4 статьями. Статья 12 закрепляла необходимость «попытать» побежденного в судебном поединке: «А убитого дати на поруку: как его государь попытает, ино его поставити перед государем; а не будет по нем поруки, ино его вкинути в тюрьму, доколе по нем порука будет». Пытке подлежал «ведомый лихой человек», на которого укажут в ходе допроса.

Статья 52 предписывала пытать «татя», пойманного с поличным и обличенного в ходе «повального» обыска.

¹ Батиев Л.В. Возбуждение процесса и доказывание в российском розыском судопроизводстве второй половины XVII – начале XVIII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 110.

² Губная Белозёрская грамота 1539 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2 / отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 214–216.

³ Юшков С.В. История государства и права России. Ростов н/Д, 2003. С. 570.

⁴ Калачев Н. Об уголовном праве по судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. М., 1842. Т. 2. С. 389.

Подлежал пытке и вор, совершивший повторную кражу (ст. 56).

Признание в совершении преступления, сделанное под пыткой, однозначно воспринималось как абсолютное, другие доказательства не рассматривались. Вместе с тем по делам о преступлениях, караемых смертной казнью, признание подсудимого являлось обязательным¹. Запирательства подследственного на допросах и пытках особо во внимание не принимались. Сам факт применения к лицу розыска и пытки уже говорил о его «порочности»².

Медынский губной наказ (1555 г.) также делал применение пытки обязательным. Устанавливалось максимальное число пыток (три). Скорее всего, пытки в обязательном порядке применялись по указанию губных старост. Пыткам подвергались лица, заподозренные в разбое. Это было возможно как после обыска, так и до него (если потерпевший предоставит обличающие виновного улики).

В 1555 г. была принята «Память о правеже долгов». О правеже уже говорилось ранее. По мнению В.А. Рогова, правежи и иные формы телесного насилия, утратив постепенно юридическую основу, трансформировались в акт целесообразности, а зачастую – в открытые издевательства. Они применялись по любому поводу «на основе административного указания или произвола властей»³.

С появлением Опричнины применение пыток приобрело особый, чудовищный размах. Они все также применялись для получения нужных показаний. А. Курбский так писал о методах расправ «поправшего заповеди Христа и законоположения евангельские», вызвавшего к жизни не виданное на Руси древнее варварство: «Не сковороды ли и печи; ни жестокое ли бичевание и когти острые; не клещи ли под ногти, биение и резание по суставам; не потрение ли веревками пополам не только мужей, но и жен благородных, не другие ли бесчисленные и

¹ Батиев Л.В. Указ. соч. С. 113.

² См., напр.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. 1711–1716 гг. Т. V. Кн. I. СПб., 1892. С. 25, 584; Боярский приговор 23 октября 1673 г. // Полное собрание законов. Т. I. № 561.

³ Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. М., 2008. С. 205.

неслыханные виды мучений произведены от него?»¹. пытка была возведена в ранг государственной политики. В период царствования Ивана IV по своей жестокости пытки фактически стали завуалированной смертной казнью или предшествовали ей. Так, во время Новгородского погрома 1570 г. мятежников пытали несколько дней, затем топили в Волхове². пыточные мероприятия продолжались непрерывно шесть недель³.

Удивительную изобретательность в организации пыток и создании их конкретных видов демонстрируют времена Ивана Грозного. Битье кнутом было, пожалуй, одним из самых легких видов пыток. Красноречиво показывал это князь А. Курбский⁴. Описание пыток и казней по этическим соображениям мы приводить не будем, однако необходимо отметить, что Курбский был политическим противником Ивана IV, и к его словам нужно относиться с определенной долей скептицизма. Но факты жестокости пыток и казней времен Опричнины достоверно установлены.

В литературе отмечается особая жестокость пыток во времена Лжедмитрия I. пытки приобрели массовый характер. Главная их цель состояла в том, чтобы добиться признательных показаний (в основном пытали стрельцов и священников) в государственной измене и заговоре против государственной власти⁵.

Уголовный процесс того времени подразделялся на «розыск» и «суд». Стороны судебного процесса могли просить судью о назначении «кожи противника», то есть пытки. Согласно ст. 163 Судебника пытка могла применяться при расхождении показаний, добытых при повальном обыске⁶.

Интересно, что пытки можно было проводить только по будним дням, в

¹ Цит. по: Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 191–192.

² Скрынников Р.Г. Великий государь Иоан Васильевич Грозный: в 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 150.

³ Штаден Г.О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 90.

⁴ См. подр.: Курбский А.М. История о великом князе Московском. М., 2001. С. 191–192.

⁵ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 112–113.

⁶ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 3. С. 83–257.

праздники они воспрещались. Однако Указом 1639 г. пытки и казни разбойников и татей дозволялись во все дни («ибо они ... бьют и мучают ... и в простые и в праздничные дни»)¹.

В 1649 г. был принят комплексный правовой акт – Соборное уложение, которое затрагивало вопросы уголовного процесса и уголовного права. Соборное Уложение 1649 г. предусматривало применение пыток в 63-х статьях. Они служили формой проверки показаний, в том числе и свидетелей. Глава XXI Соборного уложения являлась систематизированным сводом правил, регламентировавших пыточные процедуры, в розыске по уголовным делам. Насилие в ходе проведения расследования дел стало обычным правилом².

В правовой регламентации пыток по Соборному уложению прослеживается несколько новелл по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Так, пытка могла применяться к «татю» не только в ходе расследования конкретной кражи, но и для установления его возможной причастности к другим преступлениям. Даже если виновный признал свою вину, его, тем не менее, надлежало пытать по иным делам. Таким образом, получение доказательств совершения одного преступления, в данном случае кражи, автоматически рождало подозрение в совершении иных. Пытался виновной и на предмет установления укрывателей (недоносителей) его преступления.

По существу, все проводимые следственные действия являлись подготовлением к пытке, влияли на решение вопроса о необходимости ее производства. Допускалась пытка без обыска, если имелось «поличное», изъятое законным порядком, в присутствии понятых. Она применялась и к подозреваемым в краже или разбое. По общему правилу очередность следственных действий определялась так: очная ставка с потерпевшим, допрос, пытка (ст. 251)³.

¹ Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952–1963. С. 226.

² См. подр.: Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

³ См. подр.: Курач Т.Л. Пытка в памятниках российского права XV–XVII веков // Февральские чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.А. Сорокина: материалы национальной конференции (Сыктывкар, 01–28 февраля 2019 года). Сыктывкар, 2019. С. 268–273.

На Руси с XVII в. предусматривались две степени тяжести пыток: умеренная (без применения огня) и вторая жестокая, с использованием такового. Когда какую применять, в документах XVII в. не указано. По мнению Г.К. Котошихина, при первом допросе в основном, видимо, применялась пытка без огня. Затем, если подсудимый упорствовал, вторая и третья пытка были с огнем¹. Порядок применения пытки также регулировался Указом 1673 г., который устанавливал трехкратную пытку огнем и кнутом на дыбе. Указ предусматривал норму ударов – 80, 120 и 150 при каждой пытке для подозреваемых, которые отказались в Московском приказе от своих показаний, коих велено «жечь огнем». Для прочих лиц в случае применения пытки нормативы были ниже – 50, 80 и 100 ударов соответственно.

Указом «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных роспросу и розыску, о свидетелях, и об отводе оных, о присяге и наказании лже-свидетелей ...» от 21 февраля 1697 г. предписывалось вместо судов и очных ставок чинить розыск². Важным средством розыска выступала пытка. Ее главной целью являлось признание подсудимого, установление иных участников преступления, вида и размера похищенного имущества и др.³ От суда требовалось не только принятие истинного решения по делу, но и устрашение населения⁴.

Указом от 9 июля 1698 г. предусматривалось: «Смотреть по дорогам и рекам накрепко... Ссылных же беглых, и буде где у кого беглый или ссыльный человек явится, а по осмотру на ком на спине объявится, что он пытан или приложено пятно, и таких пытаных и запятнанных не пропускать и задерживать».

Реформы Петра Великого привнесли в правовую регламентацию пыток немало новелл. В.Д. Спасович указывал, что для применения пытки в петровские

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 91, 92.

² Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4. С. 397–399.

³ Батиев Л.В. Указ. соч. С. 112.

⁴ Хрусталева Л.А. Указ. соч. С. 142.

времена было необходимо три условия: 1) когда самое преступление очевидно; 2) когда против лица есть сильные улики или косвенные доказательства; 3) когда подсудимый не сознается в преступлении»¹. Однако, как указывал И. Арсеньев, судьи применяли пытки «по всякому удобному и неудобному случаю»². Была предпринята попытка ограничить произвол судебно-следственных органов при производстве пыток. Так, Петр своим указом повелел Сенату рассмотреть вопрос о пытках, «понеже и малых делах ... чинятся». Но дальше этого тогда дело не пошло. Далее был учрежден «суд по форме», восстановивший состязательность в судопроизводстве. Был принят специальный правовой акт, посвященный, в том числе, и пыточной процедуре. Это «Краткое изображение процессов и тяжб» 1715 г. (далее – Краткое изображение). Главной целью допроса подсудимого согласно этому документу (как правило, под пыткой) стало получение признания обвиняемого. В соответствии со ст. 5 главы первой «О доказывании» надлежало применить пытку к ответчику, который не предоставил доказательств своей невиновности. Суд мог отказать ответчику в присяге в определенных случаях и при недостаточности обвинительных доказательств применить пытку (к примеру, ст. 10 главы 5).

В соответствии с Кратким изображением степень тяжести пытки определялась судьей (ст. 4). При этом учитывались следующие факторы: 1) тяжесть учиненного преступления; 2) личностью пытаемого; 3) наличие достаточных причин для проведения пыточной процедуры. Причем пытка никогда не применялась совместно с присягой. Эти виды доказательств исключали друг друга³. Порядок и продолжительность пытки определялась судьей. Если преступление совершалось соучастниками, очередность применения пытки устанавливалась судом. Краткое изображение рекомендовало начинать с того, по

¹ См. подр.: Никитина Е.В. Из истории развития средств доказывания // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 254; Российское законодательство X-XX вв. / отв. ред. О.И. Чистяков. Т. 4. С. 408–425; Спасович В.Д. Указ. соч. С. 31.

² Арсеньев И. Суд по форме // Наше время. 1860. № 49. С. 794.

³ Хрусталева Л.А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII – первая четверть XVIII в.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004. С. 22.

мнению судьи, может быстрее сознаться в преступлении и сообщить истину. Если такое лицо установить было нельзя, то надлежало начать допрос с соучастника, вызывающего наибольшее подозрение. Кроме того, содержался ряд дополнительных рекомендаций¹.

При каждом применении пытки составлялся отдельный протокол, так называемые «пыточные речи». В судебных протоколах сама процедура применения пытки не расписывалась, обычно ограничивались общим упоминанием о применении данной меры². Такие протоколы далеки от современных: вопросы, задаваемые пытаемому, в протокол не заносились, показания записывались в краткой форме. Однако указывался конкретный вид примененной пытки. А.Н. Толстой отмечал лаконичность, точность, образность и гибкость таких протоколов («скасок»)³.

Изоощренных форм пыток (таких, как, к примеру, *peine forte et dure* в Англии⁴) на Руси в петровскую эпоху, в отличие от времен Ивана Грозного и стран Европы, не было⁵. Вместе с тем это мнение оспаривается в литературе. В «Обряде како обвиненный пытается» содержалось описание различных видов пыток и пыточных инструментов⁶. С.В. Максимов упоминал о русском аналоге «испанского сапога», но в отличие от своего собрата такое приспособление надевалось как на ноги, так и на руки. Называлась последняя разновидность пытки «репкой»⁷. Однако и без того пытки были очень жестоким мероприятием. Питание на дыбе обычно заканчивалось переломами ребер, руки вскакивали из суставов. Обвиняемого били кнутом: опытный палач мог убить человека одним ударом.

¹ См. подр.: Хрусталева Л.А. Пытка как институт процессуального права России начала XVIII в. по «Краткому изображению процессов и судебных тяжб» от 30 марта 1715 г. // Вестник ОГУ. 2004. № 3. С. 145.

² На основании: Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Симбирск, 1902. Т. 3. С. 19.

³ Толстой А.Н. Как мы пишем. Т. 13. М., 1949. С. 567.

⁴ См. подр.: Ивина М.К. Институт *peine forte et dure*: проблемы законодательства и правоприменительной практики в Средние века и новое время.

⁵ Например, в Праге есть целый музей пыток.

⁶ Хрусталева Л.А. Указ. соч. С. 144; Обряд како обвиненный пытается // Русская старина. СПб., 1873. Т. 8. С. 58.

⁷ Максимов С.В. Крылатые слова. Сборник сочинений. СПб., 1909. Т. 15. С. 112.

Г.К. Котошихин указывал, что женщин пытали, как и мужчин, но для них процедура пытки была «мягче» – им не ломали ребер и не жгли огнем¹. В то время с женщинами особо не церемонились. Однако по политическим делам жестокость при пытках не имела ограничений, и они равно применялась как к мужчинам, так и к женщинам². Истец или его поверенный могли присутствовать на пыточном «мероприятии», но это было не обязательно.

Все же розыскной процесс не был лишен неких элементов «гуманизма». Так, пытка могла быть отложена, если подследственный был болен. Предварительный осмотр мог показать, что в связи с плохим состоянием здоровья пытать обвиняемого не стоит. Его просто подвешивали на дыбу. Наверное, это не говорит о гуманности закона и судей. Просто в данной ситуации действительно применять пытку было просто нецелесообразно.

Доказательством являлись показания, данные не на самой пытке, а подтвержденные непосредственно на суде. Пытка, таким образом, являлась следственным, предварительным действием. Признание, данное под пыткой, но произведенное перед судом, считалось уже добровольным. Таким образом, добровольность понималась весьма своеобразно. Если подсудимый отказывался на суде от данных под пыткой показаний («переменные речи»), это служило основанием для возможности применения пытки повторно и даже в третий раз. Причем, если обвиняемый после троекратного применения пытки все же настаивал на своей невинности, предусматривалась особая процедура освобождения его от уголовной ответственности. Но известны случаи, когда пытка применялась двенадцать раз. Для этого в Преображенском приказе существовала должность «заплечных дел мастера». В общих судах таковых не было, а вот в Петербургском Надворном суде таковых было 12³.

В литературе существует мнение, что пытка в Петровскую эпоху являлась

¹ Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 91.

² Там же.

³ Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. С. 42, 44.

одним из видов наказания¹. Считаем данную точку зрения сомнительной. Действительно, пытка связана с причинением лицу физических или психических страданий. Но какую процессуальную цель она преследовала? Добиться признания преступника. В этом аспекте пытка выступала как средство доказывания, но не наказания. Вместе с тем надо признать, что грань между пыткой и телесным наказанием была достаточно условной, но при этом пытка носила характер предварительного следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия.

По правилам Краткого изображения вводился «роспрос с пристрастием». Это допрос с угрозой использования пытки. Именно это следственное действие, как правило, предшествовало пытке. Последняя применялась, если у судьи было «совершенное подозрение» в виновности лица. Такое подозрение могло основываться даже на показаниях одного свидетеля-очевидца.

В документах Сысского приказа в дальнейшем розыск мог рассматриваться как синоним пытки. Принятие решения о пытке подследственного сопровождалось в соответствующем документе пометкой «к розыску»².

Закон допускал опровержение оснований, по которым организован розыск еще до применения пытки («отвод поличного», обвинение в лжесвидетельстве и т.д.). В таком случае требовались дополнительные доказательства. Показания иных участников процесса, которые давались на очной ставке, в том числе и с применением пытки, возлагали бремя доказывания своей невиновности на подследственного и были достаточны для использования пытки.

Хотя розыск и пытка были исключительной прерогативой государства, часто помещики, хотя это было не в их компетенции, сами устраивали дознание и применяли пытки по отношению к своим крестьянам³.

¹ См., напр.: Рубан Д.Е., Цечоев В.К. Влияние системы преступлений на развитие репрессивной системы наказаний в феодальном инквизиционном суде Российской Империи // Власть закона. 2017. № 3. С. 274.

² Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сысском приказе (1730–1750 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных статей. Вып. 4: в 2 ч. Ч. 1. Курск, 2012. С. 9-22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-rozysknogo-protsesssa-v-sysknom-prikaze-1730-1750-e-gody> (дата обращения: 20.05.2022 г.).

³ Батиев Л.В. Указ. соч. С. 112.

Естественно, это открывало широкий доступ к произволу и беззаконию.

Итак, в период царствования Петра Великого пытка окончательно стала официальным этапом уголовного судопроизводства. Использовался ряд доказательств и, естественно, показания, данные под пыткой. «Поличное» являлось безусловным основанием (после «роспроса») применения пытки. Повинная на фазе «роспроса» не освобождала подсудимого от пытки по «разбоям и татьбам». Однако обвиняемый мог указать источник приобретения «поличного». Если указанный подозреваемым продавец отрицал сделку, то первого повторно пытали. Если показания подтверждались, то пытке подлежал уже продавец. В случае непризнания обоих на пытке ответственность все равно не исключалась¹.

Согласно Артикулу Воинскому 1715 г., если в драке была причинена смерть по неосторожности (видимо, имеется в виду групповая драка), пытка применялась при условии, что изобличен «кто-нибудь один ... по дознанию и угадом». При невозможности установить конкретного виновного в преступлении пытки не применялись (арт. 158).

В литературе отмечается, что зачастую люди боялись доносить о преступлении («извет»), опасаясь быть подвергнутыми пытке².

В Кратком изображении гл. 6, к которой мы обращались ранее, была полностью посвящена основаниям и порядку использования пыток («О роспросе с пристрастием и о пытке»)³. Прежде всего в данном документе давалось понятие допроса с пристрастием. Это процессуальный институт не был известен Соборному уложению и являлся новеллой права. «Роспрос с пристрастием» – это допрос с угрозой применения пытки, предшествующий ее применению. Пытка могла производиться по любому уголовному делу независимо от тяжести преступления.

В соответствии со ст. 2 Краткого изображения основанием для пытки было

¹ Там же. С. 115.

² Там же. С. 112.

³ Российское законодательство X-XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистяков. Т. 4. М., 1986. С. 445–447.

наличие серьезных причин (важности дела) и достаточных поводов для подозрения, а также нежелание лица сознаваться в инкриминируемых ему действиях. Достаточность оснований выявлялась формальным путем. Одного свидетеля преступления, дающего косвенные показания, было недостаточно для обвинения лица, но было достаточно для применения пытки. Эта норма была реципирована из действовавшего во времена Петра германского свода законов «Каролина» (1532 г.)¹.

Интересной нормой, содержащейся в Кратком изображении, было установление, что пытка могла применяться и по гражданским делам. Причем закон предусматривал возможность применения пытки и к ответчику, и к свидетелю в случае сомнения в их показаниях. Но существовало ограничение: свидетеля можно было пытаться только по «большим» гражданским делам, если он «оробеет, или смутится, или в лице изменится» (ст. 3 гл. 6 Краткого изображения). Эта норма, в адаптированном под российскую правовую систему виде, тоже заимствована из Каролины. Во время следствия свидетелей держали под стражей.

В 1720 г. были введены ограничения в применении пыток к лицу, который сознался в преступлении на первом допросе². Дальнейшее их сдерживание, связанное с деятельностью Петра I, было связано с неоправданным применением пыток по малозначительным делам («даже в малых делах пытки чинят»)³.

Однако и после смерти монарха судьи применяли пытку на свое усмотрение, при «довольном подозрении». «Довольность» подозрения судья определял самостоятельно. Разрешение «всякого сомнения» судьи или следователя осуществлялось с помощью пытки, все зависело от личного произвола⁴.

М.Ф. Владимирский-Буданов указывал на неопределенность в установлении сферы действия Краткого изображения. В самом документе на этот счет нет

¹ Хрусталева Л.А. Указ. соч. С. 142.

² Голубев А.А. Сыскной приказ. 1730–1763 // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 4. М., 1884. С. 125.

³ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I. М.-Л., 1945. С. 122–123.

⁴ Веретенников В.И. История тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. Т. IV. С. 195–196.

прямого указания. По мнению ученого, первоначально планировалось применить этот нормативный акт только военным судам, потому что он был помещен в Артикул воинский. Но практика свидетельствует, что Краткое изображение применялось и другими судебными учреждениями¹. Напротив, О.И. Чистяков указывает, что Краткое изображение применялось исключительно военными судами². Видимо, как всегда, истина лежит посередине. М.А. Чельцов-Бебутов писал, что изначально Краткое изображение было адресовано военным судам, но на практике применялось и остальными судебными учреждениями³.

У судьи была полная свобода усмотрения при определении тяжести пытки, хотя законом регламентировался определенный порядок пыточной процедуры. Пытка производилась под руководством президента, то есть председательствующего на процессе. Присутствия всего состава суда не требовалось. Президент был ответствен за нарушение процедуры пытки. Однако суды не особенно заботились о ее соблюдении, зачастую пытки были чрезмерно жестоки⁴. К примеру, при расследовании дела об Астраханском восстании (1705–1706 гг.) из 365 обвиняемых от пыток скончалось 45 человек⁵. Отмечается, что в Москве существовали в то время (XVII в. – первая половина XVIII в.) бесчисленные дыбы, пытки проводились в неслыханном количестве⁶. Нередко пытками руководил или присутствовал при их проведении лично монарх. Особенно «прославились» этим Иван IV Грозный и Петр I Великий. Этот факт даже отмечен в Указе Александра I об отмене пыток.

В 1574 г. Иван Васильевич лично принимал участие в допросе и пытке холопов князя Мстиславского, вернувшихся из татарского плена. Царя интересовал вопрос, кто из его приближенных вступал в тайные сношения с татарами. После

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 642.

² История отечественного государства и права. М., 1992. Ч. 1. С. 240.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 709.

⁴ Хрусталева Л.А. Указ. соч. С. 143.

⁵ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 67.

⁶ Максимов С.В. Крылатые слова и выражения русского народа. М., 2001. С. 113.

пытки огнем холопы дали показания против своего хозяина¹.

Приговоры по делам, где производилась пытка, подлежали утверждению одним из высших чиновников, как правило, представителем генералитета².

По уголовным делам о государственных преступлениях и об убийствах допускалось использование пытки к подозреваемым независимо от сословной принадлежности³. Вместе с тем по общему правилу от пыток освобождались: 1) дворянство; 2) высокопоставленные государственные должностные лица; 3) лица старше 70 лет; 4) недоросли (молодые дворяне, не достигшие 15-летнего возраста); 5) беременные. Заметим, что возраст недорослей прямо не устанавливался, но по традициям, почерпнутым из германской Каролины, он составлял 15 лет и менее. Только в 1742 г. он нашел законодательное закрепление (позже был повышен Указом от 18 июля 1744 г. до 17 лет)⁴. Указанные ограничения фактически игнорировались в уголовном процессе по политическим делам. Сыскные учреждения пытали всех подряд, сколько будет нужно⁵. Впрочем, исследователи отмечают, что в царствование Елизаветы Петровны пытки не применялись в связи с отменой смертной казни⁶.

Первая попытка дать общее определение понятия пытки была предпринята в проекте «О процессе в криминальных, или розыскных, пыточных делах», составленном в уложенной комиссии 1720–1727 гг. Пытка определялась как причиняющее боль средство «для испытания и изведывания правды». Использовалась она согласно проекту за неимением иных доказательств обвинения и наличия веских подозрений в отношении лица⁷.

¹ Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 211–212.

² Иванов А.А., Матиенко Т.Л., Нодари Д.Э. Органы борьбы с ослушниками «воли государевой» в петровскую эпоху: компетенция и методы // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 35.

³ Так, по делу о попытке государственного переворота с целью провозгласить императрицами дочерей Петра I Елизавету и Анну был пытан генерал-полицмейстер А.М. Девнер.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 12. № 8996.

⁵ Пирова Р.Н. Указ. соч. С. 108.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Указ. соч.

Артикул 142 Устава морского и арт. 209 Артикула Военского предусматривали, что пытка может применяться не только к солдатам, но и к офицерам в случае совершения «великих преступлений». Устав морской дополнял нормы Краткого изображения установлениями о лице, подвергнутом пытке, но оправданном или прощенном. Регламентировалась особая процедура восстановления чести (реабилитации) незаконно пытанного: ему вручался особый документ об этом, на него торжественно возлагался российский флаг. Напротив, при осуждении лица, к которому была применена пытка, последствия для его правового положения были весьма негативными («в войске его величества терпим да не имеет быть»). Это влекло более строгое наказание и установление за ним особого контроля.

Табеля о рангах 1722 г. свидетельствовала о возможности применения пытки к чиновникам («которые пытаны были...», ст. 18)¹. В соответствии с указом «О должности генерал-прокурора» от 24 апреля 1722 г. не подлежали пытке лица, занимающие должности генерал-прокурора и обер-прокурора². Запрещалось применение к ним пытки даже в случае измены, они несли ответственность исключительно перед императором (ст. 9).

Практика применения пыток в Сыскном приказе в 30–50-е гг. XVIII в. изучена недостаточно³.

Но поданным исследователей, эффективность пытки была нулевой, особенно к середине XVIII в.⁴ Серьезные шаги, направленные на упразднение пыток, были сделаны Екатериной II⁵.

Значение пытки как средства доказывания стало серьезно уменьшаться. Ряд авторов делают более радикальные выводы, полагая, что фактически пытка

¹ Табеля о рангах // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 4. С. 65.

² Там же. С. 199.

³ Линовский В.А. Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 77–98; Циммерман А. Русские пытки. Исторический очерк // Русский архив. Год пятый. СПб., 1867. С. 1139–1167.

⁴ Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Указ. соч.

⁵ См., напр.: История телесных наказаний в России. М., 2010. С. 154–155.

была устранена из судопроизводства¹.

В царствование Елизаветы Петровны в институте пытки появились некоторые новеллы. С 1752 г. пытки были запрещены во вновь присоединенных шведских землях. Это было связано с тем, что в Швеции уже 20 лет как были отменены пытки (см. параграф 1.1 диссертации). С 1751 и 1753 гг. запрещалось применять пытки по «корчемным» делам. В 1742 г. был принят Указ «О признании людей обоего пола от рождения до семнадцати лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьюми, с определением в монастыри для исправления»². Малолетние освобождались от пыток, потому что их «за малолетством ... не снести». Эти нормы были подтверждены Указом «О наказании преступников малолетних» от 18.07.1744 г.³

Временем царствования Елизаветы датируется «Обряд, како обвиненный пытается»⁴, о котором шла речь ранее. Пытка производилась в специально отведенном месте («застенке») в присутствии судьи и судебного секретаря. Протоколировал показания пытаемого подъячий. Процедура пытки была детально регламентирована. Она проводилась на дыбе, Обряд устанавливал орудия, которые применялись, и этапы пытки. В соответствии с Инструкцией 1756 г. в отношении дворян и офицеров по определенным категориям дел пытка могла применяться только с разрешения Сената.

Во времена Екатерины Великой, как уже отмечалось, продолжилась тенденция ограничения применения пыток. Указ от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству»

¹ Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. С. 216–218.

² О признании людей обоего пола от рождения до семнадцати лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьюми, с определением в монастыри для исправления // Полное собрание законов Российской Империи. XXI. № 8601.

³ О наказании преступников малолетних: Указ от 18.07.1744 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XII. № 8996.

⁴ Обряд, како обвиненный пытается // Русская старина. 1873. № 8. С. 58–59.

предписывал к пытке прибегать только как к крайней мере, когда иные средства не привели к установлению истины по делу¹. Пытки надлежало «производить с крайнею осторожностью и рассмотрением». Указ не допускал применение пытки к лицам, которые «покажут справедливо». В отношении данных лиц предписывалось, «не чиня не только пыток, ниже пристрастных распросов, решить дело по законам». Устанавливался запрет на применение пыток в случае собственного признания: «истинное их признание в винах избавит их при распросах от истязаний и пыток». К таковым не применялся также «роспрос с пристрастием». Особо регламентировалось применение пытки к лицам, оговорённым ворами и разбойниками. В случае если оговорённые «станут заперяться», их «пытать с осторожностью и рассмотрением», «во взыскание истины». Результаты одной пытки в данной ситуации недостаточны: необходимо, чтобы при повальном обыске большинство опрошенных указало на оговоренного как на виновника.

В 1765 г. увидел свет еще один Указ, ограничивающий применение пытки, – «Об обращении впадших в преступления, больше увещанием, нежели строгостью, и о непроизведении пыток в приписных городах»². Данный документ предписывал в ходе разрешения дела сместить акценты с жестких, карательных методов к «увещанию и милосердию». Пытка применялась, если другие методы сбора доказательств не имели успеха, однако Указ предписывал «уменьшить кровопролитие» и «пытать по закону». От правоприменителей требовалось, чтобы «невинные напрасно истязания не претерпевали». На местах пытать воспрещалось, подследственные должны были направляться в провинциальные и губернские органы власти. В своем Указе губернаторам от 17 июля 1767 г. «О доносителях, чтобы представляли доказательства; о неприеме доносов...» императрица указывала на недопустимость пыток и жестокости при допросах³. Пытку

¹ О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству: Указ от 10.02.1763 г. // Полное собрание законов Российской Империи. XXVI. № 11750.

² Об обращении впадших в преступления, больше увещанием, нежели строгостью, и о непроизведении пыток в приписных городах: Указ от 17.02.1765 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. № 11759.

³ Российское законодательство X–XX вв. / отв. ред. О.И. Чистяков. Т. 4. М., 1986. С. 374–375.

применять теперь можно было только с разрешения губернатора и только при отсутствии иных обвинительных доказательств. Однако в тот период пытка продолжала свое существование завуалированно, именуясь «допросом с пристрастием».

Позже, в 1774 г., был издан тайный указ о запрете применения пыток. Жалованная грамота дворянству 1775 г. запретила применение к лицам дворянского сословия телесных наказаний и пыток¹. Пытка в отношении дворян могла применяться только по делам о политических преступлениях. В 1796 г. были окончательно отменены пытки для духовенства. На законодательном уровне пытки были запрещены Указом императора Александра I от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пыток, кои велено истребить из памяти народной...»², где они были поименованы как «стыд и укоризна человечеству»³. Причем запрет пытки был во многом обусловлен получившим резонанс делом в Казани, когда невиновный под пыткой оговорил себя и был казнен⁴. Фактически пытки применялись вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. и судебной реформы 1864 г.⁵

Существование пытки как средства доказывания вины в XVII-XVIII вв. обусловлено еще и тем, что этот период в России чувствовался огромный дефицит в специалистах, которые могли бы добиться признания психологическим путем, оперируя фактами, логикой и др. Мысль о запрете пыток прослеживалась в научной литературе дореволюционного периода. В частности, Е. Трубецкой выделял в праве множество норм, носящих безнравственный характер. К таковым

¹ Жалованная грамота дворянству 1775 г. // Российское законодательство X-XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 5. С.23-25.

² См. подр.: Дворянсков К.В., Друзин А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование). М., 2002.

³ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 26. № 20022.

⁴ Упоров И.В., Хоконова М.Р. Уголовный процесс в Российской Империи в конце XVIII – первой трети XIX веков: основные тенденции законодательного развития // Аллея науки: научно-практический электронный журнал. 2018. №1 (17).

⁵ Магомадова Л.Р. История становления института признания обвиняемым своей вины // Актуальные проблемы современной науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Кисловодск, 02–06 мая 2012 г.). Ставрополь: Ставропольский университет, 2012. Том 2. С. 167; Хрусталев Л.А. Указ. соч. С. 146.

он относил и нормы о пытках¹.

В научной литературе советского периода прослеживался классовый подход к изучению розыскного процесса, где пытка рассматривалась как средство сильнее надавить на эксплуатируемый класс, «сломить чистоту народной воли»². Однако следует отметить, и об этом пишут современные ученые, что в названный период исследованию пыток практически не уделялось серьезного внимания в связи с отрицанием концепции «негативной свободы»³ и самой возможности существования пыток в СССР.

Общеизвестным является факт широкого применения пыток органами НКВД в конце 20-х – начале 50-х годов XX в. Репрессии не только применялись к контрреволюционным элементам, но и к трудящимся, служащим, интеллигенции. Широко пытки использовались по отношению к священнослужителям и лицам, близким к церкви. Целью их применения было стремление добиться от указанных граждан признания в агитации с целью подрыва авторитета действующей власти⁴. Органы НКВД прибегали не только к пыткам, но и к фальсификации доказательств⁵. Существуют свидетельства и многочисленные мнения ученых о том, что применение пыток было санкционировано неким постановлением ЦК ВКП(б), однако текст этого документа не обнаружен. Исследователи опираются на «Разъяснение ЦК ВКП(б) секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД о применении физического воздействия в практике НКВД» и стенографический отчет июньского пленума ЦК

¹ См.: Кумскова С.Н. История политических и правовых учений: хрестоматия. Кемерово, 1998. С. 125.

² См., напр.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. 2-е изд. СПб., 1995.

³ Абдуллаева С.З. Указ. соч.; Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М., 1997. С. 240.

⁴ Школа молитвы. К 100-летию со дня рождения архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Псково-Печерский монастырь, 2009. С. 46.

⁵ Щелкунов А.А. Особенности ведения следствия органами НКВД против священнослужителей во время «Большого террора» 1937–1938 годов // Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2. С. 111.

КПСС 1957 г.¹, показания следователей и репрессированных.

Пытки присутствуют и в современной судебно-следственной практике. По сведениям Комитета против пыток², только с период с 2004 по 2019 гг. в России было получено 2257 сообщений о нарушениях в рассматриваемой сфере, 142 должностных лица осуждены за применение пыток³.

В настоящее время в России принят ряд нормативно-правовых актов, запрещающих применение пыток. Во-первых, это положения ст. 21 Конституции РФ. Далее следуют кодифицированные законы в области уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (подробнее о содержании этих документов будет сказано в следующих разделах работы). Эти основополагающие акты продолжили тенденцию гуманизации закона, отражая парадигму развития правовых представлений о пытке как сугубо негативном, бесчеловечном виде обращения и (или) наказания.

Определение пытки в российском уголовном законе ныне регламентировано. Ранее ее дефиниция содержалась в примечании к ст. 117 УК РФ, в которой присутствовал соответствующий квалифицирующий признак. Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 307 понятие пытки было расширено и перенесено в примечание 1 к ст. 286 УК РФ⁴. Оно используется и для целей ст. 302 УК РФ. Названные статьи устанавливают ответственность за деяния против государственной власти. Однако пытки могут осуществляться и общими субъектами

¹ Разъяснения ЦК ВКП (б) секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД о применении физического воздействия в практике НКВД 1936–1937 гг. // Конвейер НКВД: из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск; М., 2004. С. 343–344; Последняя «антипартийная» группа: стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 3. С. 87.

² 10.06.2022 г. Минюст РФ включил «Комитет против пыток» в реестр незарегистрированных НКО-иноагентов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/845882> (дата обращения: 01.08.2022 г.).

³ Показатели деятельности российского Комитета против пыток. URL: <https://www.pytkam.net/ru/pokazateli-nashey-deyatelnosti> (дата обращения: 01.05.2021 г.).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5274.

(например, в целях наказания другого лица, в рамках использования рабского труда и проч.). Представляется, что определение понятия «пытка» не должно носить оценочный характер, и законодатель правильно уточнил многие ее признаки.

Анализ исторических источников позволяет определить периодизацию в развитии института пытки в России. Критериями таковой в данном случае могут выступать: 1) наличие или отсутствие формального законодательного запрета на применение пытки; 2) фактическое применение или неприменение пыток в деятельности правоохранительных органов; 3) установление или неустановление уголовной ответственности за совершение пытки.

Первый этап (времена Русской Правды – принятие Судебника 1497 г.) характеризуется отсутствием законодательной регламентации пыточного процесса. Применялась протопытка (испытание каленым железом), которая, однако, пыткой в полном смысле данного термина не являлась. Прямо уголовная ответственность за пытки не устанавливалась.

На втором этапе законодатель, подтверждая государственную монополию на применение насилия, вводит в закон нормы, регламентирующие процедуру применения пытки. Впервые это было сделано в Судебнике 1497 г. Пытки получили широкое распространение в деятельности следственных органов. Постепенно расширялась палитра используемых видов пытки и ее инструментов.

Следующий этап берет начало в Петровскую эпоху. Его особенностью являются две противоположные тенденции. Во-первых, власть продолжает осуществлять детальную регламентацию пытки. Во-вторых, предпринимаются шаги к ограничению возможности ее применения как по кругу случаев, когда это возможно, так и по кругу субъектов, к которым она могла быть применена (из него исключались малолетние, дворяне, священники, беременные женщины и др.). Венчает этот этап официальный универсальный запрет пыток в 1801 г. Но, несмотря на него, фактически она применялась вплоть до 1864 г. (судебные реформы Александра II).

На последнем этапе (1864 г. – наши дни) пытки остаются формально запрещенными, хотя имеют место случаи их незаконного применения органами правопорядка. В уголовном законодательстве советского периода ответственность за пытку не устанавливалась. Впервые упоминание пытки появилось в УК РСФСР 1960 г. с принятием Закона Российской Федерации от 29 апреля 1993 г. о внесении изменений в уголовный закон. Пытка была введена в качестве квалифицирующего признака в ст. 125¹ («Похищение человека») УК РСФСР¹. С принятием УК РФ деяния, связанные с применением пытки, были криминализованы в ст. 117, 286, 302 УК РФ. В июле 2022 г. пытка была исключена из ст. 117 УК РФ и ныне может быть сопряжена только с преступлениями против государственной власти. Факты свидетельствуют о достаточно серьезных нарушениях в деятельности правоохранительных органов, связанных с применением пыток к подозреваемым и обвиняемым. Еще одним важным положением, затрагивающим рассматриваемые вопросы, является правило, установленное в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре»²: признание подсудимым своей вины при отсутствии иных обвинительных доказательств не может служить основанием обвинительного договора. Таким образом, признательные показания еще больше теряют свою роль в качестве «царицы доказательств», а путь к ним в истории уголовного процесса России зачастую лежал именно через пытку³.

Итак, изучение процесса исторического развития института пытки в российском государстве, позволяет сделать следующие основные *выводы*:

1. Предпосылки пыточного процесса появляются во времена Русской правды. Прямого указания на возможность применения пыток документы того

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: Закон РФ от 29.04.1993 г. № 4901–1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 22. Ст. 789.

² О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

³ См. также: Бардеев К.А. История применения и запрета пытки в уголовном законодательстве России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 145–148.

времени не содержат, но на практике применялось испытание каленым железом, которое по многим признакам схоже с пыткой в «классическом» виде. Остальные виды ордалий (испытание водой, поле) к пыткам отнести нельзя. С укреплением государственной власти пытки получают самостоятельную правовую регламентацию (Судебник 1497 г. и последующие документы). Пытка была официально запрещена Указом императора Александра II в 1801 г. Впервые в российском праве уголовная ответственность за преступления, связанные с применением пытки, установлена в 1993 г. (ст. 125¹ УК РСФСР 1960 г.).

2. В целом, анализируя парадигму развития института пытки, можно, как это сделано в предыдущем разделе работы, представить ее в виде параболы. Первоначально ее кривая устремляется вверх (рост объема пыток как в количественном, так и в качественном отношении), достигая своей вершины во времена Соборного уложения 1649 г. и правления Петра I. Далее намечается спад, этапами которого выступают: а) акты, ограничивающие применение пыток (середина XVIII – начало XIX вв.) б) запрет пыток (1801 г.); в) судебная реформа 1864 г.; г) наши дни: установление уголовной ответственности за пытку. Можно с уверенностью сказать, что такой алгоритм развития института пытки является *закономерным*. Он обусловлен развитием социального и правового сознания, эволюцией гражданского общества, тенденциями либерализации уголовного законодательства, в том числе и международного, религиозными воззрениями и их развитием, возрастанием роли рациональных доказательств.

3. Пытка в истории уголовного процесса являлась особым видом оперативно-розыскного мероприятия, доказательственное, самостоятельное значение имело только собственное признание лица.

4. Пытку нельзя отнести к разновидности уголовного наказания. Они существовали параллельно, но имели разное целевое назначение. Применение пытки служило средством получения признательных показаний, а уже признание как самостоятельное доказательство лежало в основе обвинения и назначения наказания.

2 Феномен пытки в современной международной и зарубежной законодательной практике: компаративные аспекты

2.1 Международно-правовое признание пытки как преступления

В последние десятилетия в России наметились как серьезные тенденции гуманизации уголовного законодательства (в том числе частичная декриминализация пытки), так и ужесточение уголовной репрессии (криминализация новых общественно опасных деяний, усиление санкций). Это было обусловлено, в том числе, и тем, что до 2022 г. происходила интеграция отечественной правовой системы в международное и, в частности, европейское право, однако известные события приостановили данный процесс. Тем не менее, наше уголовное право продолжает основываться на общепризнанных нормах и принципах международного уголовного и гуманитарного права, возникших после Второй мировой войны и направленных на противодействие пыткам и связанным с ними явлениям. События 30–40 гг. прошлого века, кульминацией которых стала Вторая мировая война, принятие Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека положили конец мнению о том, что государство имеет исключительную прерогативу на распоряжение правами граждан. Права человека перешли в целом в сферу международного права, имеющего обязательную силу для государств¹.

Процесс взаимодействия России и мирового сообщества в области борьбы с феноменом пыток проявляется в ратификации нашей страной ряда международных конвенций и иных документов, направленных на противодействие данному явлению, с последующим включением (имплементацией) норм международного права, в том или ином виде, в российское законодательство. В международном праве запрет пыток выступает в роли *jus cogens*² (императивной нормы),

¹ Садовникова М.Н. Права человека в пенитенциарных учреждениях: запрет пыток // Сибирский юридический вестник. 2007. № 2. С. 91–95.

² См.: Ковлер А.И. Европейская Конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М., 2019. С. 32–44; Чобанян Р.С. Международно-правовые основы противодействия пыткам // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 529.

не допускается их дерогация¹. Однако применение в США пыток после терактов 11 сентября 2001 г. фактически ставит под сомнение аксиоматичность этого императива², хотя официальные власти утверждают, что следственные действия с подозреваемыми не достигают необходимого порога жестокости и, следовательно, страна соблюдает свои международные обязательства³.

Пытка рассматривается в качестве тяжкого преступления, посягающего на фундаментальные права и свободы личности⁴, относится к разряду преступлений международного характера⁵, преступлений против человечности, военных преступлений⁶, рассматривается как серьезное нарушение прав человека⁷. К примеру, Римский статут международного уголовного суда (далее – Статут) оценивает пытку как международное преступление⁸.

Применение пытки может рассматриваться и как самостоятельное пре-

¹ См.: Aust A. Handbook of International Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. P. 228; Duffy H. The 'War on Terror' and the Framework of International Law. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 506; Hannum H., Shelton D. N., Anaya S. J., Celorio R. International Human Rights: Problems of Law, Policy, and Practice. New York: Wolters Kluwer Law & Business. 2017. P. 146–148; Lepard B. D. Customary International Law: A New Theory with Practical Applications. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. P. 332; Murphy J. F. The United States and the Rule of Law in International Affairs. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. P. 101; Perry J. T. Understanding Torture: Law, Violence, and Political Identity. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. 2010. P. 16; Van Dervort Th. R. International Law and Organization: An Introduction. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 1997. P. 109.

² Дикаев С.У. Допустимо ли применение пыток в целях обеспечения права безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 25–30.

³ Saul B., Flanagan M. Torture and counterterrorism // Research handbook on international law and terrorism. 2014. P. 379–400.

⁴ Джоробеков Т.М., Раимбердиев И.Р. Международно-правовые нормы по противодействию пыткам // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12–4. С. 32–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-normy-po-protivodeystviyu-pytkam> (дата обращения: 05.01.2021 г.).

⁵ Панов В.П. Международное уголовное право: учеб. пособие. М., 1997. С. 68.

⁶ Saul B., Flanagan M. Torture and counterterrorism. P. 379–400.

⁷ Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принят 18 декабря 2002 г. на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией A/RES/57/199; вступил в силу 22 июня 2006 г. // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml (дата обращения: 01.12.2020 г.).

⁸ Римский статут Международного уголовного суда: вступил в силу 1 июля 2002 г. // Веб-сайт ООН. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf). Россия, как известно, его участником не является.

ступление, и как средство нарушения другого права (например, пытка как средство получения информации, составляющей личную, семейную или другую охраняемую законом тайну)¹.

Видится целесообразным определить основные международно-правовые акты, регулирующие вопросы, касающиеся рассматриваемого нами явления и борьбы с ним. В их числе:

1) Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.)² – первый комплексный международный документ, посвященный обеспечению прав личности (далее – ВД);

2) Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.³ (далее – Пакт);

3) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.⁴;

4) Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁵ (далее – ЕКЗПС)⁶;

5) Минимальные стандартные правила обращения с заключенными от 30 августа 1955 г.⁷;

¹ Еминцева Ю.А. Место запрета пыток в системе общепризнанных прав человека // *Novum.ru*. 2016. № 4. С. 154.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // *Российская газета*. 1995. 5 апреля. № 67.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1976. № 17. Ст. 291.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 г.) // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XXXII. М., 1976. С. 3–26.

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (с изм. от 24.06.2013 г.) // *Бюллетень международных договоров*. 2001. № 3.

⁶ С 16 марта 2022 г. она прекратила действие в отношении РФ в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы. См.: О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 43-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/79355.html>.

⁷ Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными (приняты в г. Женеве 30.08.1955 г.) // *Международная защита прав и свобод человека: сборник документов*. М., 1990. С. 290–311.

- б) Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов 1974 г.¹;
- 7) Декларация ООН о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 9 декабря 1975 г.² (далее – Декларация о защите всех лиц от пыток);
- 8) Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.³;
- 9) Межамериканская конвенция по предотвращению пыток и наказанию за их применение от 9 декабря 1985 г.⁴
- 10) Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних – «Пекинские правила» (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №40/33 от 29 ноября 1985 г.)⁵;
- 11) Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (ETS № 126) от 26 ноября 1987 г.⁶ (далее – ЕКПП);
- 12) Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной

¹ Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (принята резолюцией 3318 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14.12. 1974 г.) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml.

² Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята 09.12.1975 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml.

³ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заключена 10.12.1984 г.) (с изм. от 08.09.1992) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

⁴ Межамериканская конвенция по предотвращению пыток и наказанию за их применение. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32876848 (дата обращения: 27.12.2020 г.).

⁵ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/33 от 29 ноября 1985 г.) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.

⁶ Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (ETS № 126) от 26 ноября 1987 г. // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305480/>.

Ассамблеи ООН от 09 декабря 1988 г.)¹;

13) Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.²;

14) Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №45/113 от 14 декабря 1990 г.)³;

15) Резолюция ООН №52/86 «Меры в области предупреждения преступности и уголовного правосудия с целью искоренения насилия в отношении женщин» от 12 декабря 1997 г.⁴;

16) Римский статут Международного уголовного суда и Элементы преступлений от 17 июля 1998 г.⁵;

17) Стамбульский протокол от 9 августа 1999 г. «Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»⁶.

18) Европейские пенитенциарные правила от 11 февраля 2006 г.⁷;

19) Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 г.⁸;

20) Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ,

¹ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи от 09.12.1988 г.) Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml.

² Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 242–257.

³ Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №45/113 от 14 декабря 1990 г.) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml.

⁴ 9) Резолюция ООН №52/86 «Меры в области предупреждения преступности и уголовного правосудия с целью искоренения насилия в отношении женщин» от 12.12.1997 г. // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2565424>.

⁵ Ранее уже отмечалось, что Россия не является участником Римского статута. Вместе с тем и Статут, и Элементы преступлений представляют исследовательский интерес в рамках осуществления компаративистского рассмотрения соответствующих вопросов.

⁶ Стамбульский протокол от 9 августа 1999 г. // United Nations iLibrary. URL: <https://www.un-ilibrary.org/> (дата обращения: 30.07.2021 г.).

⁷ Европейские пенитенциарные правила (рекомендация Rec (2006)2 Кабинета министров Совета Европы) // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/70170038/>.

⁸ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995 г.) // Дипломатический вестник. 1995. № 7.

принятый 17 февраля 1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ¹.

Можно сделать вывод о наличии солидной и достаточной международно-правовой основе противодействия пыткам².

Рассмотрим нормы основных документов, посвященные противодействию пыткам.

ВД 1948 г. заложила правовой фундамент, на котором зиждется всё «здание» защиты прав личности в современной правовой архитектуре мира. В соответствии со ст. 5 документа «никто не должен подвергаться пыткам». Это задача, к решению которой должны стремиться народы и государства³. В литературе, несмотря на общепризнанный характер положений Всеобщей декларации, встречаются различные ее оценки. А.Я. Островский указывает, что значение данного документа сильно преувеличено⁴.

С другой стороны, О.И. Тиунов отмечает огромное воздействие ВД на дальнейшую деятельность государств в области охраны и реализации прав человека⁵.

Действительно, задачей ВД является не регулирование конкретных правоотношений, в том числе в сфере противодействия пыткам, но установление правовых ориентиров для международного сообщества в целом и отдельных государств, в частности. Провозглашение в ст. 5 запрета на пытки носит универсальный декларативный характер. По сути, это исток, с которого началась организованная системная борьба с пытками как социально-негативным институтом. Без

¹ Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. постановлением 7–5 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) (ред. от 27.11.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56652#LbSXQqTt1xUb-gAT>.

² Данный вывод поддержали 77 % опрошенных респондентов. См.: Приложение 2.

³ Журтов А.Б. Международные правовые механизмы противодействия пыткам и их реализация в уголовном законодательстве России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 218.

⁴ Островский А.Я. ООН и права человека. М., 1968. С. 61.

⁵ Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М., 1999. С. 5.

подобных базовых норм построение системы противодействия пыткам было бы невозможно. Так что значение ВД преуменьшать нельзя.

Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. практически дословно повторяет положения ст. 5 ВД, дополняя их нормами о недопустимости производства научных или медицинских опытов над человеком без его добровольного согласия. Указанные нормы носят для государств-участников соответствующих договоров императивный характер как в мирное, так и в военное время. Данной статьей для государств-участников установлено негативное обязательство, то есть запрет на применение в их деятельности пыток, и позитивное обязательство – принимать меры, направленные на защиту всех лиц от пыток как со стороны государства, так и частных лиц¹.

Обратим внимание, что рассматриваемые установления разделяют пытки, с одной стороны, и наказание – с другой. Таким образом, еще раз поставлен вопрос о том, может ли пытка быть разновидностью наказания. Полагаем, что, с формальной точки зрения, их, конечно, надо дифференцировать, но, вместе с тем, почему бы пытку не рассматривать как наказание (в противозаконном смысле) потерпевшего? Считаем, что ответ в данном случае может быть положительным, исходя из поддерживаемого нами широкого подхода к определению пытки. Необходимо учесть и положения Декларации о защите всех лиц от пыток. Здесь пытка рассматривается как разновидность наказания.

Таким образом, с формально-юридической точки зрения, международный законодатель создал не совсем корректную конструкцию. Да, пытка может выступать наказанием потерпевшего (фактическое незаконное действие). Если же она предусмотрена нормативным актом, это уже наказание в формальном смысле. Статья 2 Декларации противоречит положениям ст. 1, говоря о пытках *или* (курсив мой – К.Б.) других видах жестокого обращения и наказания. Пола-

¹ Корсакова С.А. Запрет пыток в стандартах Европейского Суда по правам человека, конституционного законодательства Российской Федерации и правоприменительной практике // Вестник магистратуры. 2018. № 4–1. С. 79.

гаем, что законодательная практика установления государством пытки в качестве официального наказания должна быть самостоятельно выделена как преступление против человечности, безопасности человечества.

Важной новеллой стал запрет на такую специфическую разновидность пыток, как медицинские и научные опыты. Бесчеловечными экспериментами над здоровьем человека, помимо нацистской Германии, «прославилась» также и Японская империя. Достаточно вспомнить деятельность «отряда 731», который проводил эксперименты с целью изучения действия различных ядов на организм человека. А.П. Мовчан в связи с этим отмечал, что уточнение о медицинских и научных опытах было внесено в Международный пакт с учетом событий Второй мировой войны, когда во время проведения опытов в концентрационных лагерях были убиты сотни тысяч военнопленных и гражданских лиц¹. Позднее в Принципах медицинской этики, касающихся роли работников здравоохранения по защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 37/194 18.12.1982 г.), запрет на принудительные медицинские опыты нашел свое подтверждение. В принципе 2 была декларирована уголовная ответственность работников здравоохранения, принимавших участие в пытках (путем действия или в пассивной форме) или выступавших соучастниками применения пыток².

Аналогичные нормы, воспрещающие врачам в активной или пассивной форме участвовать в пытках, содержатся в Токийской декларации Всемирной медицинской ассоциации³. Стоит отметить, что подобные по содержанию нормы отсутствуют в отечественном уголовном праве, что видится пробелом закона

¹ Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., 1982. С. 96.

² Принципы медицинской этики, касающиеся роли работников здравоохранения по защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 37/194 18.12.1982 г.) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/medical_ethics_principles.shtml (дата обращения: 08.12.2021 г.).

³ Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных Наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. Вып. 1. М., 1989. С. 67.

(конкретные рекомендации по данному вопросу будут сформулированы далее).

Как можно заметить, положения основополагающих правовых документов в отношении пытки достаточно лаконичны. Это вполне резонно, ибо на данном уровне международный законодатель обычно устанавливает лишь общие запреты (декларативные или императивные нормы) на совершение определенных общественно опасных деяний. Можно сказать, что это своего рода правовое лекало, которое может быть использовано национальным правом.

Более подробны в отношении пыток нормы ст. 1 Декларации о защите всех лиц от пыток. Здесь уже содержится дефиниция пытки. Под ней понимаются любые действия, которыми лицу умышленно причиняются сильная боль или страдание (физическое или умственное), совершаемые официальным должностным лицом или по его подстрекательству, имеющие целью получение от потерпевшего или от третьего лица какой-либо информации или признательных показаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц. Применение пытки должно осуждаться как нарушение основополагающих прав и свобод, установленных ВД. Важной нормой Декларации о защите всех лиц от пыток является запрет на применение или терпимое отношение к пыткам, несмотря ни на какие чрезвычайные обстоятельства (война или угроза войны, общественные бедствия, социальная нестабильность, чрезвычайное положение и т.д.).

В чем, с нашей точки зрения, недостатки представленной формулировки? Во-первых, определение субъекта применения пытки видится односторонним, это официальное должностное лицо или действующее по его подстрекательству третье лицо. Во-вторых, следует решить вопрос, а может ли пытка совершаться бездействием? Так, в специальной литературе встречаются мнения о том, что пытка может быть совершена путем пассивного поведения¹. По последней проблеме анализ будет содержаться в следующей главе диссертации.

Что касается первой, еще раз предположим, что субъект пытки может быть

¹ Джоробеков Т.М., Раимбердиев И.Р. Указ. соч.

не только специальным (в должностных преступлениях, преступлениях против человечности и др.), но и общим, исходя из поддерживаемой нами концепции о необходимости криминализации пытки в целом в качестве общеуголовного преступления или квалифицирующего признака для ряда составов. При этом ответственности должны подлежать, помимо исполнителя, и иные участники (соучастники) пытки, а также лица, намеревающиеся совершить пытку (приготовление).

Конвенция против пыток... (далее – КПП)¹ в целом транслирует определение, данное указанной Декларацией, но несколько расширяет ее содержание. Проведем краткое сравнение соответствующих дефиниций:

1) Если в Декларации говорится об умственных страданиях, то в Конвенции – о нравственных. Действительно, первые лежат в сфере рационального, логического мышления, вторые больше в сфере психики, эмоций.

2) Субъектом преступления, согласно Декларации, выступают официальные должностные лица или действующие по их подстрекательству иные лица; исходя из положений КПП, – это государственные должностные лица иные лица, действующие в официальном качестве, иные лица, действующие по их подстрекательству или с их молчаливого согласия. Таким образом, круг субъектов пытки по КПП шире.

3) КПП определяет целью пытки не только запугивание лица, но и принуждение последнего (к чему именно, Конвенция не определяет).

4) Характер новеллы носит следующее положение КПП: «по любой причине (*применение пытки – К.Б.*), основанной на дискриминации любого характера». В ней уточняется, что «в это определение не включается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от

¹ Ратифицирована более чем 150 государствами. Вступила в силу 26.06.1987 г., РФ участвует. См.: Токубаев З.С. Уголовная ответственность за пытки: международный и отечественный опыт // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 121–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-pytki-mezhdunarodnuu-i-otechestvennuu-opyt> (дата обращения: 24.01.2022 г.); Яковлев А.М. Конвенция против пыток // Московский журнал международного права. 1998. № 1. С. 90.

этих санкций или вызываются ими случайно».

Указанные понятия объединяет следующие признаки:

- 1) причинение сильной физической боли и (или) умственного, нравственного страдания (*actus reus*);
- 2) пытка может причинять страдания не только непосредственно пытаемому, но и третьему лицу (лицам), к числу которых можно отнести, в частности, родственников, иных близких, лиц, жизнь и здоровье которых небезразличны для потерпевшего. Впрочем, это могут быть вообще любые лица, которым сам факт созерцания пытки причиняет психические переживания;
- 3) умышленный характер указанных действий (*mens rea*);
- 4) конкретная преступная цель – получение показания или иных сведений, наказание, запугивание, принуждение (*dolus specialis, prohibited purpose*);
- 5) специальные субъекты применения пытки: участие должностных лиц или иных лиц, действующих в официальном качестве, которое может быть и опосредованным, через привлеченных к осуществлению пытки третьих лиц.

Как видно, дефиниция пытки не сводится только к ее применению в рамках превышения должностных полномочий и принуждения к даче показаний, как это имеет место в действующей редакции УК РФ¹.

Исследовательский интерес представляет Межамериканская конвенция по предотвращению и наказанию за применение пыток 1985 г., в которой дано развернутое определение пытки. В целом повторяя определения таковой, приведенные ранее, данный документ расширяет перечень целей ее применения, фактически делая его открытым. Впрочем, по данному пути идут и другие международно-правовые акты, например КПП, Элементы преступлений Статута. Тем не менее, как справедливо указано в литературе, цель не может быть вообще любой. Она должна иметь по смысловому содержанию общее с теми целями, которые указаны в соответствующих документах явным образом².

¹ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 90.

² См., напр.: J. Herman Burger and Hans Danelius, *The United Nations Convention against Torture: A Handbook on the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading*

Важной особенностью является указание Межамериканской конвенцией на то, что пыткой также может признаваться применение к лицу методов, направленных на уничтожение его индивидуальности или уменьшение его физических или умственных способностей, даже в том случае, если они не причиняют физической боли или моральных мучений. Думается, подобная норма будет весьма полезна отечественному законодателю.

Как видно из анализа основных международно-правовых документов, а также судебной практики Международного уголовного суда (далее – МУС), посвященных ответственности за пытку, причинение в ходе ее совершения увечий или иных телесных повреждений не влияет на квалификацию содеянного как пытки¹.

Статут весьма краток в понимании пытки. Это умышленное причинение сильной боли или страданий, физических или психических, потерпевшему, находящемуся под стражей или под контролем виновного (п. «е» ч. 2 ст. 7). Элементы преступлений несколько детализируют состав пытки. Уточняется, что данное преступление может быть совершено как в отношении одного, так и нескольких лиц. Понятие пытки не распространяется на боль и страдания, возникающие при применении законных санкций. Обязательным признаком состава является совершение преступления в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, если при этом исполнитель заведомо знал о таких масштабах или свойствах преступления. Как видно, в силу специфики Статута: 1) объективная сторона преступления сужена, ограничена широкомасштабным и систематическим нападением на население; 2) потерпевший должен находиться под стражей или контролем исполнителя (*но не третьего лица – К.Б.*). Так как Россия отказалась от участия в МУС, данное определение может иметь для нас лишь познавательное значение.

Treatment or Punishment, Martinus Nijhoff. The Hague. 1988, p. 118; ICTY, Prosecutor v. Kvočka and Others, above note 10, para. 153; Prosecutor v. Kunarac and Others, above note 10, para. 486, и Appeals Chamber, 12 June 2002, para. 155.

¹ См., напр.: ICTY, Prosecutor v. Brdjanin, above note 56, para. 484; ICTY, Prosecutor v. Kvočka and Others, above note 10, para. 148.

В литературе также даются разнообразные дефиниции пытки. Так, есть понимание ее как умышленного бесчеловечного обращения, которым лицу причинены серьезные страдания¹. Что касается применения данного определения для целей международного права, заметим, что понятие «серьезные страдания» носит оценочный и весьма размытый характер. С другой стороны, это позволяет правоприменителю в каждом конкретном случае решать, имела место пытка или иные формы дурного обращения, оставляя судье своеобразное пространство для правового «маневра». Однако такое определение может подходить для правовых систем с действительно состязательным судопроизводством и реальными гарантиями возможности пересмотра дела вышестоящими инстанциями в случае неправильного истолкования судом термина «серьезные страдания». Поэтому использование подобных оценочных суждений имеет свои подводные юридические камни.

Пытка может применяться и по дискриминационным основаниям (расовая, национальная, религиозная, социальная, половая, языковая, возрастная, иная принадлежность лица, профессиональная или иная деятельность). К сожалению, этот признак не нашел отражения в УК РФ.

Причинение сильной физической боли может быть квалифицировано как пытка независимо от социально-демографических характеристик, методов и способов и т.д. Можно сказать, что в определении пытки это важный конструктивный признак.

Интересным видится вопрос о потерпевшем (потерпевших) от пытки. КПП говорит о действиях, причиняющих какому-либо лицу сильной боли, физического или нравственного страдания. Возникает вопрос, как в таком случае квалифицировать ситуацию, когда, к примеру, государственное должностное лицо с целью получения от подследственного признательных показаний причиняет сильную боль близкому родственнику подозреваемого, угрожает применением к

¹ См. подр.: Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика / под общ. ред. С.И. Беляева. Екатеринбург, 2005.

нему насилия? В данном случае цель виновного – не пытать третье лицо, а получить показания от другого. Если рассматривать это только как причинение нравственных страданий лицу, от которого требуют признательных показания, то такая квалификация будет неполной. Вариантом решения данной проблемы видится квалификация по совокупности – как пытка в отношении подследственного и как посягательство на здоровье или телесную неприкосновенность третьего лица (в зависимости от обстоятельств дела). В литературе угроза третьим лицам, которая причиняет нравственные страдания потерпевшему, рассматривается как пытка¹. Угроза применения пытки по своей юридической природе тождественна самой пытке и подлежит аналогичной квалификации или, как минимум, в качестве бесчеловечного обращения². Мы склонны считать, что в данном случае наличествуют все признаки пытки (психическое насилие, определенные цели его применения).

Для подтверждения нарушения права на справедливое судебное разбирательство, согласно международно-правовым актам и сложившейся международной судебной практике, необходимо, чтобы жестокость достигала минимального уровня. При этом учитываются такие факторы, как длительность сурового обращения, его способ и метод³, физические последствия⁴, психологические последствия⁵. Заметим, что установление этих обстоятельств имеет важное значение не только при определении факта нарушения права на справедливое судебное разбирательство, но и в определенной степени – при разграничении пытки и иного жестокого обращения. С другой стороны, они не имеют решающего значения: пытка может проводиться и однократно, физические последствия (наличие или

¹ Раимбердиев И.Р., Орозов Ж.Ж., Шевченко А.В. Международные рекомендации, направленные на предупреждение пыток // MODERN SCIENCE. 2020. № 4. С. 148.

² Пертли Л.Ф. Указ. соч. С. 165.

³ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 г. по делу «Вербинц против Румынии» (жалоба № 7842/04) (*решения ЕСПЧ приводятся исключительно в качестве иллюстративного материала и в исследовательских целях*); Пертли Л.Ф. Квалификация условий содержания лиц, лишенных свободы, на основе практики Европейского Суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 161.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

отсутствие телесных повреждений) также может и не учитываться при квалификации деяния как пытки. К тому же, как верно отмечается в литературе, если при рассмотрении конкретного дела Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) не определит минимальный уровень жестокости, это совсем не означает, что при рассмотрении аналогичных дел такой уровень также установлен не будет¹.

В международной практике имел место казус, когда суд квалифицировал действия лица как пытку даже при отсутствии признака применения физического насилия. Так, потерпевший, находившийся в камере смертников, был лишен любых контактов с посторонними лицами (родственниками, адвокатами, другими заключенными), не получал новостей извне, была запрещена переписка, в камере отсутствовало отопление, за провинности в качестве дисциплинарного взыскания осужденный лишался еды, отсутствовала медицинская помощь².

Как отмечалось ранее, пытку следует отличать от иных видов жестокого, унижающего и бесчеловечного обращения. В литературе указано, что пытка – это всегда бесчеловечное и (или) унижающее обращение. Жестокость обычно выделяется как главный разграничительный критерий пытки и других видов дурного обращения. Жестокое обращение, не являющееся пыткой по степени интенсивности и в силу отсутствия специфической целенаправленности, можно рассматривать в качестве бесчеловечного или унижающего обращения. Таким образом, представляется возможным построить условную иерархию (пирамиду) видов жестокого обращения, на вершине которой стоит пытка. Причем такая пирамидальная конструкция в качестве критерия построения имеет как качественные признаки (наличие или отсутствие цели, субъект, умышленный характер), так и количественные (степень жестокости насилия, его продолжительность). Число случаев жестокого обращения в различных его проявлениях больше, чем пыток

¹ Антонович Е.К. Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 175.

² Информационно-тематический листок «Условия содержания в местах лишения свободы и обращение с заключенными, октябрь 2011 г.». URL: www.echr.coe.int/Documents (дата обращения: 07.07.2021 г.).

(«принцип воронки»).

При решении вопроса о том, насколько сильные страдания вызывает тот или иной вид дурного обращения, оценка должна быть основана как на объективных критериях, так и на обстоятельствах конкретного казуса. При этом порог боли установлен для пытки выше, чем для остальных видов дурного обращения¹.

Вызывает исследовательский интерес, однако в критическом ракурсе, одно из решений ЕСПЧ, в котором определены признаки бесчеловечного обращения и наказания: оно осуществляется преднамеренно, происходит «беспрерывно часами», приводит к телесным повреждениям или к сильным физическим или психологическим страданиям². Но наличие данных признаков в большинстве случаев может характеризовать и пытку. Зачем в таком случае виновный производит подобные манипуляции? Из садистских наклонностей? Вполне возможно. И так, еще раз встает вопрос – нужно ли цель пытки рассматривать узко (получение показаний, сведений, наказание, дискриминация) или пытка может преследовать любую цель? Мы поддерживаем последнюю позицию, однако даем отчет в том, что тогда на практике будет крайне сложно отличить пытку от жестокого обращения. Таким образом, мы вновь оказываемся в области оценочных признаков. К примеру, сотрудники исправительного учреждения ежедневно тушат окурки о спину осужденного, реализуя свои садистские наклонности, светят лампой в лицо, избивают тяжелыми предметами. Что это – пытка или жестокое обращение (вспомним дыбу с огнем)? Исходя из УК РФ, специальной цели у них нет, применение ст. 302 исключается. Остается ст. 286 УК РФ, но тогда суду для верной квалификации содеянного в рамках данной статьи следует однозначно решить вопрос, имела ли место пытка. Вместе с тем в примечании к ст. 286 УК РФ перечень целей пытки закрыт, и простой садизм не включает. Вопросов больше, чем ответов. Выход видим один – придать перечню целей пытки открытый характер.

¹ Дрёге К. «Поистине лейтмотив...»: запрещение пыток и других форм дурного обращения // Международный журнал Красного Креста. 2007. № 867. Т. 89. С. 16.

² Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Кудла против Польши» (жалоба № 0210/96).

Естественно, пытка – это жестокое и бесчеловечное обращение, одна из форм такого обращения¹, но отличающаяся, как говорилось ранее, по ряду специфических признаков, прежде всего по степени причиняемых страданий, цели преступления, субъекту². Рядом зарубежных авторов вообще предложено отказаться от такого критерия, как степень причиняемой боли («сильная», «серьезная»), и оставить в качестве единственного разделительного признака наличие или отсутствие специальных целей³. Думается, в этом есть рациональное зерно, ибо критерий степени, интенсивности причинения боли, как отмечалось ранее, достаточно размыт и вряд ли поддается формализации. Трудно рассуждать о том, какое обращение является более жестоким, нежели бесчеловечное. Конечно, причинение физической или нравственной (моральной, умственной) боли является неотъемлемым конструктивным элементом пытки, но оно не может служить единственным разграничительным признаком при проведении водораздела между пыткой и другими видами дурного обращения. Полагаем, что главным критерием является наличие специальной цели преступления. Однако в деле *Selmouni v. France*, по сути, при признании деяния пыткой суд исходил именно из интенсивности применения насилия (избиение бейсбольной битой, руками и ногами в течение нескольких дней)⁴. Эта позиция также поддержана в литературе⁵ и в ряде решений международных судов⁶.

¹ Кантур Р. Указ. соч. С. 65.

² Михайлова М.С. Позиция и стандарты ЕСПЧ по проблеме применения пыток и их квалификации // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XVII Международной научно-практической конференции (24-25 апреля 2020 г.): в 3 томах. Том 3. Тольятти, 2020. С. 203.

³ Malcolm Evans. «Getting to grips with torture», in Association for the Prevention of Torture, *The Definition of Torture*. Geneva. 2001. PP. 39-49; Manfred Nowak. *Challenges to the absolute nature of the prohibition of torture and illtreatment*. Netherlands Quarterly of Human Rights. 2005. Vol. 23/4. PP. 674-688 at p. 678; Manfred Nowak. *What practices constitute torture? US and UN standards*. Human Rights Quarterly. 2006. No. 28. PP. 809-841 at p. 822; Nigel Rodley. *The definition(s) of torture in international law*. Current Legal Problems. 2002. No. 55. PP. 467–93.

⁴ Решение Европейского суда по правам человека по делу *Selmouni v. France* от 28 июля 1999 г.

⁵ Антонович Е.К. Указ. соч. С. 176.

⁶ См., напр.: Постановления ЕСПЧ от 18.01.1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (жалоба № 5310/71), § 167; Постановление ЕСПЧ от 07.11.2013 по делу «Белоусов (Belousov) против Украины» (жалоба № 4494/07), § 66; Постановление ЕСПЧ от

Интенсивность причиняемых страданий как разграничительной признак пытки и иного жестокого обращения еще до принятия КПП была отмечена в рассмотренном ЕСПЧ деле «Ирландия против Великобритании»¹. В данном деле первоначально было установлено, что в ходе следствия применялось жестокое обращение (лишение сна, ограничение пищевого рациона; подследственных заставляли стоять у стены с завязанными глазами в окружении громкого шума). Изучая обстоятельства данного казуса, Европейская комиссия по правам человека пришла к выводу, что имело место применение пытки, так как данные действия повлияли на независимость допрашиваемых². Систематическое жестокое обращение было признано пыткой, даже если не повлекло серьезных нарушений здоровья.

В дальнейшем понятие пытки было дополнено причинением тяжелых душевных страданий, оказывающих влияние на свободу волеизъявления подследственных³.

Международный законодатель прямо не упоминает о мести как одной из целей пытки. Однако вполне возможно рассматривать ее как одну из разновидностей понятия более высокого порядка – наказания потерпевшего с помощью пытки⁴.

18.01.1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (жалоба № 5310/71); Постановление ЕСПЧ от 25.09.1997 по делу «Айдын (Aydin) против Турции» (жалоба № 23178/94).

¹ Ирландия против Соединенного Королевства: Постановление ЕСПЧ от 18 января 1978 года (жалоба № 5310/71). Цит. по: Варюшина А.А. Европейский Суд по правам человека: проблема применения пыток и бесчеловечного обращения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XVII международной научно-практической конференции (24-25 апреля 2020 г.). В 3 т. Т. 3. Тольятти, 2020. С. 127–128.

² Макбрайд Дж. Обеспечение исполнения Европейской конвенции по правам человека // Проблемы конституционализма. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: 50 лет со дня принятия // Сборник научных трудов по материалам конференции. Вып. 8. Мн., 2000. С. 50.

³ Сильнов М.А., Василенко А.А. Реализация конституционного принципа уважения чести и достоинства личности при получении показаний // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола / отв. ред. В.В. Ершов. М., 2018. С. 179–187.

⁴ Именно в таком ключе определяют месть различные источники. См., напр.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 319.

В контексте задержания или наказания могут иметь место случаи плохого обращения, отличающегося жестокостью. Однако степень интенсивности, отсутствие специфического целеполагания может указывать на объективное отсутствие признаков пытки.

Международное право определяет следующие виды пыток:

- 1) совершаемые в ходе оперативно-розыскных действий и на предварительном следствии с целью получения признательных показаний или иной информации;
- 2) применяемые в качестве наказания (мести);
- 3) превентивные пытки, направленные на принуждение к какому-либо действию или отказу от его совершения;
- 4) пытки по дискриминационным основаниям¹.

Добавим, что пытка может применяться (и применялась в Средние века) публично (например, дыба) с целью устрашения населения (общая превенция), принуждения его к отказу от намерений совершать преступные деяния. Однако в данном случае цель эта не достигалась.

В литературе и практике органов международной юстиции выделяют также такие виды пыток и жестокого обращения, как допрос с применением насилия (*coercive interrogation*), сенсорная депривация и иные разновидности чрезвычайных условий заключения под стражей, одиночное пребывание в камере в течение долгого времени, содержание «инкоммуникадо» (без контактов с внешним миром), содержание под стражей без информирования кого-либо и насильственные исчезновения².

В практике органов международной уголовной юстиции встречались случаи, когда пыткой признавалось принуждение лица наблюдать, как его близкий

¹ См.: Джоробеков Т.М., Раимбердиев И.Р. Указ. соч.

² Кравчук Н.В. Права человека и борьба с терроризмом: смирительная рубашка или неотъемлемый компонент долгосрочной контртеррористической стратегии? (аналитический обзор) // Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 110.

человек подвергается сексуальному насилию¹, ложное сообщение лицу, что его родственник убит², понуждение лиц собирать тела погибших, принадлежавших к их этнической группе³.

Возвращаясь к КПП, отметим, что за девять лет после принятия Декларации о защите всех лиц от пыток теоретическая мысль продвинулась в перспективу, что позволило усовершенствовать и расширить определение пытки.

Важным моментом явилось уточнение КПП вопросов ее корреляции с иными актами международного права и национальным законодательством, а именно то, что КПП не ограничивает другие международные договоры и национальное право в вопросах уточнения и расширения понятия пытки и связанных с ним определений. Особое значение имеет также прямое указание на то, что приказ вышестоящего начальника или государственной власти не могут быть оправдательным основанием для лица, применившего пытку. В итоге КПП закрепляет обязательную криминализацию пытки государствами-участниками с установлением наказаний с учетом тяжкого характера данного преступления. Важной представляется норма о том, что государство должно обеспечивать защиту от пыток не только на своей, но и на находящихся под его эффективным контролем территориях. Согласно ст. 15 КПП показания, данные под пыткой, не должны признаваться в ходе судебного разбирательства доказательством.

Важным моментом в практике международных судов, который целесообразно учесть и отечественному законодателю, является указание на получение при помощи пыток не только признания или информации, но и вещественных доказательств⁴. Однако данное положение требует дополнительного осмысления. Под воздействием пытки лицо может выдать какой-либо предмет либо указать его местонахождение, то есть предоставить информацию о доказательстве⁵.

¹ ECtHR, *Prosecutor v. Kvočka and Others*, above note 10, para. 149.

² ICTY, *Prosecutor v. Naletic and Martinovic*, above note 19, paras. 294-295.

³ ICTY, *Prosecutor v. Brdjanin*, above note 56, para. 511.

⁴ См.: ECtHR. *Jalloh v. Germany*. Application No. 54810/00. Judgment of 11 July 2006. § 103-108.

⁵ См.: ECtHR [GC]. *Gäfgen v. Germany*. Application No. 22978/05. Judgment of 1 June 2010.

Первый случай должен быть учтен законодательно (на международном и национальном уровне).

Обратим внимание, что ст. 302 УК РФ говорит о принуждении к *даче показаний* (*курсив мой – К.Б.*). Думается, что в данную статью необходимо внести коррективы, изменив наименование на «Принуждение к даче показаний или к предоставлению иных доказательств», что будет соответствовать международным стандартам¹.

В целом вопрос о допустимости доказательств и обстоятельств их получения лежит в компетенции суда, который должен руководствоваться не только формальными критериями, но и общепризнанными в мировой практике стандартами справедливости².

В начале 70-х гг. в науке появилась теория «автономных понятий». Вкратце суть ее состоит в том, что суд вправе интерпретировать юридические термины (в том числе и пытку), даже если такое толкование будет отличаться от того, что дают национальные суды, например, государств-членов ЕКЗПС. Такие понятия формулируются в решении суда по конкретному делу.

По мнению Н.В. Витрука, это ничто иное, как *ratio decidendi*, то есть правовые позиции суда, «разум решения»³, играющие роль практико-правовых инструментов⁴, на которые надлежит опираться в будущем при разрешении аналогичных дел.

¹ См. подр.: Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Он же. Международные стандарты допустимости доказательств, полученных под пытками или иным путем бесчеловечного обращения с задержанными (арестованными) по уголовному делу // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 4. С. 54.

² Александров А.С., Кучерук Д.С. К вопросу о допустимости доказательств, полученных стороной обвинения в ходе досудебного производства // Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: материалы Всероссийского круглого стола / сост. К.Б. Калининский. СПб., 2012. С. 95–108; Гармаев Ю.П. Устранение сомнений в допустимости доказательств // Законность. 2011. № 5. С. 29–33.

³ Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 95–102.

⁴ Туманов В.А. Избранное. М., 2010. С. 668–669.

Автономные понятия следует отличать от динамического толкования, последнее представляет собой уяснение и разъяснение определенных норм, в том числе регламентирующих ответственность за пытки, исходя из существующих на сегодняшний день юридических реалий и стандартов в области защиты прав человека¹.

В структуре ООН действует Комитет против пыток. КПП предусмотрено, что государства-участники обязуются представлять в Комитет доклад о мерах по реализации положений КПП (п. 1 ст. 19). Россия регулярно предоставляла такие доклады, и в целом положения Конвенции против пыток нашли отражение в отечественном уголовном законе.

В рамках ООН создан и Подкомитет по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он реализует свои полномочия на основании Факультативного протокола к Конвенции против пыток от 18 декабря 2002 г. Подкомитет также сосредоточивает усилия на проведении инспекций, выездных проверок мест лишения свободы, иных мест изоляции, полицейских участков и т.д.² Указанный протокол лишен материально-правовой составляющей и не предусматривает для государств дополнительных обязательств. Он сфокусирован на процедурах практической деятельности Подкомитета³.

¹ Матюшкин Г.О. Россия и Европейский Суд по правам человека. М., 2010. С. 15.

² См. подр.: Правила и процедуры Комитета против пыток ООН. URL: <http://www.pytkam.net/v-pomosch-postradvshemu.mezhdunarodnie-mehanizmi/16> (дата обращения: 11.01.2022 г.); Кебурия К.О. Право на возмещение ущерба за нарушение прав человека: позиция Комитета ООН против пыток // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6. С. 45–47; Кириловская Н.Н. Принципы деятельности Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 6. С. 13–16.

³ Об истории и содержании деятельности подкомитета см. подр.: Лукьянцев Г.Е. О деятельности ООН в области борьбы с пытками (к вопросу о принятии Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания) // Московский журнал международного права. 2003. № 3. С. 44–63; Письмо от 15 января 1991 года, направленное на имя заместителя Генерального секретаря по правам человека главой Постоянного Представительства Коста-Рики при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве. Документ ООН E/CN.4/199/66 от 22 января 1991 г.

Помимо комитета в сфере предупреждения пыток действуют и другие органы, в частности Ассоциация по предупреждению пыток (в 1977 г. создавалась как Швейцарский комитет по предупреждению пыток)¹.

Возвращаясь к процессуальным аспектам, отметим, что в литературе встречается мнение о том, что принуждение выступает в качестве необходимого условия осуществления процессуальной деятельности и достижения его целей². Не углубляясь в эту проблематику, отметим, что такой подход рискует нарушить границу между легальным принуждением и подобным действием, нарушающим право на справедливое судебное разбирательство, установленное ст. 3 ЕКЗПС.

В свое время ЕСПЧ рассматривались дела, в которых истцами выступали и российские граждане, пострадавшие от пыток³.

Так, по делу Альчагина было установлено, что на предварительном следствии к заявителю действительно применялось насилие и государство-ответчик этот факт не отрицало. Однако в связи с тем, что признательные показания были подтверждены перед судом, ЕСПЧ счел установленным отсутствие нарушения права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного ст. 3 ЕКЗПС. В другом деле заявитель отказался подтвердить признание перед судом, а в дальнейшем было установлено, что телесные повреждения заявителя возникли в день дачи признательных показаний. Несмотря на то, что признание было сделано в присутствии адвоката, ЕСПЧ усмотрел в данном случае наруше-

¹ Ассоциация по предотвращению пыток. URL: <https://www.apt.ch> (дата обращения: 03.02.2022 г.).

² Антонович Е.К. Указ. соч. С. 173; Данилова Н.А., Николаева Т.Г. К вопросу о допустимости принуждения на стадии возбуждения уголовного дела // *Baikal Research Journal*. 2014. № 6. С. 23; Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002; Смолькова И.В. Допустимо ли принуждение при производстве освидетельствования в российском уголовном судопроизводстве? // *Уголовное право*. 2018. № 3. С. 122–128; Цховребова И.А. Физическое принуждение как самостоятельная мера процессуального принуждения // *Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы*: в 2 ч. Ч. 2. М., 2014. С. 325.

³ ECtHR. Gladyshev v. Russia. Application No. 2807/04. Judgment of 30 October 2009; ECtHR. Alchagin v. Russia. Application No. 20212/05. Judgment of 17 January 2012; ECtHR. Lopata v. Russia. Application No. 72250/01. Judgment of 13 July 2010; ECtHR. Pavlenko v. Russia. Application No. 42371/02. Judgment of 1 April 2010.

ние ст. 3 ЕКЗПС. Аналогичное решение было принято по делам Тангиева и Насакина. Аргументы государства-ответчика о присутствии на допросах адвоката, разъяснении обвиняемым права хранить молчание и не свидетельствовать против себя ЕСПЧ признал необидительными и констатировал нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Такое же решение было принято по делу Шишкина, но на другом основании – отсутствии адвоката на ранних стадиях расследования¹. Однако позиция ЕСПЧ в рассматриваемой сфере непоследовательна². С одной стороны, ЕСПЧ обращает внимание на отсутствие адвоката при даче признательных показаний, что само по себе является нарушением права на справедливое судебное разбирательство. С другой, даже не рассматривал по ряду дел данный вопрос.

В целом следует отметить, что за последние 15 лет более трети всех принятых ЕСПЧ решений по делам, где Россия выступала в качестве ответчика, были связаны с нарушением норм ст. 3 («Запрещение пыток») ЕКЗПС³. А.И. Ковлер приводит следующую статистику: в свое время Россия находилась на первом месте по числу жалоб в ЕСПЧ, связанных с применением насилия. По ст. 3 ЕКЗПС подано около 60 жалоб⁴.

По понятным причинам последние политические события свели на нет роль как МУС, так и ЕСПЧ в отечественной законодательной и правоприменительной практике. Но, следуя теории Г. Кельзена о «чистом праве», изучение практики данных органов юстиции целесообразно в познавательном аспекте, и некоторые мысли международного законодателя видятся в этом смысле полез-

¹ Shishkin v. Russia. Application No. 18280/04. Judgment of 7 July 2011.

² Шепелева О. Пытка как фактор нарушения права на справедливое судебное разбирательство: обзор практики Европейского Суда по правам человека по российским делам // Международное правосудие. 2014. № 3. С. 13.

³ Кантур Р. Проблемы соблюдения Россией обязательств по статье 3 Европейской конвенции по правам человека в отношении задержанных: практика ЕСПЧ // Международное правосудие. 2018. № 2. С. 63.

⁴ Ковлер А.И. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по делам против РФ (2006–2008 гг.) // Российское правосудие: научно-практический журнал. 2008. № 8 (28). С. 4–15.

ными. Тем более что в свое время Комитет ООН против пыток выражал серьезную обеспокоенность постоянными сообщениями о применении российскими правоохранительными органами пыток с целью «выбивания» признаний, низкими показателями числа уголовных дел, возбужденных по фактам применения пыток органами милиции (полиции)¹.

По сути, элементы инквизиционного процесса *de facto* проявляются в мировой и отечественной практике по сей день².

Подводя итоги рассмотрению мировой и европейской систем противодействия пыткам, можно выделить в ней следующие уровни:

1. Нормативно-правовой. Сюда входят нормы как международного и непосредственно европейского права, так и иных международных организаций.
2. Прикладной, образованной судебной практикой МУС и ЕСПЧ, выступающей в качестве дополнительного, вспомогательного источника.
3. Организационный (надзор за местами лишения свободы и предварительного заключения, деятельность Комитетов и подкомитетов по предупреждению пыток, разработка рекомендаций для государственных служащих, проведение занятий с ними и др.).

КПП затрагивает и экстрадиционные вопросы. Ее участникам запрещается высылать, выдавать или возвращать другое лицо, если имеются достаточные основания предполагать, что оно будет подвергнуто пыткам³. При этом компетентные органы такого государства при оценке достаточности подобных оснований принимают во внимание как обстоятельства экстрадиционного дела, так и суще-

¹ См.: Concluding Observations on the Fifth Periodic Report of the Russian Federation (CAT/C/RUS/5), adopted by the Committee at its Forty-Ninth Session (29 October – 23 November 2012), Committee Against Torture. § 6, 8.

² Воловичева А.В., Степанюк А.В., Степанюк О.С. Пытки: пережиток прошлого или реалии настоящего? // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов VII Международного молодежного форума. Часть 1 / отв. ред. Е.В. Сафронова. Белгород, 2019. С. 148.

³ См., напр.: Решение ЕСПЧ по делу Чахал против Соединенного Королевства от 15 ноября 1996 г. Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. / отв. ред. В.А. Туманов. М., 2000. Т. 2. С. 260–295.

ствование в запрашивающем государстве или государстве, куда планируется высылка или возвращение, постоянной практики систематических грубых нарушений прав личности, в том числе применения пыток. Ратифицируя Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 г.¹, наша страна сделала оговорку о том, что допустим отказ в экстрадиции, если имеются «серьезные основания полагать, что лицо ... будет подвергнуто пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания». С другой стороны, в соответствии с п. 1 ст. 8 КПП пытка является преступлением, подлежащим указанию в перечне преступных актов, совершение которых может повлечь выдачу преступника. Участники КПП обязались включать пытку в любой договор о выдаче преступников, заключенный между ними. Впрочем, выдача в данном случае может осуществляться и при отсутствии договора об экстрадиции (п. 2, 3 ст. 8).

Содержит КПП и ряд положений, направленных на предупреждение пыточной практики (криминологический аспект Конвенции). Так, ст. 10 обязывает государства-участников обеспечить подготовку учебных материалов и иной информации о запрещении пыток, включив их в программы подготовки персонала правоохранительных органов, работников пенитенциарной системы, гражданского, медицинского персонала, должностных лиц, которые могут в той или иной мере быть задействованы в реализации процессуальных действий – содержание под стражей, допросы или обращение с лицами, подвергнутыми аресту, задержанию или заключению под стражу; проведение с указанными лицами соответствующих занятий.

Интересной мерой профилактики применения пыток является максимальное сокращение времени, проводимого подследственным наедине с сотрудниками правоохранительных органов, обеспечение транспарентности процедуры допроса (включая установку прозрачных стен в кабинетах правоохранителей и

¹ Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. (ETS № 24) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 3–11, 19–28.

видеокамер, аудио- или видеофиксацию допросов). Необходимо неукоснительное соблюдение таких стандартов обращения, как быстрота следствия, его тщательность и независимость, реализация права доступа потерпевшего к расследованию¹. Каждый факт пытки должен быть расследован оперативно, в кратчайшие сроки; следователь обязан незамедлительно фиксировать доказательства в целях недопущения их утери или уничтожения. Надлежит осуществлять своевременные действия в целях получения информации, обнаружения и фиксации следов преступления и других доказательств, установления виновных².

Среди факторов, значительно снижающих эффективность применения КПП, указываются несовершенство правового механизма и инструментария защиты прав человека и ненадлежащий контроль за соблюдением этих прав, неэффективное реагирование на факты использования пыток, несовершенство механизма обжалования подобного рода действий государственных должностных лиц, неэффективность деятельности властных структур по своевременному выявлению фактов использования пыток³. Добавим к этому определенную пробельность положений национальных законодательств, ошибки в регламентации уголовной ответственности за пытки, неполную имплементацию положений КПП.

Таким образом, КПП является комплексным правовым документом, регламентирующим как материально-правовые вопросы уголовной ответственности за пытку, так и процессуальные, в том числе и экстрадиционные, вопросы.

Продолжая анализировать процессуальный аспект, выделим принцип 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (ООН, 1988 г.), согласно которому запрещается применение пыток к задержанным или находящимся в заключении лицам. Никакие обстоятельства в данном случае не могут быть оправдательными. Ряд принципов свода регламентируют порядок проведения оперативных и следственных

¹ Противодействие пыткам и эффективное их расследование: практ. пос. / под ред. Д.У. Каимовой. Бишкек, 2015. С. 81–83.

² Расследование уголовных дел по фактам пыток. Бишкек, 2011. С. 62.

³ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 91.

действий. В частности, запрещено применение насилия с целью добиться показаний лица, лишаящего его возможности принимать решения или выносить суждения. Принципы подтверждают недопустимость проведения медицинских или научных опытов над задержанными или заключенными, даже с согласия таких лиц. Это достаточно важное уточнение, ибо по общему международному праву такие опыты с добровольного согласия лица могут проводиться.

Региональное право Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) в ст. 3 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. подтверждает положения универсального акта международного права. Это запрет на применение пыток, медицинских и научных опытов без свободного согласия лица.

Пункт «е» ч. 2 ст. 126 Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ описывает стандартный уголовно-правовой запрет на применение пыток в качестве квалифицирующего признака истязания («путем пытки»).

Переходя к анализу положений международного гуманитарного права, отметим, что оно также содержит запрет на производство пыток. Принцип гуманного обращения – лейтмотив четырех Женевских конвенций 1949 г.¹

В общей для них ст. 3 указано, что лица, находящиеся во власти одной из сторон, подлежат гуманному обращению независимо ни от каких обстоятельств, запрещаются пытки, увечья, жестокое обращение, оскорбительное и унижающее

¹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 204–278, 280; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 125–204, 279–280; Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 71–100, 279; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12.08.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 101–124, 279. См. также: Jean Pictet. The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary, Vol. IV, Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. ICRC. Geneva, 1958. P. 204.

обращение¹. При этом данная статья устанавливает *минимальный* (*курсив мой – К.Б.*) стандарт. Общее международное право может устанавливать и более высокие требования.

В соответствии с положениями Женевских конвенций выделяется три формы дурного обращения (*с лицом – К.Б.*): 1) пытка; 2) жестокое и бесчеловечное обращение; 3) посягательство на человеческое достоинство.

Все указанные виды преступного поведения абсолютным образом запрещены. Этот запрет действует в том числе и в условиях чрезвычайной ситуации, включая войну, угрозу войны и террористическую угрозу². Ситуации, когда запрещены пытки, но разрешены другие формы дурного обращения, в международном праве отсутствуют³. В литературе отмечено, что дурное обращение не есть изолированное деяние, это целый ряд деяний и условий, представляющих в системе дурное обращение.⁴ Следует также учесть, что с течением времени деяния, не считавшиеся пытками или иным дурным обращением, могут перейти в эту категорию. Так, по одному из дел, рассмотренных ЕСПЧ, суд указал, что «некоторые деяния, в прошлом квалифицировавшиеся как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, а не как пытки, в будущем могут квалифицироваться иначе»⁵. Недостаточный уровень медобслуживания, плохие бытовые

¹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 204–278, 280; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 125–204, 279–280; Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 71–100, 279; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12.08.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 101–124, 279.

² См. подр.: Interamerican Court of Human Rights (IACtHR), Cantoral Benavides v. Peru. Judgment of 18 August 2000. Series C. No. 69, para. 95; European Court of Human Rights (ECtHR). Chahal v. United Kingdom. Judgment of 15 November 1996. Report 1996 V, para. 79.

³ Дрёге К. Указ. соч. С. 3–4.

⁴ См., напр.: Franz Viljoen and Chidi Odinkalu, The Prohibition of Torture and Illtreatment in the African Human Rights System. OMCT Handbook Series. №. 3. Geneva, 2006. P. 38

⁵ ECtHR, Selmouni v. France, Judgment of 28 July 1999. Reports 1999 V. para. 101.

условия, отсутствие надлежащих мер безопасности в исправительном учреждении могут со временем достигнуть минимального порога, определяющего жестокое и бесчеловечное отношение, либо трансформироваться в пытку¹.

Более того, комментарий к Женевским конвенциям 1958 г. предостерегает от составления подробного перечня всех факторов, делающих обращение гуманным². Эволюция права и морали (в негативном ее аспекте) может привести к появлению более изощренных и жестоких форм пыток, не вписывающихся ни в какие перечни обстоятельств или форм дурного обращения. Поэтому существующая формулировка общей ст. 3 оценена в литературе как наиболее гибкая и оптимальная³.

Кроме как в общей ст. 3, запрещение пыток закреплено также в положениях статей о серьезных нарушениях – 50, 51, 130 и 147 соответственно четырех Женевских конвенций, ст. 75 Дополнительного протокола I и ст. 4 Дополнительного протокола II. В Комментарий 1958 г. к Четвертой Женевской конвенции пытки определяются как «причинение страдания лицу с целью получить от этого лица или от другого лица признания или информацию»⁴, что созвучно или практически идентично с иными положениями общего международного права. Однако, если сравнить данную дефиницию, например, с положениями КПП, можно заметить, что в Конвенции дается более развернутое определение, в частности, в контексте целеполагания при пытке, определения круга виновных и т.д.

В литературе предпринимаются попытки построить некую иерархию форм дурного обращения, исходя из положений не только общего, но и международного гуманитарного права (мы уже касались этого вопроса ранее). По общему правилу на вершине пирамиды должна расположиться пытка.

¹ Ничуговская О.Н. Реализация стандартов Европейского Комитета по предупреждению пыток // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 69; Информационно-тематический листок «Условия содержания в местах лишения свободы и обращение с заключенными, октябрь 2011 г.». URL: www.echr.coe.int/Documents (дата обращения: 07.07.2021 г.).

² Комментарий к IV Женевской конвенции // Commentary on GC IV, above note 2. P. 204.

³ Там же. P. 39.

⁴ Там же. P. 598.

Вместе с тем, как верно подмечает К. Дрёге, в процессе практической деятельности весьма затруднительно провести четкую границу между порогом страданий как критерием построения указанной иерархии¹. Действительно, с нашей точки зрения, те понятия и критерии, которыми оперируют Женевские конвенции, носят оценочный характер, и их значение должно устанавливаться судом или иным компетентным органом в каждом конкретном случае. В этом может помочь, в частности, судебная практика (прецеденты) органов международной уголовной юстиции. Во многих случаях водораздел между пытками, жестоким и бесчеловечным обращением весьма условный, о чем говорит практика Международного трибунала по бывшей Югославии и Элементы преступлений Статута².

Основные нормы рассмотренных международно-правовых актов нашли отражение в отечественном законодательстве: Конституции РФ; УК РФ; УПК РФ; УИК РФ; Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5474-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Законе РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС; Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений; Правилах внутреннего распорядка воспитательных колоний УИС Министерства юстиции Российской Федерации и др.

Подводя итог рассмотрению международной законодательной и правоприменительной практики, можно сделать следующие основные *выводы*:

1. После окончания Второй мировой войны международное сообщество пришло к осознанию того, насколько пагубна и разрушительна возрожденная пыточная практика. За принятием Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. последовал бурный процесс правотворческой деятельности, увенчав-

¹ Дрёге К. Указ. соч. С. 7.

² См., напр.: ICTY, Prosecutor v. Delalic and Others, Case No. IT)96)21 (Trial Chamber), 16 November 1998, para. 552; see also Prosecutor v. Kordic and Cerkez, Case No. IT)95)14/2 (Trial Chamber), 26 February 2001, para. 265; Prosecutor v. Blaskic, Case No. IT)95)14 (Trial Chamber), 3 March 2000, para. 186.

шийся созданием универсальных, региональных и двухсторонних договоров, регламентирующих как вопросы уголовной ответственности за применение пытки, так и различные аспекты предупреждения данного преступного деяния. В настоящее время в международном праве пытка рассматривается как международное преступление (против человечности, военное преступление), серьезное нарушение международного гуманитарного права.

2. Следует отметить, что многие положения международных договоров в области противодействия пыткам носят декларативный характер. Считаем это нормальным явлением, ибо международное право закладывает правовой «фундамент», на котором национальный законодатель возводит свое «здание», систему борьбы с пыточной практикой. Тем не менее, положения международного права могут и напрямую применяться в практике государств.

3. Нормативное определение пытки было впервые сформулировано в Декларации ООН о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 9 декабря 1975 г. В дальнейшем эта дефиниция уточнялась в содержательном плане и расширялась в объеме. Важнейшими конструктивными признаками сформулированных понятий пытки выступают: степень, интенсивность, продолжительность причиняемого физического или психического (умственного, морального) насилия, достижение определенного порога жестокости; умышленный характер преступления; конкретная цель преступных действий (дача признательных показаний или сообщение иной информации, наказание, запугивание, принуждение); специальный субъект – государственное должностное лицо или лицо, действующее в официальном качестве, третье лицо, применяющее пытку по подстрекательству или с молчаливого согласия указанных лиц. Некоторые международные акты включают в понятие пытки проведение медицинских или научных опытов без добровольного согласия лица или даже при наличии такового. В качестве пытки рассматривается также применение к потерпевшему методов, направленных на уничтожение его индивидуальности или уменьшение его физических или умствен-

ных способностей. Иногда в субъективную сторону включается мотив – дискриминация по каким-либо основаниям.

4. Как правило, в международно-правовых актах специальной целью установлено получение признательных показаний или иной информации. Полагаем, что в целеполагание следует включить получение вещественных и иных доказательств. Соответствующее дополнение необходимо внести и в ст. 302 УК РФ. Виновной может, применяя пытку, требовать, к примеру, физической выдачи потерпевшим вещественных или иных доказательств.

5. Перечень целей пытки должен быть открытым. Виновный, применяя интенсивное, продолжительное насилие, может преследовать цель устрашить неопределенный круг лиц, применяя пытку публично, удовлетворить свои садистские наклонности, осуществить месть за правомерные действия потерпевшего и др. Впрочем, последняя цель, исходя из лексического толкования, вполне вписывается в понятие наказания, хотя этот вопрос остается дискуссионным. Понятия «наказание» и «месть» при всей их схожести не идентичны. Так, в практике тоталитарных государств пытка может потенциально выступать именно в качестве официального наказания, как это было в отдельные более ранние периоды существования права.

6. Представляется, что круг субъектов пытки следует расширить. Если речь идет об общеуголовном преступлении (в УК РФ отсутствует), то субъект является общим. Полагаем, что в отечественном уголовном законе состав пытки должен выделяться и как преступление против государственной власти, и как преступление против человечества, и как общеуголовное преступление международного характера, и как квалифицирующий признак для ряда преступлений. При этом в понятие пытки должно быть включено проведение медицинских или научных опытов над потерпевшим без его добровольного согласия, полученного без принуждения. Кроме того, будет полезно при формулировании новой дефиниции пытки включить в нее совершение таковой по дискриминационным основаниям. Подробнее рекомендации на этот счет будут изложены в следующей главе.

2.2 Зарубежный опыт криминализации пытки

В рамках настоящего исследования видится полезным анализ положений уголовных законодательств зарубежных государств, регламентирующих уголовную ответственность за пытки и предупреждение данного преступления. В литературе справедливо указано, что общим знаменателем в деле криминализации пыток выступает возведение этого деяния в разряд самостоятельных тяжких преступлений, и данная тенденция все больше проявляется на уровне национального законодательства¹. Если одиночные виды мучения (в основном, в форме истязания) применяются частными лицами, то пытки, как их понимает КПП, – это систематические широкомасштабные действия, исходящие от лица государства, его должностных лиц и их соучастников. Поэтому в науке скептически относятся к возможности применения положений КПП в отношении частных лиц².

Криминализация пытки в Особенной части уголовных законов различных стран коррелирует с положениями Общей, прежде всего с нормативным определением принципа гуманизма, который не только направлен на обеспечение безопасности человека и общества от преступных посягательств, но и на гарантированность права подозреваемого, обвиняемого и осужденного на свободу от пыток, жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания. К сожалению, в отличие от некоторых иных уголовных законов, УК РФ в ст. 7 свободу от пыток явно не упоминает, хотя содержательно это, несомненно, подразумевается. Однако пытки прямо запрещены ч. 2 ст. 9 УПК РФ.

Как отмечено ранее, на международно-правовом уровне создан серьезный фундамент, на который должны опираться национальные уголовные законодательства, в том числе в области борьбы с пытками, жесткими, бесчеловечными и унижающими достоинство видами обращения и наказания. Следует разобраться, насколько адекватно нормы универсального и регионального международного

¹ Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за пытки в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 9. С. 70.

² Там же.

права отражаются в праве государств.

Говоря в целом о способах криминализации пытки, можно выделить следующие из них:

1) пытка установлена в качестве самостоятельного единичного преступления (Албания, Армения, Боливия, Великобритания, Гватемала, Доминиканская Республика, Испания, Казахстан, Камерун, Канада, Киргизия, Колумбия, Косово, Люксембург, Мальта, Парагвай, Перу, Португалия, Румыния, Сальвадор, США, Тунис);

2) пытка рассматривается в контексте причинения вреда здоровью (Молдова, Монголия);

3) пытка предусмотрена в рамках состава истязания (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения);

4) пытка рассматривается в контексте похищения человека или незаконного лишения свободы потерпевшего (Алжир, Бельгия, Гвинея);

5) пытка криминализована в рамках принуждения к даче показаний (Азербайджан, Алжир, Армения, Афганистан, Россия, Беларусь, Германия, Грузия, Индия, Ирак, Иран, КНР, Латвия, Македония, Монголия, Польша, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Хорватия, Франция, Хорватия, Чехия, Чили);

6) пытка предусмотрена как разновидность преступлений против человечности (Республика Беларусь)¹.

Далее перейдем к непосредственному анализу положений уголовного и иного законодательства в сфере противодействия пыткам. Начнем обзор со стран бывшего СССР.

В Республике Беларусь пытка криминализована как одно из преступлений против безопасности человечества (ст. 128 УК Республики Беларусь, далее – УК Беларуси)², а также квалифицирующий признак принуждения к даче показаний (ст. 394).

¹ См. также: Капинус О.С., Додонов В.Н. Указ. соч. С. 62-71.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (по сост. на 01.10.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения – 03.10.2023 г.).

Понятие пытки, отраженное в примечании к ст. 128 кодекса, практически полностью имплементировано из КПП и раскрывает все объективные и субъективные признаки ее состава. В этой связи необходимо констатировать, что белорусский законодатель выполнил свои международные обязательства. Совершенно обоснованно пытка не включена в состав истязания в качестве деяния с отягчающими обстоятельствами в силу тавтологичности такой конструкции, когда в основном и квалифицированном составе речь бы шла об одном и том же деянии, как это было в УК РФ до известной реформы 2022 г. Подобный подход применяется, в частности, и таджикским законодателем.

В ст. 111 УК Республики Абхазия («Истязание») предусмотрен квалифицирующий признак – применение пытки. В примечании к статье дается определение этого понятия. Необходимо отметить, что абхазский законодатель весьма лаконичен, под пыткой понимается причинение физических или нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний или в иных целях (перечень их открыт). Статья 304 кодекса предусматривает ответственность за принуждение к даче показаний с применением пытки (ч. 2)¹. Результаты проведенных отдельными авторами исследований позволили установить, что пытки, насилие и издевательства в Абхазии являются наиболее распространенными способами противозаконного получения информации. По мнению опрошенных (84,7 %), пытка наиболее часто встречается в практике правоохранительных органов. Однако, например, по состоянию на 2018 г. по данной статье уголовные дела не возбуждались². В науке предлагается в связи с особой тяжестью преступления, указанного в ч. 2 ст. 304 УК Абхазии, обособить принуждение к даче показаний с применением пытки в отдельную часть этой статьи³.

За годы независимости в Республике Казахстан была проведена большая

¹ Уголовный кодекс Республики Абхазия от 18.07.2007 г. (ред. от 29.11.2012 г.). URL: <http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/> (дата обращения – 03.09.2023 г.).

² Дзидзария Б.Ю. Уголовно-правовые меры, противодействующие принуждению к даче показаний, в Республике Абхазия // Пенитенциарная наука. 2018. № 4. С. 71.

³ Дзидзария Б.Ю. Указ. соч. С. 72.

работа по обеспечению прав и свобод человека¹. В стране принят ряд нормативных актов, направленных на предупреждение пыток и обеспечение прав человека². Прежде всего свобода от пыток гарантирована Конституцией Республики (пп. 1, 2 ст. 17). Однако, несмотря на принимаемые энергичные меры, пыточные практики в стране продолжают применяться. За 4 месяца 2015 г. в стране было зарегистрировано 117 сообщений о пытках, однако виновными были признаны только 5 лиц³. В 2017 г. к уголовной ответственности за пытки привлечен 41 виновный. В дальнейшем наметилась тенденция к сокращению числа осужденных: 2018 г. – 7 лиц, в 2019 г. – 5. Между тем, в 2017–2019 гг. поступило 757 заявлений о фактах применения пыток, а возбуждено было только 33 уголовных дела⁴.

По данным некоторых авторов, за период с 2018 по 2020 гг. к уголовной ответственности по ст. 146 УК Казахстана были привлечены только 12 сотрудников уголовно-исполнительной системы, хотя фактическое состояние дел говорит о многочисленных случаях применения насилия к осужденным.

Исследователи пришли к выводу, что большинство уголовных дел по фактам пыток прекращается на стадии досудебного производства. Это может свидетельствовать как о латентном характере рассматриваемого преступления, так и недостаточно эффективной работе правоохранительных органов по рассмотрению жалоб на пытки.

Поэтому М. Когамов отмечает, что в государстве не создана эффективная

¹ Ниязов М., Икрамова Л. Недозволенные методы следствия и меры по их предупреждению // Общество и инновации. 2021. Том 2. № 1. С. 80.

² См., напр.: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 года № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания», Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека», Указание Генерального прокурора Республики Казахстан № 4/12 от 28 августа 2019 года «Об организации расследования фактов пыток, суицидов и членовредительств в пенитенциарной системе». URL: online.zakon.kz.

³ Сайрамбай Н. Международно-правовые нормы о праве человека на свободы от пыток и проблемы их реализации во внутреннем праве Казахстана // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. 2016. № 1. С. 205.

⁴ Ниязов М., Икрамова Л. Указ. соч. С. 81.

(в практическом и прикладном аспекте) ситуация, когда уголовные дела о пытках надлежаще расследуются и доводятся до судебного разбирательства¹.

В законодательство Республики Казахстан понятие пытки как преступного деяния первоначально было введено законом от 21 декабря 2002 г., которым в УК республики была внесена ст. 347–1 «Пытки». Объектом преступления выступали отношения в сфере осуществления правосудия и реализации надлежащего порядка исполнения наказания. Объективная сторона предполагала причинение потерпевшему физических и психических страданий. Субъект являлся специальным – следователь, дознаватель или иное должностное лицо. Таким образом, УК Казахстана не допускал привлечения к уголовной ответственности третьих лиц, которые действуют по подстрекательству субъекта или с его молчаливого согласия. Объективная сторона была не детализирована, то есть причинение физических и психических страданий могло осуществляться любым способом. Р.Н. Юрченко верно подмечал, что применение законодателем союза «и» вместо «или» порождает неопределенность при квалификации: потерпевшему должны быть причинены оба поименованных последствия, либо достаточно только одного². В дальнейшем казахский законодатель внес серьезные коррективы в регламентацию уголовной ответственности за пытку.

В действующем УК Казахстана наказание за пытки установлено в ст. 146 «Пытки». Объектом уже выступают конституционные и иные права личности. Объективная сторона уточнена, ныне это причинение физических и (или) психических страданий. Некоторые авторы предлагают включить в диспозицию статьи также жестокое обращение как отдельную форму поведения³. Круг субъектов увеличен, теперь это и третьи лица, действующие по подстрекательству или с молчаливого согласия основных субъектов (следователь, лицо, производящее

¹ Когамов М.Ч. Лишь единицы уголовных дел о пытках доходят до суда в Казахстане. 15 июля 2016. URL: <https://www.zakon.kz/4806009-lish-edinicy-ugolovnykh-del-o-pytках.html> (дата обращения: 01.011.2021 г.).

² Юрченко Р.Н. Проблемы предотвращения пыток // Вестник ОГУ. 2004. № 3. С. 9.

³ Шушикова Г.К., Кемали Е.С., Ажибаев М.Г. Вопросы противодействия пыткам в Казахстане // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 50–51.

дознание, иное должностное лицо). Уточнена специальная цель – получение сведений или признания, наказание потерпевшего лица за собственные действия или за действия других лиц; запугивание или принуждение, основанное на дискриминации любого характера. Предусмотрен ряд квалифицированных видов преступления (совершение группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, неоднократность, причинение средней тяжести вреда здоровью, в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, несовершеннолетнего). К особо квалифицирующим признакам отнесены причинение в ходе пытки тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшему¹. Определение пытки в УК Казахстана признается в литературе неудачным в силу излишней «загроможденности» этой законодательной конструкции, порождающей трудности в ее толковании правоприменителями².

Что касается толкования такой цели, как принуждение, ни КПП, ни УК Казахстана не содержат ее легальной дефиниции. Доктрина определяет принуждение как оказание воздействия на лицо с целью сломить его волю, заставить совершить определенные действия или воздержаться от их совершения в пользу виновного или третьих лиц, осуществляемого путем причинения физических или психических страданий³.

Необходимо отметить, что законодатель практически дословно имплементировал нормы КПП в УК Казахстана, выполняя таким образом свои международные обязательства. Однако считаем некорректным наименование статьи, из буквального толкования которого следует, что для квалификации необходимо совершение как минимум двух актов пытки. Резонно было бы заменить его на «Пытка» в единственном числе. Из диспозиции следует, что преступление двухобъектное, в основном здесь ущерб наносится интересам правосудия. Логичнее

¹ Уголовный Кодекс Республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 12.09.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0 (дата обращения – 15.09.2023 г.).

² См., напр.: Рахметов С.М. Проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан: юридическая техника // Ведомости Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 2. С. 45.

³ Юрченко Р.Н. Указ. соч. С. 9.

было бы его поместить в соответствующую главу УК Казахстана, как это было первоначально. В отличие от УК РФ, пытка как квалифицирующий признак превышения должностных полномочий и принуждения к даче показаний в УК Казахстана не предусматривается.

В Казахстане создан национальный превентивный механизм предотвращения пыток. В числе конкретных мер профилактики, в частности, предусмотрено введение тотального видеонаблюдения в пенитенциарных учреждениях, служебных помещениях полиции¹. Вместе с тем в литературе отмечается, что результативной деятельности механизма препятствует отсутствие возможностей для проведения эффективного расследования заявлений о пытках, в том числе правового механизма его проведения². Проверки зачастую проводятся теми же органами, действия которых обжалуются.

В Республике Молдова уголовная ответственность за пытки введена в 2005 г. в ч. 3 ст. 166–1 УК Республики³. Объективная сторона выражается в форме причинения сильной боли или физического либо психического страдания. Не вполне понятна логика законодателя, разделившего боль и иные страдания. Причинение боли как раз и вызывает прежде всего физические страдания. Субъективная сторона характеризуется целью получения сведений или признаний, наказания потерпевшего или третьего лица, запугивания или принуждения, мотив – дискриминация любого характера. Субъект – публичное лицо или лицо, фактически исполняющее функции публичного учреждения, а равно любое лицо, выступающее в официальном качестве, либо действующее с ведома или молчаливого согласия указанных лиц. Закон весьма подробно определяет круг

¹ Агибаев Н.Ж., Имангалиев Н.К. Некоторые вопросы процессуального закрепления доказательств при расследовании пыток в пенитенциарной системе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 4 (62). С. 98.

² Матвеева И.О. Международные и национальные механизмы противодействия применению пыток в Казахстане: достижения, проблемы, опыт решения // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина / отв. ред. А.В. Малько. Рязань, 2013. С. 459–463.

³ Уголовный кодекс Республики Молдова 2002 г. (по сост. на 31.07.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения – 09.09.2023 г.).

квалифицированных и особо квалифицированных видов пытки: это совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего, беременной женщины, беспомощного лица, двух или более лиц, двумя или более лицами, с использованием оружия, специальных орудий или предметов, должностным лицом или лицом, занимающим ответственную государственную должность, с причинением средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, смерти по неосторожности.

Рассмотрим опыт Грузии в деле предупреждения пыток. Это государство является участником многих международных конвенций, направленных на борьбу с пытками, однако в 2000–2010 гг. факты применения пыток приобрели здесь массовый характер¹. Как верно указывает Э. Беселия², решение проблемы предотвращения пыток потребует системного подхода и кардинальной корректировки практики государственной деятельности во многих сферах. Стоит задуматься над этим и российским властям.

Документы организации «Amnesty International»³ свидетельствуют о том, что в Грузии наблюдается большой диссонанс между количеством жалоб на применение пыток, выявленных случаев их применения и числом мер уголовной или дисциплинарной ответственности, принятых к лицам, использовавшим пытку. Публичная информация на этот счет отсутствует⁴.

Широкому распространению пыток в Грузии, как и во многих других странах, способствует «палочная» система оценки эффективности деятельности правоохранительных органов⁵, рассмотрение признания лица как решающего доказательства.

Комитет ООН против пыток в выводах и рекомендациях от 18.05.2007 г.

¹ European Court of Human Rights. Annual Report 2009. URL: http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/C25277F5-BCAE-4401-BC9B-F58D015E4D54/0/Annual_Report_2009_versionProv.pdf (дата обращения: 11.01.2023 г.).

² Беселия Э. Концептуальные подходы по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в Грузии // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1–2. С. 224.

³ Организация признана в Российской Федерации иностранным агентом.

⁴ Georgia: Police torture and other ill-treatment must be relegated to the past // Amnesty International, AI Index: EUR 56/003/2006 (Public). News Service No: 029. 2 February 2006.

⁵ Беселия Э. Указ соч. С. 225.

указал, что он «обеспокоен существующей системой расследования, в которой для прокуратуры главной формой доказательств служат признания, что создает условия, благоприятные для применения пыток к подозреваемым и бесчеловечного обращения с ними»¹.

В УК Грузии рассматриваемое преступление описано в ст. 144¹ «Пытки»². Деяние определено как создание потерпевшему или третьим лицам таких условий либо такое обращение с ними, которые по своему характеру, интенсивности или продолжительности влекут сильную физическую боль или психические либо моральные страдания. С субъективной стороны целью преступления является получение информации, доказательств или признательных показаний, запугивание или принуждение, наказание лица за действия или бездействие, совершенное им самим или третьими лицами. Положительным моментом в определении цели преступления видится указание на то, что виновный стремится не только к получению признательных показаний, но и иных доказательств. Интересно, что субъект преступления вынесен «за скобки» основного состава и служит квалифицирующим признаком преступления (чиновник или приравненное к нему лицо, использование служебного положения). К числу иных квалифицирующих признаков УК Грузии относит неоднократность, совершение деяния в отношении двух или более лиц, группой лиц, по мотиву дискриминации любого характера, в отношении женщины, заведомо находящейся в состоянии беременности, заведомо несовершеннолетнего, задержанного или иным образом ограниченного в свободе, находящегося в беспомощном состоянии или материально либо иным образом зависящего от виновного лица, по найму, сопряженное с захватом заложника, медицинскими манипуляциями или применением медицинского инструментария, совершение из корыстных побуждений, понуждение к признанию в совершении особо тяжкого преступления или к ложному доносу в отношении

¹ Выводы и рекомендации комитета ООН против пыток. Грузия CAT/C/GEO/CO/3, 25 July 2006.

² Уголовный кодекс Грузии 1999 г. (по сост. на 21.09.2023 г.) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=242> (дата обращения: 24.09.2023 г.).

третьих лиц. Особо квалифицированные виды преступления – его совершение с применением насильственных действий сексуального характера, организованной группой, повлекшее причинение смерти или иные тяжкие последствия. Кроме того, УК Грузии содержит состав угрозы пыткой (ст. 144²), то есть угрозы совершения действий, указанных в ст. 144¹. Кроме того, пытка включена в перечень преступлений против человечности (ст. 408) в случае ее применения в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население или на гражданских лиц.

Оценивая указанные нормы, отметим, что наименование ст. 144¹ УК Грузии не соответствует ее содержанию. Как уже отмечалось в отношении УК Казахстана, использование множественного числа («пытки») предполагает совершение деяния как минимум два раза. В то же время в диспозиции речь идет о единичном преступном акте совершения одной пытки. В свою очередь включение пытки в ст. 408 кодекса является рациональным и, по сути, является имплементацией положений международного права, в частности Элементов преступлений Статута МУС.

В УК Республики Азербайджан понятие пытки отличается от КПП. В ст. 113 закона весьма лаконично определено, что преступление выражается в причинении физической боли или психических страданий лицам, подвергшимся задержанию или иному ограничению свободы¹. Специальных целей, как и субъекта (субъектов) преступления, не указано. Исходя из места в системе Особенной части кодекса, пытка отнесена к преступлениям против мира и безопасности человечности². Кроме того, применение пытки является квалифицированным видом истязания (ст. 133). Примечательно, что закон применительно к такому наказанию, как выдворение за пределы Республики (ст. 52.2.7), запрещает судам использовать его, если имеются основания полагать, что лицо будет подвергнуто

¹ Уголовный кодекс Республики Азербайджан 1999 г. (по сост. на 30.05.2023 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 10.09.2023 г.).

² Весьма своеобразная формулировка, обычно в законодательствах говорят о безопасности человечества.

пытке в государстве, куда его выдворяют. Подобные нормы содержатся и в ряде иных уголовных законов (УК Армении, Молдовы и др.).

Уголовный кодекс Республики Армения¹ описывает различные разновидности пытки. Прежде всего, согласно п. 6 ч. 1 ст. 135 кодекса пытка является одним из преступлений против человечности, что вполне резонно и обоснованно. Согласно ч. 2 упомянутой статьи пыткой является причинение сильной физической боли или сильных душевных страданий лицу, лишенному свободы или находящемуся под контролем преступника. С нашей точки зрения, данное определение не совсем удачно. Во-первых, душевные страдания – понятие весьма оценочное. Во-вторых, не ясно, чем пытка при таком понимании отличается от различных видов причинения вреда здоровью, побоев или истязания.

Кроме того, пытка предусмотрена в качестве военного преступления (ст. 137 УК Республики Армения). Это деяние, совершаемое в период вооруженного конфликта, учиняется в отношении лица (лиц), которому (которым) покровительствует международное гуманитарное право, или другого потерпевшего, которого защищает международное право.

Специальный состав пытки предусмотрен в ст. 450 УК Республики Армения. По объекту это деяние относится к посягательствам против публичной службы. По смыслу содержащаяся в ней дефиниция пытки шире, чем приведенная в ст. 135, фактически это несколько измененное конвенционное ее понятие (специальный субъект, специальные цели, мотив).

Примечательно, что армянский законодатель прямо разграничивает пытку и особую жестокость (в чем его всецело следует поддержать). Совершение пытки с особой жестокостью является квалифицирующим признаком в ст. 450 УК Республики Армения. Оригинальными выглядят и другие квалифицирующие признаки. Мы полагаем полезным включить в предлагаемую нами новую ст. 114¹ УК РФ такие из них, как совершение пытки в отношении заведомо беременной,

¹ Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 11.09.2023 г.).

несовершеннолетнего (у нас – малолетнего), лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Статья 137 УК Кыргызской Республики¹ фактически воспроизводит нормы КПП. В объективную сторону здесь включены деяние (причинение физических или психических страданий), в субъективную – умышленный характер указанных деяний, специальная цель – получение от потерпевшего сведений или признаний, наказание за деяние, которое совершил последний или третье лицо, запугивание или принуждение. Мотив дискриминационного характера также входит в субъективную сторону состава. Субъект специальный – должностное лицо или тот, кто действует по его подстрекательству или с молчаливого согласия. К числу квалифицированных видов отнесена пытка: в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности или ребенка, в отношении инвалида или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, совершенная группой лиц, с особой жестокостью. В принципе, инвалидов можно было и не выделять, в большинстве это лица, находящиеся в беспомощном состоянии, хотя инвалиды 3-й группы могут и не быть беспомощными. Но вот указание на особую жестокость при пытке может быть полезно для российского уголовного права. Особо квалифицирующие признаки – последствия в виде тяжкого вреда здоровью, смерти потерпевшего, причиненной по неосторожности.

В Кыргызской Республике создан Национальный центр по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания². Это независимый государственный орган. В него входят также представители общественности. Его сотрудники обладают уголовным и административным иммунитетом, наделены правом вмешиваться в проведение оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий, могут

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 г. (в ред. от 10.10.2023 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения: 20.10.2023 г.).

² Закон от 12.07.2012 г. № 104 «О Национальном центре Кыргызской Республики по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». URL: <http://npm.kg/wp-content/uploads/2017/03/zakon-o-ntspp.pdf> (дата обращения: 18.08.2021 г.).

превентивно посещать места принудительного содержания¹.

Как признано в кыргызской научной литературе и практике, пытка может посягать не только на отдельных лиц, но и на интересы общин и человечества в целом. В последнем случае считается, что пытки лишают смысла существование людской популяции и «не оставляют надежд на лучшее будущее»². Кроме того, существует мнение о том, что объектом пытки является жизнь и здоровье лица³. Представляется, что основным непосредственным объектом пытки будет являться телесная и психологическая (психическая) неприкосновенность человека, поскольку во многих случаях при применении пыток фактического вреда здоровью, а тем более жизни, не наступает.

В Республике Узбекистан принят целый комплекс нормативных актов, направленных на предупреждение пыток и борьбу с ними⁴. В ст. 235 УК названного государства пытка определена как незаконное психическое, психологическое, физическое или иное давление на лицо, подвергнутое административному

¹ См. подр.: Сабаева С.В., Гуляев Д.Е. Поиск оптимальной модели национального превентивного механизма для Российской Федерации (результаты сравнительно-правового исследования законодательства зарубежных государств) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2021 № 4. С. 212.

² Мукашев М.Ш., Айтмырзаев Б.Н., Халитова Е.А. Внедрение положений Стамбульского протокола в учебный процесс // Медицина Кыргызстана. 2015. № 2. С. 50; Указание Генеральной Прокуратуры Кыргызской Республики №75-р от 18 октября 2011.

³ Токтосунов К.Б. Влияние норм международного права на квалификацию преступлений, связанных с пытками: на примере уголовных законодательств Кыргызской республики и Российской Федерации // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 10. С. 212.

⁴ Указ Президента Республики Узбекистан от 21.10.2016 г. №ПФ-4850 «О мерах по дальнейшему реформированию судебной системы, усилению гарантий надежной защиты прав и свобод граждан», Указ Президента Республики Узбекистан от 30.11.2017 г. №УП-5268 «О дополнительных мерах по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебной деятельности», Указ Президента Республики Узбекистан от 12.05.2018 г. №УП-5441 «О мерах по коренному повышению эффективности института адвокатуры и расширению независимости адвокатов», Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.05.2018 г. №ПП-3723 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства», Указ Президента Республики Узбекистан от 22 июня 2020 г. № УП-6012 «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по правам человека»; Указ Президента Республики Узбекистан от 10 августа 2020 г., № УП-6041 «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты прав и свобод личности в судебной деятельности».

аресту, а также подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, свидетеля, потерпевшего, другого участника уголовного процесса либо их близких родственников путем угроз, нанесения ударов, побоев, истязаний, причинения мучений или иных незаконных действий, совершенное сотрудником правоохранительного или другого государственного органа либо по его подстрекательству или с его ведома, либо с его молчаливого согласия иными лицами с целью получения от них или от третьего лица какой-либо информации, признаний в совершении преступления, их самовольного наказания за совершенное деяние либо принуждения их к совершению каких-либо действий¹. Данная дефиниция представляет определенный интерес. Так, в объективную сторону включено иное давление на лицо. В числе потерпевших указаны лица, отбывающие административный арест, иные, кроме обвиняемого, участники уголовного судопроизводства, его близкие родственники.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан содержит ст. 143 (1) «Пытки»². Опять-таки неудачно применено множественное число в названии статьи. Однако в целом ее содержание соответствует нормам КПП (по всем элементам состава). Особенностью является указание на повторность как квалифицирующий признак преступления.

Уголовный кодекс Республики Туркмения³ указывает на пытку как на квалифицирующий признак истязания (ст. 111) и как на самостоятельное преступление против государственной власти (ст. 201). В целом определение пытки соответствует конвенционному. Добавлены такие уникальные квалифицирующие признаки, как совершение деяния в условиях войны или угрозы войны, внутренней политической нестабильности или другого любого чрезвычайного или военного положения.

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. (по сост. на 31.10.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 04.11.2023 г.).

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. (по сост. на 13.11.2023 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 18.11.2023 г.).

³ Уголовный кодекс Республики Туркмения 1997 г. (по сост. на 30.09.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 04.10.2023 г.).

В УК Республики Эстония пытка кратко определена как систематическое или вызывающее сильную боль физическое насилие¹.

Далее перейдем к анализу законодательства стран так называемого Дальнего зарубежья. К настоящему времени специальные уголовно-правовые нормы о криминализации пыток внесены в уголовное законодательство Австралии (1988), Алжира (2004), Англии (1988), Греции (1984), Испании (1978), Камеруна (1997), Люксембурга (2000), Македонии (1996), Мальты (1990), Туниса (1999), Франции (1992), Черногории (2003), Чили (1998), а также многих стран Латинской Америки и ряда других государств².

Одной из последних стран, где официально применявшиеся пытки были отменены, стал Израиль. В постановлении Верховного суда страны от 26 сентября 1997 г. пытки к лицам, подозреваемым в террористической деятельности, были разрешены. Суд мотивировал свое решение тем, что зачастую получить необходимую от виновных информацию, способствующую предотвращению актов терроризма, не представляется возможным иными способами. В 1999 г. под давлением мировой общественности Верховный суд Израиля отменил указанное постановление и принял другое, воспрещающее пытки.

Определение пытки, основанное на нормах КПП, дается в законодательстве Камеруна, Канады, Люксембурга, Румынии, Хорватии, Австралии. В УК Колумбии, Косово, Мальты, Туниса оно имеет весьма незначительные расхождения с конвенционным. Отличные от конвенционного определения или конструкция состава включены в уголовное право Аргентины, Великобритании, Гватемалы, Доминиканской Республики, Испании, Перу, РФ, Сальвадора, Словакии, США, Турции, Чехии, Чили. В соответствующих формулировках УК Гватемалы и Испании все-таки прослеживается сильное влияние КПП³.

В Кембриджском словаре приводится весьма упрощенное понятие пытки, она определяется как ментальное страдание и несчастье или сильная физическая

¹ Капинус О.Н, Додонов В.Н. Указ. соч. С. 66.

² Там же. С.63.

³ Там же.

боль¹. Неожиданное для учебного учреждения такого уровня определение; непонятно, какое отношение к пыткам имеет несчастье.

Рассмотрим некоторые из указанных определений.

В соответствии с УК Аргентины (ч. 3 ст. 144/3), пытка – это причинение физических, но и «достаточно серьезных психических страданий»². Субъектом преступления выступает государственный служащий, который применяет любой вид пыток к законно или незаконно лишенному свободы лицу. Уголовную ответственность за пытки несут и частные лица, совершившие описанные деяния, то есть предусмотрен как специальный, так и общий субъект. Цель преступления в конструкции состава не предусматривается, в отличие, например, от КПП.

Нередко уголовные законы, фактически описывая пытку, не называют ее в качестве таковой. Так, в ст. 264 УК Польши говорится о применении насилия или угрозы его применения специальными субъектами с целью получения признаний, сведений, показания, причинившем физические или психические страдания. Таким образом, как видно из формулировки, здесь фактически описана пытка так, как ее понимает КПП³.

В большинстве уголовных законодательств стран мира пытка сконструирована как должностное преступление (Китай). Иной подход отражен в уголовном праве Албании, Колумбии, Франции, где специальный субъект пытки не выделяется. С другой стороны, уголовный законодатель некоторых государств (Испания, Мальта, Сальвадор, Тунис) определяет субъекта пытки только как должностное лицо. При этом проигнорированы важные положения КПП о том, что совершить преступление может и лицо, не являющееся должностным или выступающим в официальном качестве, но которое действует по подстрекательству или с молчаливого согласия последних⁴.

¹ Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/torture> (дата обращения – 12.10.2022 г.).

² Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003; URL: <https://constitutions.ru/?p=5847> (дата обращения – 04.01.2023 г.).

³ Уголовный кодекс Республики Польша / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Лукашова. СПб., 2001.

⁴ Капинус О.Н., Додонов В.Н. Указ. соч. С. 62-71.

Такой признак, как причинение особых физических или психических страданий, превышающих те, которые причиняются другими актами дурного обращения (жестокое, бесчеловечное, унижающее достоинство), в ряде законодательств отсутствует или выражен не явно¹. По уголовному праву Гондураса, Испании, Макао, Мексики, Перу, Португалии и США пыткой является не только причинение физических и моральных страданий, но также использование средств изменения сознания и подавления воли (например, наркотических средств или иных сильнодействующих препаратов).

В некоторых законодательствах пытка рассматривается как синоним особой жестокости (Франция, Алжир, Бельгия, Гвинея). Законы многих государств разделяют понятие пытки, с одной стороны, и других актов жестокости, с другой. Здесь наметилась тенденция, однако, объединять эти формы преступного поведения под эгидой одной статьи уголовного закона.

Так, по УК Хорватии соответствующий состав наименован как «Пытки и другое жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение» (ст. 176), по УК Чехии – это «Пытки и иное бесчеловечное и жестокое обращение» (ст. 259а). Статья 86 УК Албании предусматривает ответственности за пытки, а равно любое иное унижающее человеческое достоинство или бесчеловечное обращение.

Остановимся немного подробнее на практике Китайской Народной Республики (далее – КНР). Уголовный кодекс КНР устанавливает ответственность работников юстиции, применивших допрос под пыткой в целях получения показаний (ст. 247)². Однако проведенное нами изучение практики показывает, что пытки в КНР активно применяются³. Жертвами пыток или применения насилия зачастую становятся правозащитники: адвокаты, представители общественных

¹ См.: Капинус О.С., Додонов В.Н. Указ. соч. С. 64.

² Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики 1997 г. / под общ. ред. А.И. Чуцаева и А.И. Коробеева. 2-е изд. М., 2021.

³ Бардеев К.А. Сравнительный анализ проблематики механизма противодействия пыткам, жестокому, унижающему достоинство и бесчеловечному обращению, на примере РФ и КНР // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2020. № 2 (25). С. 45–49.

правозащитных организаций.

Специальный докладчик ООН по вопросам пыток М. Новак после посещения Китая отмечал, что в стране отсутствует процессуальная защита, которая необходима для эффективного воспреещения пыток, система жалоб на пытки неэффективна. Сам китайский термин «кусин», означающий пытку, предусматривает только физическое воздействие, но не психическое¹.

Законодатели ряда зарубежных стран ввели в уголовные кодексы и ряд достаточно уникальных составов. Так, установлена ответственность за отдачу распоряжения о применении пытки (Алжир, Афганистан, Венесуэла, Ирак, Иран). В УК Аргентины содержится состав потворствования пыткам и халатности, выражающейся в непринятии мер по недопущению пыток (ст. 144/4).

Аналогичное деяние предусмотрено ст. 176 УК Испании. Стоит подумать над включением подобной нормы в ст. 293 УК РФ в качестве квалифицированного вида халатности.

Существует определенная конкуренция между пыткой и причинением вреда здоровью, которая в зарубежном законодательстве находит различные решения. Так, одни законы предлагают квалифицировать деяния по совокупности (УК Испании), другие предполагают квалификацию по статье, предусматривающей наиболее строгое наказания (УК Армении, Китая). Третьи исходят из того, что причинение вреда здоровью является квалифицирующим признаком пытки². Нам ближе первая точка зрения. Полагаем, что это наиболее полная квалификация пытки, когда потерпевшему причиняется какой-либо вред здоровью. Данная позиция нашла поддержку в литературе³. Если принять вторую точку зрения, то фактически вред здоровью выпадает, что нарушает правила квалификации преступлений. Третья точка зрения не учитывает случаи, когда в соответствующих

¹ Систематические пытки в Китайской Народной Республике. URL: <https://faluninfo.ru/presledovaniya/aresty-pytki-ubijstva/sistematicheskie-pytki-v-kitajskoj-narodnojrespublike/> (дата обращения – 12.12.2020 г.).

² Капинус О.С., Додонов В.Н. Указ. соч. С.68.

³ Там же. С. 71.

составах причинения вреда здоровью не предусматривается в качестве квалифицированного вида применение пытки.

В законах зарубежных государств предусмотрена весьма широкая палитра квалифицирующих признаков рассматриваемого деяния. Причинение смерти (Албания, Аргентина, Армения, Боливия, Казахстан, Камерун, Люксембург, Португалия, Румыния, Словакия, США, Чехия) и тяжкого (серьезного) вреда здоровью (Албания, Аргентина, Армения, Боливия, Казахстан, Люксембург, Румыния, Словакия, Чехия), пожалуй, выступают в роли наиболее опасных квалифицирующих признаков пытки.

Проанализируем еще одну немаловажную, на наш взгляд, проблему. В США предусмотрены различные механизмы применения смертной казни, в том числе и связанные с причинением осужденному и его родственникам мучительных физических и моральных страданий. Так, 22 февраля 2018 г. была осуществлена неудачная попытка казни Дойла Ли Хэмма. Осужденный страдал раком лимфатической системы и карциномой, поэтому врач, делавший смертельную инъекцию, в течение 2,5 часов не мог найти вену для укола. При этом Хэмму были фактически нанесены мучительные телесные раны, а отчет о ходе неудачной казни был опубликован в свободном доступе. Можно представить, какие психические страдания испытали родственники осужденного, ознакомившись с сим документом. Судья Верховного суда штата Иллинойс Кларенс Томас по данному делу указал, что для осужденного, который сталкивается с перспективой мучительной казни, намерение человека, применяющего наказание, не имеет значения.

Таким образом, врач, в данном случае осуществлявший смертельную инъекцию, знал о заболеваниях осужденного и осознавал, что такой способ казни будет особо мучительным для лица.

Следовательно, фактически перед смертью была осуществлена пытка. Однако судья пришел к совсем иному выводу о том, что механизм исполнения наказания и жестокость обращения – разные вещи.

Заметим, что этот случай не единичный в США¹.

Широко американцы применяли пытки в иракской тюрьме Абу-Грэйб², на американской базе в Гуантанамо³.

Трудно даже себе представить возможность существования в России подобных «центров» содержания задержанных.

44-й Президент США Барак Обама признал, что после терактов 11 сентября 2001 г. в стране активно применялись пытки к подозреваемым в актах терроризма. Так, с 2002 по 2005 гг. в тюрьмах и центрах содержания задержанных в результате пыток погибли более 100 человек⁴. Пытки в США стали предметом особого рассмотрения на 31-й сессии Совета ООН по правам человека⁵.

Интересным видится вопрос, неоднократно поднимавшийся в отечественной и зарубежной юридической литературе, касающийся возможности применения пыток к лицам, виновным в террористической деятельности.

Не последнюю роль в этом сыграло так называемое «дело Боджинки»⁶. В середине 90-х гг. ряд радикальных террористов готовили масштабную атаку на гражданские авиалайнеры. В одном из них удалось осуществить взрыв, погиб 1 человек, но самолет смог успешно приземлиться. Виновные были задержаны, и к ним применялись достаточно жестокие пытки (имитация утопления, избиения,

¹ Козак Л.Л. Смертная казнь и (или) пытка: США, реалии // Теология. Философия. Право. 2021. № 1 (15). С. 3; Notice of submission of expert report of dr. mark heath re. examination of petitioner Doyle Hamm on 15.02.18. URL: <https://files.deathpenaltyinfo.org/legacy/files/pdf/HammDoyle20180305FedLICaseHeathReport93.pdf> (дата обращения – 12.08.2022 г.).

² См.: Российская газета. 2004. 21 авг.

³ Полстовалов О.В. Зарубежный опыт применения пыток в уголовном судопроизводстве, который не стоит использовать // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 3. С. 54–55.

⁴ Магай М. Обама признал применение пыток сотрудниками ЦРУ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2014/570420239a794760d3d406e9> (дата обращения – 12.09.2022 г.).

⁵ Прибытков К. ООН: правительство США должно привлечь к ответственности виновных в пытках в Гуантанамо // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-rapogata/2728810> (дата обращения – 12.09.2022 г.).

⁶ Романовский Г.Б. Проект «Боджинка» – можно ли пытать террористов (современная доктрина и правовой запрет)? // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2020. Т. 8. № 4 (32) С. 51–57.

в результате которых были поломаны все ребра, огнем прижигались гениталии). С одной стороны, террористы готовили широкомасштабную бесчеловечную акцию, тем самым противопоставив себя всему человечеству. Но международное право содержит прямой запрет на применение пыток к обвиняемым в терроризме, о чем шла речь в предыдущем параграфе. В литературе на этот счет также представлены различные позиции. И в науке, и практике государств (например, Великобритания, Италия, Греция) все чаще слышатся мнения о том, что запрет применения пыток не должен иметь всеобъемлющий характер¹.

История «проекта Боджинка» постоянно упоминается во всех дискуссиях относительно отказа от абсолютного императивного запрета пыток². Так, американский исследователь М. Игнатъевф в соответствии с разработанной им концепцией «меньшего зла» писал о том, что к виновным может применяться «интенсивный допрос» (лишение сна, пребывание в темноте), однако явные пытки неприемлемы³. В противовес данной позиции Д. Слэйтер указывает, что по делам о терроризме в условиях дефицита времени пытки могут способствовать получению важной информации. Автор предлагает вернуться к идее «судебного ордера на пытку»⁴. Аналогичной позиции по поводу судебного контроля над пытками террористов придерживается и А. Дершовиц⁵. Необходимо отметить, что предлагаемая концепция «интенсивного допроса» как альтернативы пыткам, с нашей точки зрения, несостоятельна, ибо грань между таким следственным действием и пыткой весьма условна и размыта, и опять-таки в данном случае превалируют оценочные категории. Лишение сна, в частности, может быть при

¹ См.: Семькина О.И. Принцип гуманизма как средство обеспечения запрета пыток // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 53.

² См., напр.: Романовский Г.Б. Конституционный запрет на пытки // Гражданин и право. 2020. № 1. С. 15–26; он же. Конституционный запрет на пытки // Гражданин и право. 2020. № 2. С. 3–14.

³ Ignatieff M. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. 2005.

⁴ Slater J. M. Review. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror by Michael Ignatieff // Political Science Quarterly. 2004. Vol. 119, № 4. Pp. 684–686.

⁵ Dershowitz A. Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge. 2002. 288 p; Dershowitz A. Shouting Fire: Civil Liberties in a Turbulent Age. 2002.

определенных обстоятельствах расценено и как пытка, и как жестокое бесчеловечное отношение, и как интенсивный допрос. Возникает дилемма, что ценнее – жизнь и здоровье потенциальных жертв террора или телесная неприкосновенность террористов, гарантируемая международным и национальным правом.

Посмотрим на эту проблему с другой стороны. Российский уголовный закон (гл. 8) допускает причинение вреда охраняемым УК РФ отношениям в определенных случаях. В частности, речь идет прежде всего о необходимой обороне, когда посягающему можно причинить, в зависимости от обстоятельств, любой вред, вплоть до смерти. Таким образом, лицо действует правомерно, преступность деяния исключена. Хотя обороняющийся и причиняет вред посягающему, но в этом случае он защищает себя или других лиц, то есть преследует общественно полезные цели и руководствуется правомерным мотивом. Пытки в отношении подозреваемых в терроризме также могут иметь целью спасение жизней многих людей, сотен, тысяч, а то и сотен тысяч (радиационный ядерный терроризм). Так, лицо может знать, где заложена бомба, когда планируется теракт и т.д., но эту информацию не выдает правоохранителям. С юридической точки зрения, пытать его нельзя, ну а с моральной? Вопрос риторический, как и в случае с допустимостью эвтаназии, применения смертной казни и др. Необходимо также учитывать, что формальное разрешение на применение пыток в отношении подозреваемых в террористической деятельности может вызвать всплеск применения насилия и к иным лицам в рамках предварительного расследования. Поэтому в целом наша позиция по вопросу о возможности легализации пыток по делам о террористических преступлениях негативна. Насилие порождает новое насилие. Следует также учитывать, что запрет пыток, как говорилось ранее, носит в международном праве абсолютный императивный характер¹.

Далее перейдем к анализу национальных средств предупреждения пыток.

¹ Подробнее см.: Права человека. Борьба против пыток: изложение фактов (Rev. 1). URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet4rev.1ru.pdf> (дата обращения – 11.10.2022 г.).

Соответствующий предупредительный механизм в Новой Зеландии построен по юрисдикционному принципу. Функционирует ряд государственных правозащитных структур. Управление по рассмотрению жалоб на действия полиции осуществляет защиту прав лиц, ограниченных в свободе в полиции. Уполномоченный по делам детей, в частности, предупреждает пытки в местах принудительного нахождения для несовершеннолетних. Генеральный судья-адвокат осуществляет контроль за местами принудительного содержания Вооруженных сил. Омбудсмен выполняет функции правозащитного органа общей компетенции¹.

В Бразилии создана и функционирует Национальная система предупреждения и борьбы с пытками. В нее входят: Национальный комитет по предупреждению и борьбе с пытками, Национальный механизм по предупреждению и борьбе с пытками, Национальный совет по уголовной и пенитенциарной политике и орган Министерства юстиции, отвечающий за национальную пенитенциарную систему².

Кроме того, законодательство предусматривает и широкое участие общественных институтов в данной системе. В каждом штате создается свой механизм по предупреждению пыток и борьбе с ними.

Превентивный механизм противодействия пыткам разработан в Руанде. Здесь создана Национальная комиссия по правам человека³, являющаяся независимым и постоянно действующим органом. Ее функции осуществляют комиссары и представители общественности, осуществляющие противодействие пыткам в местах принудительного содержания.

¹ Закон «О поправках к Закону о преступлениях, связанных с пытками». Crimes of Torture Amendment Act № 68 (2006). URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0068/latest/whole.html> (дата обращения – 29.11.2022 г.).

² Law № 12.847, 02.08.2013. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112847.htm (дата обращения – 29.11.2022 г.).

³ Закон «Об определении миссии, организации и функционировании Национальной комиссии по правам человека» // Law № 19/2013 of 25.03.2013 determining missions, organisation and functioning of the National Commission for Human Rights. URL: http://www.cndp.org.rw/fileadmin/user_upload/Laws_NCHR_Integrated.pdf (дата обращения – 27.08.2022 г.).

Стоит отметить, что на Западе предпринимаются определенные меры по воспитанию у будущих сотрудников правоохранительных органов сдержанности и терпения (Франция, Нидерланды, Дания, Литва, Польша, Финляндия и др.). В специализированных учреждениях преподается полицейская деонтология – наука о полицейских стандартах поведения¹. Исследования, проведенные в США, Великобритании и Израиле, показали, что видеофиксация действий полицейских путем закрепления на их амуниции видеокамер снизило в 2 раза вероятность применения ими насилия².

Интересная позиция была выражена американским криминологом Фрэнком Танненбаумом: «Тюрьма не может быть изменена до тех пор, пока сохраняется старая основа подавления и изоляции»³. Это мнение может считаться квинт-эссенцией всего ранее сказанного.

Рассмотрение положений зарубежного права позволяет сделать следующие *выводы*:

24. Запрет применения пыток является конституционной гарантией в ряде государств и носит абсолютный и всеобщий характер (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан⁴).

¹ Кукушин В.М. Полицейская деонтология. М., 1994 г.

² Ariel B., Farrar W., Sutherland A. The Effect of Police Body-Worn Cameras on Use of Force and Citizens' Complaints against the Police: A Randomized Controlled Trial // Journal of Quantttave Criminology. Available at: <http://springer.com/artcile/10.1007/s10940-014-9236-3> (дата обращения – 02.08.2022 г.).

³ Tannenbaum F. Prison. Cruelty. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1920/04/prison-cruel-ty/305502/> (дата обращения – 10.09.2022 г.).

⁴ См.: Часть III, ст. 46 гл. III «Основные права и свободы человека и гражданина» Конституции Азербайджанской Республики 1995 г. URL: <https://www.legalacts.az/ru/document/271/100421#i3>; глава 2 «Основные права и свободы человека и гражданина» Конституции Республики Армения 1995 г. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>; часть 3 ст. 25 разд. II «Личность, общество, государство» Конституции Республики Беларусь 1994 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>; часть 2 ст. 17 разд. II «Человек и гражданин» Конституции Республики Казахстан 1995 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>; часть 3 ст. 18 гл. 2 «Права, свободы, основные обязанности человека и гражданина» Конституции Республики Таджикистан 2016 г. URL: https://minjust.ww.tj/library/constitution_rus.pdf; часть 1 ст. 33 разд. II «Права, свободы и обязанности человека и гражданина в Туркменистане» Конституции Туркменистана 1992 г. URL:

Во многом это обусловлено антропоцентричным характером конституций¹.

2. Основные отличия в сформулированных в зарубежных уголовных законах определениях понятия пытки и основных признаков ее состава как самостоятельного единичного преступления выражаются в следующем:

а) по субъекту преступления – наличие или отсутствие специального субъекта. Иногда он выступает в качестве квалифицирующего признака. Далее – включение в число субъектов лиц, не являющихся должностными или действующими в официальном качестве, или отказ от включения таковых;

б) различное определение степени (порога) причиняемых лицу физических и психических (нравственных) страданий;

в) включение или отказ от включения в содержания субъективной стороны специальной цели преступления и мотива – дискриминации по различным основаниям; открытый или закрытый перечень специальных целей деяния;

г) различное определение основного непосредственного объекта пытки. Указываются общественные отношения в сфере обеспечения основных прав и свобод личности, конституционных прав человека и гражданина, обеспечение мира и безопасности *человечности* (об этой своеобразной формулировке уже упоминалось ранее).

3. Далеко не везде национальный законодатель аутентично имплементировал понятие пытки, как оно сформулировано в КПП. Есть достаточно узкие трактовки и, наоборот, расширительные, детализированные по сравнению с КПП. Не всегда указаны специальные цели пыток, хотя это один из важнейших их признаков, либо цели сформулированы достаточно узко.

https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31337929#pos=6;-108; статья 26 гл. VII «Личные права и свободы» Конституции Республики Узбекистан 1992 г. URL: <https://lex.uz/docs/35869>; статья 56 Конституции Кыргызской Республики 2021 г. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112215> (дата обращения – 04.04.2022 г.).

¹ Нанба С.Б. Конституционное измерение личных (соматических) прав // Конституция и модернизация законодательства: матер. XV Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / председ. редкол. Т.Я. Хабриева. М., 2020. С. 629–630.

Еще одной важной особенностью уголовного права различных государств является отсутствие специального состава пытки как самостоятельного преступления. Законодатели многих стран предпочитают устанавливать пытку как квалифицирующий признак истязания, превышения должностных полномочий, принуждения к даче показаний и иных видов злоупотребления властью.

4. Весьма отличаются непосредственные, родовые и видовые объекты пытки в различных законодательствах и, соответственно, место их в системе Особенной части:

- а) преступления против здоровья (Албания, Абхазия, Армения);
- б) посягательства против физической или психической неприкосновенности (Франция);
- в) посягательства против свободы личности (Аргентина, Колумбия);
- г) деяния против конституционных прав (Чили, Казахстан, Таджикистан);
- д) посягательства против демократических прав граждан (Китай);
- е) посягательства против прав и свобод человека и гражданина (Македония);
- ж) преступления против правосудия (Вьетнам, Казахстан);
- з) должностные преступления (Ирак, Иран, Киргизия, Парагвай, Тунис);
- и) преступления против государственной власти, интересов государственной службы (Армения, Туркмения);
- к) деяния против человечности, безопасности человечества, в том числе совершенные в рамках систематического, масштабного нападения на гражданское население (Армения, Беларусь, Португалия, Перу, Азербайджан, Грузия);
- л) военные преступления (Армения, Словакия);
- м) посягательства на ценности, охраняемые в международном праве (Хорватия).

5. В странах бывшего СССР пытка криминализована как:

- 1) самостоятельное единичное преступление, в том числе в рамках общей статьи о преступлениях определенного вида (например, в Армении, Беларуси и Грузии это разновидность преступлений против человечности);

2) квалифицирующий и особо квалифицирующий признак ряда составов преступлений. К их числу относится истязание, причинение различного вреда здоровью, принуждение к даче показаний и иные формы превышения или злоупотребления властью.

6. Анализ массива квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков пытки приводит к выводу, что их перечни вполне естественно созданы не только под влиянием международного права, но и в большей степени под влиянием национальной правовой традиции. В их числе можно выделить общие (встречаются во многих законодательствах) и особенные, которых характерны для конкретного уголовного закона.

К числу общих признаков можно отнести:

- причинение смерти или тяжкого (серьезного) вреда здоровью;
- совершение деяния в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии (иногда указывают инвалидность, явную инвалидность);
- совершение деяния двумя или более лицами (группа лиц, организованная группа);
- по дискриминационным основаниям (если это не указано в качестве конструктивного признака состава);
- с применением оружия или специальных орудий и устройств. Считаем, что такой квалифицирующий признак целесообразно включить в российское уголовное законодательство.

Особенные признаки весьма разнообразны. Так, законодательство Армении предусматривает особую жестокость, пытку отношении лица или его близких в связи с исполнением им своей государственной, политической, служебной, профессиональной или общественной деятельности или выполнением общественного долга, в отношении лица, находящегося в какой-либо зависимости от преступника. УК Франции содержит развернутый перечень квалифицирующих признаков, среди которых, наряду с общими, выделяются такие, как совершение деяния в отношении родственника по восходящей линии, приемных родителей,

супругом или сожителем, в отношении различных категорий должностных лиц, в отношении свидетеля или потерпевшего, с применением или угрозой применения оружия. Кроме того, используется сопряженность с иными преступлениями, например, сексуального характера. Повторность, неоднократность устанавливаются как квалифицирующие признаки для состава пытки в УК ряда стран (Таджикистан, Казахстан, Грузия, Туркмения). Совершение деяния в условиях войны или угрозы войны, внутренней политической нестабильности или другого любого чрезвычайного или военного положения является квалифицированным видом пытки по УК Туркмении. Сюда можно отнести применение пытки, сопряженное с незаконными медицинскими манипуляциями или применением врачебного инструментария (Грузия).

7. Важнейшим вопросом, требующим окончательного решения, является то, насколько обосновано и необходимо криминализовать пытку как общеуголовное преступление, а не только как должностное посягательство против правосудия. Да, КПП и другие важнейшие документы в области противодействия пыткам делают акцент на получении признания или иной информации от потерпевшего, но этим спектр целей не ограничивается. Полагаем, что пытку надо законодательно рассматривать и как международное преступление (военное, против безопасности человечества), и в разрезе иных разделов УК как преступление международного характера, причем как самостоятельное посягательство. Использование пытки в качестве квалифицирующего признака истязания некорректно. Пытка далеко не всегда может применяться исключительно в рамках уголовного процесса (на досудебных стадиях и непосредственно в течение судебного разбирательства). Но квалифицировать пытку как побои, истязание является ничем иным, как применением уголовного закона по аналогии. Таким образом, приходим к выводу, что пытка должна быть криминализована в уголовном праве государств в качестве самостоятельного преступления¹. Об этом речь пойдет далее.

¹ См.: Бардеев К.А. Зарубежный опыт конституционного и уголовно-правового запрета

3 Российская уголовно-правовая практика противодействия пыткам: современное состояние и перспективы оптимизации

3.1 Проблемы легального закрепления ответственности за пытку в уголовном законодательстве РФ

Перейдем к рассмотрению проблем и особенностей законодательной регламентации пыток и перспективах ее развития в современном уголовном праве России, объективных и субъективных признаков существующих видов пытки (ст. 286, 302 УК РФ) как основы квалификации преступления. Естественно, пока речь идет о составе пытки как некоем собирательном понятии.

Запрет пыток в УК РФ не явился новеллой, так как изначально он был провозглашен в ст. 8 Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22.11.1991 г.¹ и в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ 1993 г.² Данный конституционный запрет находит отражение и в иных важнейших нормативных правовых актах государства. Так, ч. 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ конкретизирует данные положения применительно к уголовному процессу: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Из этого запрета выпало бесчеловечное обращение, криминализацию которого предусматривает международное право. РФ приняла на себя международно-правовые обязательства обеспечить защиту всех лиц, в том числе и от бесчеловечного обращения.

Б.Т. Безлепкина указывает, что установленные в ст. 9 УПК РФ требования об уважительном отношении к чести и достоинству человека, бережном отношении к жизни и здоровью всех лиц, а равно о запрете пыток носят всеобъемлющий

пыток // Юридические исследования. 2023. № 6. С. 20–27.

¹ Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22.11.1991 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

и универсальный характер. Они должны применяться во всех сферах отношений государственных органов, должностных лиц с гражданами. Такие отношения, считает ученый, по своей правовой природе не являются уголовно-процессуальными¹.

Запрет на применение пыток содержит и ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Рассмотрение поставленных вопросов целесообразно начать с общего понятия пытки (законодательного и доктринального), а далее, двигаясь от абстрактного к конкретному, перейти непосредственно к субъективным и объективным основаниям уголовной ответственности за совершение данного преступления, рассмотреть данные статистики и конкретные примеры из судебной практики.

Логика построения архитектоники гл. 3 диссертационного исследования исходит из того, что основные выводы и предложения нами будут сформулированы в параграфе 3.2, ибо в нем пойдет речь не только о ст. 286 и 302 УК РФ, но и о многих других вопросах, касающихся системы (подчеркнем – именно *системы*) уголовно-правового противодействия пытке в разнообразных ее проявлениях.

Итак, пытка в качестве квалифицирующего признака предусмотрена в ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ. Ранее этот признак содержался в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Само понятие пытки дано в примечании 1 к ст. 286 кодекса. Таким образом, законодатель использует характерный для отечественной уголовно-правовой традиции прием – часть основных признаков состава преступления определяется не в самой диспозиции статьи Особенной части, а в примечании к определенной статье.

Прежде чем переходить непосредственно к рассмотрению круга объективных и субъективных признаков пытки, целесообразно представить обзор, как обстоит дело с пытками и борьбе с ними в нынешней российской законодательной

¹ См. подр.: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2012.

и правоприменительной реальности. Это позволит в дальнейшем путем анализа соответствующих положений доктрины вычленить необходимые субъективные и объективные признаки пытки и сформулировать новые.

По мнению А.С. Александрова, пыточная практика в наши дни является особым элементом культуры российского уголовного судопроизводства¹. Пытки рассматриваются в науке как вид «инструментального» насилия, которое применяют сотрудники правоохранительных органов для достижения определенных процессуальных или служебных целей. К настоящему времени в деятельности многих органов принуждения сформировалась самовоспроизводящаяся субкультура насилия². С.А. Гордейчик и Н.А. Егорова указывают на наличие «субкультуры обвинения» как базовой первопричины применения пыток в правоохранительных органах³. Авторы подчеркивают, что органы, осуществляющие предварительное расследование и правосудие по уголовным делам, образуют «обвинительный тандем». Обвинительный уклон уголовного процесса остается. В том числе это является одним из условий продолжающейся по сей день пыточной практики. Реальная состязательность в уголовном судопроизводстве носит формальный характер. К числу факторов, обуславливающих обвинительный уклон и, как следствие, расцвет незаконных методов добывания доказательств, относятся: ограничение правомочий защиты по получению доказательств; явное преобладание стороны обвинения, в большинстве случаев представленной сотрудниками властно-государственных структур⁴. Искоренение пыток возможно только при условии обеспечения действительной состязательности. Избежать

¹ Цит. по: Смолькова И.В. Пытка как «способ получения» признательных показаний обвиняемого // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 8–12.

² Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования. М., 2011. С. 103–104, 172, 176.

³ Гордейчик С.А., Егорова Н.А. Пытки на предварительном расследовании: причины и предупреждение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 94–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pytki-na-predvaritelnom-rassledovanii-prichiny-i-preduprezhdenie> (дата обращения – 03.03.2022 г.).

⁴ Железняк А.В. Проблема применения пыток на этапе дознания и предварительного следствия в России // Science time. 2014. № 10. С. 135–136.

обвинительного уклона поможет ряд кардинальных преобразований, прежде всего полное и окончательное исключение у суда обвинительной функции, закрепление правила о том, что признание, сделанное на предварительном следствии и впоследствии не подтвержденное в суде со ссылкой подсудимого о примененной к нему пытке, подлежит признанию недопустимым. Более того, предложено исключить из числа доказательств признательные показания подозреваемого или обвиняемого. Только сделанное перед судом признание может быть положено наряду с другими доказательствами в основу обвинительного приговора. Однако это предмет самостоятельного исследования.

Встречаются и мнения, оправдывающие применение пыток. Так, Д.А. Шестаков полагает, что пытки в уголовном процессе относятся к мерам безопасности. К таковым автор относит те из мер принуждения, которые причиняют чрезвычайный вред (вред здоровью, собственности, лишение лица свободы) и не основаны на приговоре суда. Такие меры должны решать задачу устранения угрожающих государству, обществу и человеку факторов¹.

Возможно, что подобный взгляд на природу пыток нашел бы понимание в период Античности, Средневековья и Нового времени. Но в условиях XXI в. он совершенно неприемлем в силу императивного понимания запрета пыток. Этой позиции придерживается большинство исследователей² и судебная практика Верховного Суда РФ³.

Действительно, обоснование применения пыток и интенсивных допросов к лицам, противопоставившим себя обществу (в первую очередь к террористам),

¹ Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13–22.

² Дикаев С.У. Допустимо ли применение пыток в целях обеспечения права безопасности? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2. С. 30; Рахманова Е.Н. Стратегии сдерживания преступности в условиях глобализации // Стратегии уголовного судопроизводства: сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. М., 2008. С. 150; Чуксина В.В. Предупреждение пыток и связанных с ними видов практики с позиции прав человека // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 572.

³ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Российская газета. 2013. 5 июля.

не поможет искоренить это явление. На зло всегда будут отвечать злом; чем больше государство будет задействовать карательные механизмы, тем сильнее будет противодействие со стороны преступного мира¹. К тому же, как отмечалось ранее, разрешение пыток в отношении отдельных подозреваемых или обвиняемых может породить волну массовых злоупотреблений и, соответственно, действительную реальную угрозу обществу и государству. Полагаем, что легализация пыток как инструмента обеспечения безопасности государства поставит государство над личностью, ее правами и свободами, предопределяя путь к тоталитаризму.

Вернемся к формированию понятия пытки в российской уголовно-правовой традиции. Это позволит более детально вычленить ее объективные и субъективные признаки.

Как уже отмечалось, в научной литературе существует большая палитра разнообразных определений пытки. Словарь С.И. Ожегова трактует ее как физическое насилие, истязание при допросе, нравственное мучение². Этот же автор определяет насилие как применение физической силы к лицу, принудительное воздействие³. Вполне естественно, что это литературное, обыденное понятие. Однако в контексте признаков состава пытки важно выделение факта физического и (или) нравственного насилия (деяние).

Традиционно в уголовном праве выделяют два вида насилия – физическое и психическое. Это своего рода отправная точка в познании уголовно-правовой составляющей пытки. Они могут по-разному варьироваться, какие-то конструктивные признаки выделяются или игнорируются.

Рассмотрим, в связи с этим, ряд авторских понятий пытки. Так, В.Г. Вени-

¹ См. подр.: Зюзев Н.Ф. «Больной» вопрос. Заметки по дискуссии о практике и теории пыток // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 15–17; Shue Henry. Torture // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 7. No. 2. P. 124–143.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 585; он же. Словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988. С. 374.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 393.

аминов определяет пытку как совокупность умышленных действий, которые сопровождают причинение потерпевшему физических или психических страданий и совершаются с целью принуждения лица к поведению, выгодному виновному¹. Данное определение видится неудачным. Во-первых, действующая редакция УК РФ признает пыткой также и бездействие (справедливости ради следует отметить, что работа В.Г. Вениаминова была подготовлена в 2005 г. и учитывала примечание 1 к ст. 117 УК РФ). Но формулировка «действия, которые сопровождают причинение» видится не вполне корректной. При пытке действия виновного не сопровождают, а *выражаются* (*курсив мой – К.Б.*) в причинении определенных страданий. Кроме того, целью пытки может быть принуждение потерпевшего к совершению действий (бездействия), выгодных не только пытающему, но и другим выгодоприобретателям. Например, это действия третьего лица, которое совершает пытку по подстрекательству следователя, дознавателя, и т.д. Кроме того, под данное определение могут подпадать и составы иных преступлений, например изнасилование.

П.К. Кривошеин указывает, что пытка – это систематическое или непрерывное, периодически повторяемое в течение долгого времени причинение сильной физической боли и (или) аналогичных по глубине нравственных страданий потерпевшему в целях принуждения последнего или его близких к даче сведений или совершению определенных действий, не соответствующих его волеизъявлению, в целях наказания или иных противозаконных целях². В данном определении есть как положительные, так и отрицательные моменты. Указано, что пытка может иметь продолжительный, систематический и повторяющийся характер. Например, Элементы преступлений Статута характеризуют ее как систематические нападения на гражданское население и граждан. С другой стороны, акт пытки вполне может быть и единичным, кратковременным, хотя, если вспомнить

¹ См. подр.: Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязания: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

² Кривошеин П. Пытка: понятие, признаки // Уголовное право. 2005. № 5. С. 43.

зарубежное уголовное законодательство, нередко в наименовании соответствующих статей используется множественное число – пытки. Перечень целей в указанном определении оставлен открытым, что, как было отмечено ранее, тоже имеет как плюсы, так и минусы. Виновный, согласно определению П.К. Кривошеина, должен преследовать цель добиться от потерпевшего совершения действий, хотя и может принудить лицо к отказу от определенного поведения. В целом приведенное определение отражает основные признаки рассматриваемого состава преступления.

И.В. Дворянсков предложил ввести в УК РФ самостоятельный состав пытки, определив ее как любое умышленное, противоправное воздействие на потерпевшего, нарушающее его волеизъявление и причиняющее лицу физические или психические страдания. Против этого выступили ряд авторов и представителей силовых структур, указывая, что в данном случае возникнет ситуация избыточной криминализации, так как пытка на тот момент уже была отражена в ст. 117 и 302 УК РФ¹.

Т.В. Кондрашова полагает, что при таком подходе (самостоятельная криминализация пытки) граница между предлагаемой нормой и ст. 286 и 302 УК РФ практически исчезнет. В таком случае нормы одной из перечисленных статей фактически станут «мертвыми»².

В.В. Панкратов пишет³, что пытка и в рамках истязания, и в контексте ст. 302 УК РФ является однопорядковым деянием, и эти разновидности применения

¹ Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Необходимо ли введение в Уголовный кодекс РФ нормы, устанавливающей ответственность за пытки? // *Colloquium-journal*. 2019. № 16–6 (40). С. 81–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimo-li-vvedenie-v-ugolovnyi-kodeks-rf-normy-ustanavlivayuschei-otvetstvennost-za-pytki> (дата обращения – 02.12.2020 г.); Королева Е. Пытка, а не статья: ФСБ и МВД выступили против новаций в УК. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/01/29/12150265.shtml> (дата обращения – 02.12.2020 г.); ФСБ высказалась против введения в УК статьи о пытках как должностном преступлении // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/amp/648225> (дата обращения – 29.01.2021 г.).

² Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 240–242.

³ Панкратов В. Ответственность за пытку в уголовном законодательстве Российской Федерации // *Уголовное право*. 2005. № 4. С. 39.

насилия объективно разграничить по сути невозможно.

Позволим высказать свою точку зрения на этот счет. пытка далеко не всегда применяется лицами, действующими от лица государства. Это могут сделать обычные физические лица, преследующие свои цели. Таким образом, надо разделять «бытовую» пытку и те виды пыток, которые применяются должностными лицами, а также по их поручению или с молчаливого согласия. Исходя из этого, приходим к выводу, что состав «бытовой» пытки как преступления против личности должен присутствовать в УК РФ¹. Другое дело, стоит подумать о том, чтобы дать ему особое определение, так как ныне действующее понятие пытки, имплементированное из КПП, адаптировано под нужды ст. 286 и 302 УК РФ.

Солидарна, например, с таким мнением Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова, полагающая, что, если заключенные применяют пытки в отношении сокамерника, за это должна быть предусмотрена ответственность. Омбудсмен в период обсуждения соответствующего проекта закона призывала не исключать положения ст. 117 УК РФ относительно пытки со стороны не должностных лиц².

Разумеется, подобные деяния должны охватываться составом «бытовой» пытки или рассматриваться в рамках ст. 321 УК РФ при наличии признаков состава названного в ней посягательства и при дополнении ее соответствующим квалифицирующим признаком.

пытка, по мнению И.В. Дворянского, совершается должностным лицом, ведущим предварительное следствие, дознание, сотрудником уголовно-исполнительной системы, работником прокуратуры, и имеет целью запугивание, принуждение к чему-либо, дискриминацию потерпевшего либо третьего лица³.

¹ Данный вывод поддержали 100 % опрошенных респондентов. См.: Приложение 2.

² Москалькова призвала учитывать ответственность заключенных в законопроекте о пытках [Электронный ресурс] // ТАСС, 16 февраля 2022 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13723723> (дата обращения: 17.02.2022 г.).

³ Дворянсков И. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2003. № 4. С. 21.

Эта дефиниция находит поддержку в литературе¹.

Представляется, в данном определении также имеются некоторые недостатки. Вряд ли есть смысл в указании на противоправность действий виновного, так как при применении пытки она подразумевается: законодательство не предусматривает возможность правомерного использования пыток. Более традиционным является использование термина «причинение страданий», что указывает на материальный характер состава (хотя это вопрос дискуссионный, об этом далее). Необоснованно сужен круг субъектов, пытку могут применять и третьи лица, не являющиеся указанными субъектами. Судя по конструкции, предлагаемая новелла является симбиозом положений ныне действующих ст. 286 и ст. 302 УК РФ. В таком случае возникает вопрос об основном непосредственном объекте преступления и, соответственно, месте предлагаемой статьи в структуре Особенной части. Будет ли это преступление против государственной власти, интересов государственной службы или против правосудия, из приведенного определения непонятно.

А.А. Калашникова под пыткой понимает совершенное должностным лицом или государственным служащим причинение особо жестоким способом сильной боли, тяжких физических или нравственных мучений в целях склонения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле потерпевшего, а также в целях наказания либо в иных целях².

Отметим, что пытка может осуществляться и общим субъектом, исходя из тех предложений, которые формулируются далее. Вместе с тем данное определение, как и многие другие, изобилует оценочными понятиями. К сожалению, в рамках рассматриваемой проблематики от этого не уйти.

Весьма образно описал пытку М.Ю. Конарев. Исследователь считает, что

¹ Радионова Е.С. Законодательное понятие пытки // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 144–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-ponyatie-pytki/viewer> (дата обращения – 05.01.2023 г.).

² Калашникова А.А. Принуждение к даче показаний: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения – 01.02.2021 г.).

это физическое нарушение телесной неприкосновенности, проникновение в психолого-нравственное пространство потерпевшего¹.

В целом с такой постановкой вопроса можно согласиться, но опять-таки видится неприемлемым применение термина «нравственное».

В криминалистической литературе запрет пыток носит прикладной, утилитарный характер. В ней указывается, что пытка не соответствует критерию допустимости тактического приема². Но это односторонний взгляд на пытку. Критериями, основаниями криминализации какого-либо общественно опасного деяния, как и в случае с пыткой, не может выступать только его криминалистическая недопустимость.

Анализ данных (и других) определений позволяет заключить, что многие авторы выделяют применительно к пытке насилие (физическое или психическое, нравственное), причинившее соответствующие страдания³, боль; специального субъекта и определенную цель. Таким образом, это основные свойства, которые, по мнению исследователей, характеризуют пытку.

Нужно отметить, что проведенные социологические исследования показывают, что граждане вполне осознают декларативный характер норм о запрете пыток и недопустимости соответствующих тактических приемов проведения следственных действий, прежде всего допроса, и их неисполнение на досудебных стадиях уголовного процесса⁴. Подобные нарушения, в частности, привели к разработке адвокатским сообществом специальных рекомендаций по делам, где

¹ Конарев М.Ю. Уголовная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы за применение пытки: вчера, сегодня, завтра // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 184.

² О критериях допустимости тактических приемов в судопроизводстве см., напр.: Россинская Е. Р. Криминалистика: курс лекций. М., 2006. С. 178–179.

³ См. также: Борков В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск, 2022. С. 92; Куликов А.В., Борков В.Н., Долгих Т.Н. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: учеб. пос. Калининград, 2022. С. 47.

⁴ Гишинский Я.И. Еще раз о пытках. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1726.html> (дата обращения – 28.03.2022 г.).

применялись незаконные методы проведения предварительного расследования¹.

С нашей точки зрения, такая постановка вопроса недопустима. Запрет пыток должен носить не декларативный, а вполне конкретный характер, не только в виде наличия в УК РФ норм об уголовной ответственности за пытки, но и их реального применения.

Возвратимся к материальному праву. Понятие «пытка» было введено в современный УК РФ 8 декабря 2003 г. в соответствии с федеральным законом № 162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»². Первоначально дефиниция пытки была изложена в примечании к ст. 117 УК РФ: «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Некоторые авторы посчитали данное определение неудачным в связи с тем, что законодатель отнес пытку к преступлениям против жизни и здоровья, а КПП – к должностным³. Таким образом, объекты пыток согласно КПП и п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ не совпадали.

Как верно отмечала Ю.С. Пестерева, объектом истязания с применением пытки является здоровье и телесная неприкосновенность, тогда как согласно КПП объектом пытки выступают отношения в сфере осуществления правоохранительной (в целом – государственной – прим. К.Б.) деятельности и правосудия⁴. На различие конвенционного и отечественного определения справедливо указывали ряд других авторов⁵.

¹ Защита по уголовным делам. Адвокаты. URL: http://www.criminallawyer.ru/pages/law_escort_2/ (дата обращения – 24.04.2022 г.).

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/.

³ Об этом говорят многие авторы, напр.: Логунова С.О. Указ. соч. С. 138–139; Пестерева Ю.С. К вопросу о понятии пытки // Новая редакция УК России: попытка теоретического осмысления: материалы межвуз. науч. конф. (февраль 2004 г.). Омск, 2004. С. 76 и др.

⁴ Пестерева Ю.С. Указ. соч. С. 76.

⁵ См., напр.: Конарев М.Ю. Указ. соч. С. 183; Мисюля Л.А., Скобина Е.А. Проблемные вопросы квалификации истязания с применением пытки // Достижения межвузовской науки. 2016. № 21. С. 238–244. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-kvalifikatsii-istязaniya-s-primeneniem-pytki> (дата обращения – 01.10.2020 г.).

Следует отметить еще ряд недостатков первоначальной редакции п. «д» ст. 117 УК РФ. Буквальное толкование последней давало основания предполагать, что истязание и пытка в данном случае как бы шествуют рядом. Получалось, что лицо совершает действия, представляющие собой объективную сторону состава истязания, и в то же время применяет пытку. Замысел законодателя был ясен. Другое дело, не совсем корректным было его воплощение в жизнь. Правильнее было бы говорить не об истязании с применением пытки, а об истязании, выражающемся в таковой. Иначе получается, что лицу причиняются физические или психические страдания с причинением психических или нравственных страданий. С другой стороны, основной состав истязания предполагает систематичность действий, а пытка может быть и однократной.

В настоящее время определение пытки дано в примечании 1 к ст. 286 УК РФ, где под ней понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера.

Таким образом, в действующей редакции УК РФ определение понятия пытки видоизменилось и расширилось:

1. конкретизирована объективная сторона (любое действие (бездействие));
2. появилось указание на причинение сильной боли потерпевшему;
3. расширен перечень целей преступления, мотив дискриминации любого характера;
4. в примечании 2 к ст. 286 УК РФ особо указано, что не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями.

До внесения в 2022 г. соответствующих коррективов в УК РФ на стадии рассмотрения законопроекта дефиниция пытки, предлагаемая к введению в ст. 286 УК РФ, подверглась критике за то, что она содержит термины, не отвечающие принципу правовой определенности, а также используемые в УК РФ в ином значении¹. Действительно, можно утверждать, что термин «нравственные» вряд ли уместен здесь, потому что причинение таковых далеко не всегда имеет место. К примеру, пытки применялись к подозреваемому в краже крупной суммы денег, которые он отказывается выдавать. Потерпевший при этом движим не нравственными переживаниями, а корыстными соображениями. Кроме того, следует отметить некоторую тавтологичность в описании объективной стороны: пытка – это «действие (бездействие), которым ... причиняется». Не проще ли было просто указать на *причинение* (*курсив мой – К.Б.*) указанных последствий? В таком случае подразумевается как действие, так и бездействие.

Как уже отмечалось, нынешнее определение является, по сути, механической рецепцией соответствующих положений КПП. Отечественный закон ограничительно трактует пытку только как деяние, сопряженное с превышением должностных полномочий или принуждением к даче показаний. Считаем это неправильным, соответствующие положения УК РФ надлежит скорректировать, о чем речь пойдет далее.

Думается, что национальные законодатели не должны механически копировать положения международного права. Включение норм последнего может предполагать как дословное их воспроизведение в УК РФ, так и трансформацию, изменение содержания с учетом российского правового менталитета, традиций, особенностей правовой системы и многих иных факторов. Поэтому положения УК РФ о пытке, имплементированные из КПП и иных международно-правовых документов, требуют определенной доработки.

¹ Григорьева Н.В., Угольникова Н.В. Гарантии соблюдения прав человека в местах принудительного заключения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 63–67.

Как указано в литературе, до появления в уголовном законе непосредственно термина «пытка» это явление нашло отражение в том, что такой способ воздействия на личность:

- 1) выступал в качестве конструктивного признака (ст. 110 УК РФ);
- 2) использовался в качестве квалифицирующего признака в составах определенных преступлений (п. «д» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111; п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132, ч. 2 ст. 302)¹.

Однако подобный подход граничит и с применением уголовного закона по аналогии. Не всякий факт насилия при совершении преступления можно оценить как пытку. Безусловно, каждое посягательство на здоровье и (или) телесную неприкосновенность может причинить определенные физические или психические (нравственные) страдания.

В литературе отмечено, что пытки отличаются от иных посягательств на личность тем, что причиняют весьма значительные страдания, на порядок превосходящие те, что причиняются при «обычных» посягательствах². Поэтому такая криминализация пытки носила условный, скрытый характер.

К примеру, в ст. 110 УК РФ при доведении потерпевшего до самоубийства или покушения на самоубийство в качестве одного из способов совершения деяния указано жестокое обращение. В данной ситуации непонятно, будет ли пытка охватываться этим конструктивным признаком.

В международном и зарубежном праве эти понятия разделены, но формально понятия «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» в них не определяется³. О пытках можно говорить, например,

¹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. О соответствии уголовного законодательства международному стандарту по правам человека // Государство и право. 2001. № 9. С. 43; Лисенкова М.И. Особенности толкования понятия «пытка» в российском и международном законодательстве // Вестник науки. 2018. №7. Том 3. С. 155.

² Калашникова А.А. Принуждение к даче показаний: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 154.

³ Ростовщиков И.В., Гончаренко В.Д. О современном правовом понимании пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5 «Юриспруденция». 2011. № 2. С. 23.

в контексте такого объективного признака, как особая жестокость. На это уже указывалось в литературе¹. Тем не менее, считаем, что, хотя пытка и особая жестокость видятся явлениями одного порядка, отождествлять их полностью нельзя. Пытка обладает специфическими особенностями и представляется необходимым выделить ее самостоятельно, хотя следует признать, что этот вопрос является предметом дискуссии. В любом случае международный законодатель, например, разделяет пытку и жестокое обращение. Вряд ли причинение нравственных страданий с целью добиться от потерпевшего показаний можно рассматривать как особую жестокость.

Перед тем как переходить к анализу объективных и субъективных признаков пытки, попробуем разобраться, стоит ли выделять пытку как общеуголовное преступление или достаточно наличия в ст. 117 УК РФ указания на истязание с особой жестокостью. Считаем, что недостаточно. В ст. 117 УК РФ речь идет о систематических действиях (множественное число). Систематичность побоев – это три или более раза, насильственные действия – как минимум два. Но пытка может применяться и однократно. Приходим к выводу, что налицо явный пробел. Можно пойти и по другому пути, признав (хотя бы на уровне судебной практики Верховного Суда РФ) пытку одним из проявлений особой жестокости. Тогда возникает вопрос – зачем выделять пытку в ст. 286 и 302 УК РФ как отдельную форму преступного поведения? Мы склонны все-таки не отказываться от термина «пытка». С другой стороны, разрешением этой ситуации может стать исключение пытки вообще из УК РФ с приданием ей статуса разновидности особой жестокости. Кроме того, можно предусмотреть новое примечание, например к ст. 105 УК РФ, указав, что особая жестокость – это пытки, а следом дать легальную дефиницию последних. Наконец, можно соответствующий квалифицирующий признак сформулировать так: «совершенное с особой жестокостью,

¹ См., напр.: Аллаева З., Абзалова К. Уголовно-правовые аспекты умышленного убийства с особой жестокостью // Общество и инновации. 2021. № 3. С. 369; Апкаев Д.М., Зыков Д.А. Особая жестокость как оценочная категория // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. С. 19; Логунова С.О. Вопросы квалификации истязания с применением пытки // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 140.

пыткой...». Подробнее этот вопрос будет рассмотрен далее, а мы считаем необходимым ввести пытки как общеуголовное преступление, причем в качестве самостоятельного состава. В целом полагаем, что пытка должна присутствовать в УК РФ в четырех ипостасях:

- 1) самостоятельный состав общеуголовного преступления против жизни и здоровья («бытовая пытка»);
- 2) состав международного преступления;
- 3) квалифицирующий признак некоторых преступлений;
- 4) обстоятельство, отягчающее наказание¹.

Конкретные предложения на этот счет будут изложены далее.

Таким образом, мы постепенно вплотную подошли к объективным признакам рассматриваемого деяния (в контексте обобщенного понимания состава пытки).

Объектом пытки в настоящее время могут выступать: 1) общественные отношения в сфере осуществления государственной власти, реализации интересов государственной службы; 2) общественные отношения в сфере осуществления правосудия, реализации интересов последнего.

К числу дополнительных объектов можно отнести, например, общественные отношения в сфере осуществления законного оборота оружия, если оно применяется в процессе пытки (п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ), нормальное развитие несовершеннолетнего (п. «д» ч. 3 ст. 286 УК РФ), честь и достоинство лица (ч. 2 ст. 302 УК РФ), жизнь потерпевшего (ч. 5 ст. 286 УК РФ, ч. 4 ст. 302 УК РФ). Может присутствовать и факультативный объект. Например, если пытки к осужденным применяют работники уголовно-исполнительной системы, то факультативным объектом будут являться общественные отношения в сфере реализации порядка исполнения уголовного наказания, авторитет уголовно-исполнительной системы.

¹ Бардеев К.А. Проблемы законодательной регламентации и квалификации пытки в отечественном уголовном законодательстве // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (184). С. 252.

Когда речь идет о здоровье и телесной неприкосновенности как возможном объекте пытки, то предполагается п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ – истязание с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего. Конечно, слово «пытка» здесь уже отсутствует, но по содержанию, несомненно, речь идет о частном случае применения пытки (скрытая криминализация). Особая жестокость, издевательства или мучения выводят истязание на новый уровень, устанавливая тот самый порог жестокости, который в науке и практике определяют как минимальный для пытки. Однако мы считаем, что такая скрытая криминализация по отношению к пытке явно недостаточна. Пытка должна быть выделена в самостоятельный состав в ряду преступлений против здоровья и телесной неприкосновенности со своим основным непосредственным объектом. Правда, предлагая внести такую статью в УК РФ, ряд авторов неверно оценили ее место в структуре гл. 16 УК РФ. Полагаем, что новый состав следует расположить перед ст. 115 УК РФ. Пытка может причинить страдания гораздо более сильные, чем умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Потерпевшим может быть любое физическое лицо, независимо от наличия или отсутствия психических расстройств, возраста, пола или иных социально-демографических характеристик. Это могут быть и участники уголовного судопроизводства (ст. 286, 302 УК РФ), то есть лица с определенным процессуальным статусом («специальные» потерпевшие). В июле 2022 г. перечень потерпевших по ст. 302 УК РФ был расширен путем включения в него осужденных и оправданных лиц. Таким образом, действие указанной статьи расширилось, распространившись на постсудебные этапы. В случае предлагаемой нами статьи – это вообще любые лица.

Весьма интересным видится вопрос о предмете преступления. Прежде всего отметим, что в литературе существует широкий спектр определений предмета преступления¹.

¹ См., напр.: Заика С.В. Типичные ошибки адвокатов-защитников в применении уголовного закона при квалификации по объекту и предмету преступления // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 31–35; Коржанский Н.И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного

Чаще всего авторы сходны в том, что это объективно выраженная вещь окружающего мира, на которую происходит преступное посягательство. Виновный стремится не только уничтожить или повредить предмет преступления, но и завладеть им, видоизменить и др. Есть ли в рассматриваемых деяниях предмет? Можно сказать однозначно, что в составе, который ранее предусматривался в ст. 117 УК РФ, предмет отсутствовал. Сложнее решается вопрос о предмете в составах преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ. Проанализировав содержание соответствующих квалифицирующих признаков, можно уверенно утверждать, что предмет в составах анализируемых преступлений присутствует и выступает в качестве признака объекта.

В ч. 4 ст. 286 УК РФ говорится о превышении должностных полномочий, совершенном с применением пытки. Исходя из примечания 1 к данной статье, пытка применяется специальными субъектами, в том числе, в целях получения от потерпевшего сведений или признания. Естественно, в большинстве случаев указанная информация добывается в рамках доследственной проверки сообщения о преступлении, оперативных мероприятий. Случаи, когда пытки применяются к участникам уголовного судопроизводства, имеющим определенный процессуальный статус, квалифицируются уже по ст. 302 УК РФ. Впрочем, превышение должностных полномочий может осуществляться и вне рамок правоохранительной деятельности.

Часть 1 ст. 302 УК РФ устанавливает ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний. Таким образом, целью субъекта деяния является не просто получение показания или заключения. Доказательственную силу они имеют только будучи надлежаще процедурно оформленными в виде соответствующих процессуальных документов.

права. Т. 4. СПб., 2005. С. 204, 205; Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 180 и др.

Таким образом, предметом принуждения к даче показаний выступают предусмотренные УПК РФ материальные носители информации (процессуальные документы в виде протоколов, заключений и т.д.), содержащие признательные показания, показания иных участников уголовного процесса и иную информацию, значимую для судопроизводства. Если целью субъектов преступления является принуждение лица под пыткой физически выдать вещественные и другие доказательства, то они также будут являться предметом преступления, хотя о таких видах доказательств ст. 302 УК РФ умалчивает. Таким образом, следует устранить данный пробел, изложив диспозицию ч. 1 ст. 302 УК РФ в следующей редакции:

«1. Принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний, выдаче вещественных доказательств, либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа».

С точки зрения названных ранее авторов, пытка с объективной стороны есть определенные действия, причиняющие конкретные последствия. Следовательно, состав пытки носит материальный характер. Несмотря на кажущуюся очевидность такого вывода, согласиться с ним не представляется возможным. С сугубо практической точки зрения, весьма трудно доказать, что лицу были причинены страдания или мучения, то есть определить причинно-следственную связь. Как формально зафиксировать эти последствия? Потерпевший может относиться безразлично к оказываемому на него физическому или психическому воздействию. Таким образом, причинение определенных страданий здесь больше характеризует направленность умысла. Следовательно, в данном случае речь идет о посягательстве на телесную неприкосновенность лица, а состав преступления – формальный. Но имеется исключение. Речь идет о ч. 4 ст. 286 УК

РФ, так как основной состав преступления сформулирован как материальный.

Общественная опасность деяния при пытке, считает И.В. Дворянсков, заключается в ее оправдании государственными интересами¹. Деяния, составляющие пытку, могут быть совершенно разнообразными. Прежде всего, это применение виновным мускульной силы.

В пытку могут входить нанесение ударов потерпевшему различными частями тела, чаще всего руками и ногами, нанесение ударов различными предметами, использование технических устройств, специальных орудий и приспособлений (дыба, электрический ток, термическое воздействие путем нанесения ожогов или использования низкой температуры и др.). Не исключена и такая относительно новая форма пытки, как психотронный террор (использование электромагнитных, торсионных, звуковых технических средств и т.п.)².

Перечень способов и орудий пытки сложно формализовать, история свидетельствует о том, что с течением времени пытки становились только изощреннее. Кроме того, могут применяться различные сильнодействующие (в том числе наркотические, психотропные, лекарственные) средства и вещества, с помощью которых можно подавить волю пытаемого, лишить его способности адекватно оценивать окружающую действительность³. Общим знаменателем для действий (бездействия), образующих объективную сторону пытки, является их особая жестокость и изощренность, мучительный характер.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, выражается в учинении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий (компетенции), которые повлекли существенное нарушение

¹ Дворянсков И. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона // Уголовное право. 2005. № 1. С. 13.

² См. подр.: Лозовицкая Г.П. Психотронный террор в отношении участников уголовного судопроизводства // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 81–87.

³ См., напр.: Журтов А.Б. Применение пытки при истязании: некоторые проблемы квалификации // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 119; Константинов П. Уголовная ответственность за истязание // Мудрый юрист. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7051> (дата обращения – 06.08.2021 г.).

прав и законных интересов физических лиц или юридических лиц либо охраняемых законом интересов общества или государства. Части 2 и 3 данной статьи предусматривают ряд квалифицирующих признаков, а в ч. 4 содержится интересующий нас состав – деяния, предусмотренные ч. 1–3 ст. 286 УК РФ, совершенные с применением пытки. Разберемся, всё ли здесь выверено с точки зрения законодательной техники, смыслового содержания и логики. Первое, что бросается в глаза, – это определенные «нестыковки» в объективной стороне, а именно в характеристике общественно опасного деяния. Если ч. 1 ст. 286 УК РФ предусматривает ответственность за *действия* (*курсив мой – К.Б.*), то определение понятия «пытка», закрепленное в примечании 1 к ст. 286 УК РФ, допускает пытку также и *бездействием*. К примеру, у административно-арестованного лица начинается приступ острого панкреатита, представляющий собой очень болезненный процесс, который может окончиться смертью, в том числе от болевого шока. Осознавая это, сотрудники места отбывания ареста не вызывают медиков, то есть бездействуют, требуя от потерпевшего определенную информацию, совершение каких-либо действий.

Таким образом, вероятнее всего, имеет место коллизия норм ч. 1 и примечания 1 к ст. 286 УК РФ. Данное противоречие должно разрешаться в пользу примечания в соответствии с правилами разрешения темпоральных коллизий. Данные нормы имеют одинаковую юридическую силу, но приняты были в разное время, примечание вступило в силу позже.

Исходя из этого, напрашиваются корректировки и в содержании основного состава превышения должностных полномочий.

Субъективная сторона пытки (ст. 286, 302 УК РФ) выражается умышленной виной в виде прямого умысла. Косвенный умысел и неосторожность исключены¹. Это обусловлено и формальным характером составов, и наличием специальных целей или дискриминационным мотивом.

Виновный осознает, что причиняет потерпевшему физические и (или)

¹ См. также: Кривошеин П. Указ. соч. С. 42.

нравственные страдания, и желает совершить действия по причинению лицу особо мучительной боли, сильных психических переживаний. На характер умысла при попытке только как прямого указывается в литературе¹.

Общеизвестно, что специфическим признаком пытки (что было и в п. «д» ч. ст. 117 УК РФ, и есть в ныне действующих ст. 286 и 302 УК РФ) является определенная цель. Еще в период до реформы 2022 г. на это было указано в литературе²; считалось, что истязание (с применением пытки) не может быть самоцелью виновного. На это прямо указано и в КПП. Причем виновный может добиваться каких-либо действий (бездействия) не только от непосредственно потерпевшего, но и от третьих лиц³.

Может ли пытка совершаться с косвенным умыслом? Косвенный умысел состоит в том, что субъект преступного деяния осознает общественную опасность и фактический характер совершаемых деяний и предвидит возможность причинения общественно опасных последствий, не желая этого, но допуская их либо относясь к ним безразлично. Если осознание общественной опасности при совершении пытки явствует из конструкции определения пытки в примечании к ст. 286 УК РФ, то с вопросом о желании или нежелании наступления последствий вопрос, с нашей точки зрения, должен решаться следующим образом.

В деяниях, содержащих пытку в качестве квалифицирующего признака, невозможно представить, чтобы виновный, учиняя преступные действия, не желал их совершения или относился к ним безразлично. В этой логической цепочке важное значение имеет явно определенная законодателем преступная цель (цели). Следовательно, вид умысла здесь только прямой. Пытки всегда совершаются только с прямым умыслом и направлены на достижение конкретной цели.

¹ См., напр.: Улитин И.Н. К вопросу о «персональной» криминализации пыток и содержании их субъективной стороны // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82). С. 85–89. URL: cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-personalnoy-kriminalizatsii-pytok-i-soderzhanii-ih-subektivnoy-storony (дата обращения – 17.04.2022 г.).

² Там же.

³ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015.

Подробно остановимся на таком элементе, как субъект пытки. В ст. 117 УК РФ это был общий субъект, в ст. 286 и 302 кодекса – специальный. Международное право рассматривает пытку как посягательство со специальным субъектом и специальными целями. Это действия должностных или действующих в официальном качестве лиц, или лиц, действующих по их подстрекательству. Основные цели виновных – принуждение к даче показаний, предоставление информации или выдача доказательств, наказание потерпевшего. В настоящее время пытка рассматривается российским законодателем как посягательство на интересы государственной власти, правосудия. С этой точки зрения, законодатель в 2022 г. поступил совершенно обоснованно, так как смешивать в одном «флаконе» и состав общеуголовного истязания, и должностных преступлений некорректно. Однако возникает вопрос – может ли пытка применяться лицами, не входящими в круг субъектов, предусмотренных ст. 286 и 302 УК РФ? Следует дать на этот вопрос положительный ответ. Но если прямо назвать такое деяние пыткой, то мы автоматически «попадаем» в примечание 1 к ст. 286 УК РФ, то есть круг субъектов сужается. Так как нами предлагается вернуться к пытке как общеуголовному посягательству, соответственно, здесь субъект будет общим.

При превышении должностных полномочий с применением пытки субъектом может являться должностное лицо, лицо, занимающее государственную должность РФ, государственную должность субъекта РФ, глава органа местного самоуправления (действующие в одиночку или в составе преступных групп).

В ст. 302 УК РФ круг субъектов расширен путем включения в их число иных сотрудников правоохранительных органов. Понятие должностного лица, содержащееся в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, конкретизируется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹.

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от

В свое время в науке был поставлен вопрос о том, как квалифицировать действия работников уголовно-исполнительной системы в случае применения ими пыток в отношении осужденных. Так, М.Ю. Конарев считал, что такое преступное деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 117 УК РФ¹.

Однако подобная квалификация представляется не совсем корректной. Действительно, не все работники уголовно-исполнительной системы являются должностными лицами. К их числу относят тех сотрудников, которые в силу закона наделены полномочиями, обеспечивающими решение задач, стоящих перед конкретным исправительным учреждением или органом². В случае если такие лица применяют пытку, их действия должны квалифицироваться в зависимости от обстоятельств как превышение должностных полномочий или принуждение к даче показаний. Но вот те сотрудники, которые не относятся к категории должностных лиц, действительно будут отвечать за истязание с особой жестокостью.

Далее рассмотрим ряд проблемных вопросов квалификации пытки.

Пытка может состоять как в системе действий (систематическом бездействии), так и в единичном акте преступного поведения. Часто в литературе указывается, что пытка – это именно система действий, хотя, с нашей точки зрения, для объективной стороны пытки это не является обязательным. Систематическое бездействие может представлять собой, к примеру, длительное неоказание помощи в условиях следственного изолятора, учреждения уголовно-исполнительной системы. Насилие может иметь и характер психического воздействия (угрозы применить пытку, в том числе и к близким людям, демонстрация пыток других лиц, пыточных приспособлений, фотографий или видео с изображением возможных последствий пытки и др.). Имеющееся в литературе мнение о том, что пыткой является только физическое воздействие, причиняющее физические

16.10.2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/.

¹ Конарев М.Ю. Указ. соч. С. 185.

² Бугаевская Н.В. Должностные лица уголовно исполнительной системы как субъекты коррупционных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2. С. 97.

или нравственные страдания¹, следует признать неполным. Как уже говорилось, соответствующие страдания могут причиняться и сугубо психическим давлением на лицо. Психологическая пытка должна вызывать страдания определенной «глубины»². Естественно, это оценочное понятие. Для ее установления учитываются особенности личности потерпевшего, влияющие на степень перенесенного морального шока (например, причинение страданий близкому родственнику на глазах потерпевшего).

Законодатель упорно настаивает на том, что насилие при пытке может влечь *нравственные* (курсив мой – К.Б.) страдания. С нашей точки зрения, вернее говорить о психических страданиях.

Нравственность определяется как «внутренние духовные качества», которыми руководствуется индивид. Психика есть свойство головного мозга транслировать окружающую реальность в виде ощущений, восприятий, мыслей, чувств, а также душевные переживания человека, его «душевный мир»³.

Действующий УК РФ в целом оперирует терминами как «нравственные», так и «психические» страдания. Думается, что правильнее было бы использовать именно последнее понятие как более общее и универсальное отражение фактических последствий деяния (причинения)⁴. Любое нравственное страдание – это «повреждение» психики, но не любое психическое страдание наносит ущерб нравственности. К примеру, лицо могут пытать за совершение преступных действий, и вряд ли его нравственные установки будут страдать от этого. В конце

¹ Щетинина Н.В. Актуальные аспекты применения статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 93.

² Куцевалова Д.О., Труфанова Е.И. основные критерии разграничения психологической и физической пыток // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции / отв. ред. Т.К. Рябинина. Курск, 2016. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26447208> (дата обращения – 10.01.2022 г.).

³ См. также: Николаев К.Д. О совершенствовании законодательной регламентации отягчающих обстоятельств преступлений, посягающих на здоровье // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 165.

⁴ См.: Бардеев К.А. Проблемы законодательной регламентации и квалификации пытки в отечественном уголовном законодательстве. С. 253.

концов представления о нравственности у разных людей могут быть различными. Это, повторимся, сугубо оценочное понятие.

В литературе встречались предложения вообще исключить психические страдания из состава пытки (в то время – из примечания к ст. 117 УК РФ).

Так, Р.Д. Шарапов считал целесообразным ответственность за психическую агрессию обособить от состава истязания и сконструировать (по примеру УК Испании) соответствующую отдельную статью¹.

В свою очередь в период до появления понятия «пытка» господствовало мнение о том, что фактическое применение пытки охватывается ч. 1 ст. 117 УК РФ². П. Константинов в этой связи вообще предлагал дополнить ч. 1 ст. 117 УК РФ указанием на то, что истязание причиняет особые физические или психические страдания³.

Однако данная позиция не нашла поддержку в литературе. Дело в том, что в таком случае происходит декриминализация систематического нанесения побоев. Добавим, что использование термина «особые страдания» опять приводит на территорию оценочных признаков. В данном случае непонятно, какие страдания являются особыми, а какие – нет.

Источники периода действия ст. 117 УК РФ указывали, что применение пытки следует отличать от основного состава истязания и побоев по способу и целям⁴.

Однако анализ диспозиции ст. 116 и 117 УК РФ в сравнительно-правовом контексте с понятием пытки в примечании к ст. 117 не позволяет выявить каких-

¹ Шарапов Р.Д. Понятие, квалификация и уголовно-правовое предупреждение преступного насилия: монография. Тюмень, 2006. С. 119; Он же. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 124.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1996. С. 315–316; Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. 32-е изд., изм. и доп. М., 2009. С. 68.

³ Константинов П. Уголовная ответственность за истязание. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7051> (дата обращения 06.08.2021 г.).

⁴ Абрамян С.К., Должникова Е.И. Пытка как уголовно-правовая категория // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 7 (53). С. 46.

либо разграничительных признаков. Способом во всех случаях является применение насилия (побои и истязание – физического), а перечень целей для пытки носил открытый характер. Вспомним, что в международном праве и практике органов международной юстиции, прежде всего ЕСПЧ, важным критерием, отделяющим пытку от иных видов жестокого и бесчеловечного отношения, выступает достижение определенного порога жестокости. Об этом в примечании к ст. 117 УК РФ не говорилось. В литературе того периода указывалось, что законодатель должен был более четко обозначить основные свойства страдания, указав на их значительность, превышение уровня (порога) жестокости по сравнению с иными посягательствами против телесной неприкосновенности¹. Таким образом, данные критерии для квалификации преступления в данном случае не подходили.

Примечание 1 к ст. 286 УК РФ не указывает на размер (порог) причиняемой боли. На это обращает внимание наука. Так, боль определяется как реакция организма на противоправное воздействие на него². При таком понимании невозможно формализовать критерии разграничения пытки и иных посягательств. Да и вряд ли вообще возможно установить четкую границу между страданиями, причиняемыми при пытке, и иными страданиями. Как неоднократно подчеркивалось, этот признак является оценочным. В литературе верно указано, что в процессе толкования оценочных понятий велика роль научного толкования и судебной практики. Важную роль в толковании понятия «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» играют решения органов международной уголовной юстиции, а также судебная практика отдельных государств. В России на сегодняшний день в отношении пытки и ее соотношения с иными видами жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания единая линия судебной практики пока не сложилась.

¹ Калашникова А.А. Пытки – должностные преступления // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета: сборник научных трудов. Ставрополь, 2004. Вып. 1. С. 130.

² Кривошеин П. Пытка: понятие и признаки // Уголовное право. 2005. № 5. С. 128.

Отдельными авторами указывалось, что пытка не может быть спонтанным действием, требует предварительного планирования и подготовки, особых орудий, определенного размера причиняемых ею боли и страданий¹. Считаем эти доводы несостоятельными. Законодательное понятие пытки (как ранее в ст. 117, так и ныне в ст. 286 УК РФ) отнюдь не предполагает, что умысел лица должен быть только заранее обдуманым, а деянию надлежит пройти стадии приготовления, покушения и оконченного преступления. Вполне возможно применение пытки спонтанно, то есть необходимость может возникнуть под влиянием какой-либо возникшей ситуации. Не всегда виновный применяет особые орудия и устройства.

В западной правовой традиции иногда применяется термин «мучение», «мучительные». В общеупотребительном значении мучить – это причинять страдания, истязать. Пытка может определяться как мучение². Думается, что указанные термины синонимичны и представляют явления одного порядка. Конечно, любая пытка – это мучительный для потерпевшего процесс, как в физическом, так и психическом смысле. Однако какой-либо принципиальной разницы у данных терминов нет.

Таким образом, в дальнейшем мы будем придерживаться традиционных для международного и отечественного уголовного права терминов.

П.К. Кривошеин факультативными признаками состава пытки называл время, место, способ и обстановку совершения преступления³.

Думается, что на квалификацию эти признаки не влияют. Особо мучительный способ и в прежней, и в ныне действующей редакции был учтен законодателем как обязательный признак пытки.

С другой стороны, определенные время и обстановка указаны как отягчающие наказание обстоятельства в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

¹ Абрамян С.К., Должникова Е.И. Указ. соч. С. 46.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1980. С. 948; Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 458, 658.

³ Кривошеин П. Указ. соч. С. 42.

Имеющихся уголовно-правовых средств для предупреждения попыток недостаточны¹.

В пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в УК РФ (Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ) подчеркивалось, что без надлежащей уголовно-правовой охраны подрывается авторитет всей правоохранительной системы, что влечет недоверие и негативное к ней отношение со стороны всего общества, способствует проявлению нигилизма к правопорядку, «формированию неверной точки зрения о том, что несправедливость, насилие и жестокость – это естественные явления, а их применение обусловлено социально-полезными целями».

На уровне Верховного Суда РФ высказывались мнения о том, что исключение попытки из ст. 117 УК РФ позволит многим лицам (которые не являются специальными субъектами) уйти от уголовной ответственности.

Как справедливо указывал Конституционный Суд РФ, криминализация определенных деяний и установление санкций за их совершение не могут быть произвольными. Отправной точкой здесь являются цели и задачи, поставленные Конституцией РФ и УК РФ. В первую очередь, это защита прав и свобод человека от преступных посягательств².

При введении в закон новых составов преступлений учету подлежит совокупность многих факторов, их игнорирование может привести к неоправданной декриминализации или к избыточной криминализации³.

¹ Решетникова Г.А. Законопроект № 42307–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за попытки)»: научный комментарий // Вестник УдГУ. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32. Вып. 2. С. 335.

² Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 19.03.2003 «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также п.п. 1-8 Постановления Государственной думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

³ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации: монография. Владивосток, 1987. С. 64–69.

Итак, все основания для криминализации так называемой «бытовой пытки» имеются. Вернемся к объективной стороне пытки. В научной литературе, кроме физического, выделяют и иные виды насилия, в частности, имущественное насилие¹. К таким видам преступного поведения относят умышленное или по неосторожности повреждение или уничтожение чужого имущества, вандализм и др. Представим ситуацию, когда лицу угрожают уничтожением его имущества, например, имеющего для него особую ценность, в целях добиться признательных показаний или иной информации. В принципе это может быть и любое другое имущество, принадлежащее потерпевшему.

Ответ на вопрос о квалификации подобных действий дан в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Здесь разъяснено, что угроза со стороны субъекта преступления может выражаться также и в сообщении потерпевшему о намерении уничтожить или повредить имущество последнего². Но как быть в случае, когда такие угрозы высказываются не применительно к уголовному процессу, а, например, при превышении должностных полномочий при проведении доследственной проверки сообщения о преступлениях? Здесь еще нет уголовно-процессуальных статусов, есть опрашиваемые лица, которые в дальнейшем, после возбуждения уголовного дела, могут трансформироваться в подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и т.д. Оперативные работники органов внутренних дел или Следственного комитета потенциально могут угрожать опрашиваемому уничтожением или повреждением его имущества. Подходят ли такие действия под понятие пытки? В том виде, в котором она сформулирована в примечании 1 к ст. 286 УК РФ, – нет.

¹ См., напр.: Меликсетян А.А. Многообразие насилия в терроризме и имущественное насилие // Теория и практика общественного развития. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoobrazie-nasiliya-v-terrorizme-i-imuschestvennoe-nasilie> (дата обращения: 10.11.2021 г.); он же. Имущественное насилие в нормах советского уголовного законодательства // Общество и право. 2006. № 2. С. 124–126.

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

Упомянутые здесь нравственные страдания, с одной стороны, и переживания лица насчет своего имущества, с другой, все-таки разные вещи. Первые возникают при негативном воздействии на морально-нравственные установки лица, вторые имеют в большинстве своем корыстную основу. Хотя, несомненно, лицо может испытывать и нравственные страдания, если угрожают уничтожить или повредить вещь, имеющую для него особую ценность. Вот здесь, с нашей точки зрения, и может быть проведен водораздел.

Для начала предлагаем п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ изложить в следующей редакции: *«с применением насилия или с угрозой его применения, уничтожением или повреждением чужого имущества или угрозой его уничтожения или повреждения»*. В таком случае воздействию подвергаются корыстные установки лица, то есть простое нежелание лишиться какой-либо вещи. Но вот если эта вещь представляет особую моральную ценность (семейная реликвия, государственные награды, письма погибшего родственника и т.п.), то это уже причинение нравственных страданий и может быть квалифицировано как пытка.

В предлагаемой нами к введению в УК РФ ст. 114¹ УК РФ применение имущественного насилия отнесено к конструктивному признаку основного состава пытки по указанным ранее основаниям. Хотя многие авторы выделяют его в качестве разновидности иных форм насилия (физическое, психическое), полагаем необходимым вычленить его самостоятельно в силу специфических свойств, присущих данному разряду преступного поведения, для облегчения и корректности правоприменительной деятельности.

Неудачной также видится формулировка п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ в его корреляции с примечанием 1 к статье. Так, при сопоставлении соответствующих положений выстраивается следующая конструкция: превышение должностных полномочий ... с применением насилия или угрозой его применения..., совершенные в ходе действия (бездействия), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания. Данное определение чересчур громоздко. Из него вытекает, что это действия, явно выходящие за пределы должностных полномочий, совершенные с применением

насилия или угрозой применения насилия, совершенные с применением пытки.

Понятия «пытка» и «насилие» в литературе и законодательстве разделяют¹. Не всякое насилие является пыткой, но пытка всегда предполагает применение интенсивного насилия. Но зачем в таком случае обращение к п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ? Его вовсе не нужно учитывать при квалификации. Превышение должностных полномочий с применением пытки – вот о чем идет речь. Здесь применение физического или психического насилия охватывается пыткой и отдельного вменения виновному не требует. Если порога жестокости насилия, характерного для пытки, не достигнуто, ч. 4 ст. 286 УК РФ исключается из квалификации. Аналогично решается вопрос при отсутствии специальной цели.

Осуществив соответствующий анализ, следует обратить внимание на новеллы, которые, на наш взгляд, целесообразно внести в уголовный закон. Итак, мы выступаем за введение в уголовный закон пытки как самостоятельного преступления против личности. Его состав в окончательном виде будет сформулирован в разделе 3.2 работы. Однако пытка может иметь и иное значение. В частности, выступать в качестве составляющей иного преступления (доведение до самоубийства) и предлагаемого нами нового преступления против безопасности человечества (ст. 357¹ УК РФ «Пытки»). В окончательном виде диспозиции этих статей также будут сформулированы в следующем параграфе. Кроме того, нужно внести в примечание к ст. 286 УК РФ особое указание на то, что изложенное в ней понятие пытки распространяется только на ст. 286 и 302.

В ст. 127², 128, 156, 163, 179, 321 (в отношении преступления, предусмотренного ч. 1 данной статьи) и 335 УК РФ следует ввести квалифицирующий признак «с применением пытки»². Вместе с тем возвращение пытки в ст. 117 УК РФ мы считаем нецелесообразным ввиду неизбежного возникновения трудностей при квалификации и разграничении основного и квалифицированного составов

¹ См., напр.: Плехова О.А. Проблема квалификации превышения должностных полномочий, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 72.

² Данное предложение поддержали 87 % респондентов. См.: Приложение 2.

(с применением пытки)¹.

Социологические опросы, проведенные различными исследователями, показывают, что через пытки (в органах полиции) прошло 10 % опрошенных. Из их числа 67% составили мужчины. Чаще всего пытки применяются к лицам в возрасте 25–39 лет (39%), к респондентам в возрасте 40–54 лет (30%), к пожилым и молодым пытки применялись значительно реже (23 и 8% соответственно). Среди процессуальных действий, при которых применялись пытки, лидирует допрос в качестве свидетеля (31%), при задержании» (30%) и в качестве подозреваемого (28%)².

В судебной практике случаи квалификации деяния как совершенного с применением пытки достаточно редки³. Так, приговором Костомукшского городского суда Республики Карелия гражданин был осужден по п. «д» ст. 117 УК РФ в связи с тем, что он умышленно и неоднократно причинял физические и психические страдания супруге путем систематического нанесения побоев с применением пытки. Суд установил, что пытки применялись с целью признания факта супружеской неверности⁴.

Проведенные в данном параграфе изыскания позволяют сделать следующие *выводы*:

1. Взятые Россией международные обязательства в результате признания КПП предопределили введение конституционного запрета на применение пыток. Этот запрет носит абсолютно императивный характер, не подлежит отмене или игнорированию. Соответственно, в УК РФ введены нормы, регламентирующие наказуемость пытки. Система этих норм подверглась некоторой корректировке,

¹ Положительно к возвращению пытки в состав истязания (ст. 117 УК РФ) отнеслись только 11 % опрошенных респондентов. См.: Приложение 2.

² См.: Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давление, пытки // Вестник общественного мнения. 2019. № 1–2. С. 88, 104–105.

³ Из числа опрошенных нами респондентов никто в своей деятельности не сталкивался с фактами применения пыток. См.: Приложение 2.

⁴ Приговор Костомукшского городского суда Республики Карелия от 13 июня 2019 г. по делу № 1–71/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8Lm4DpS77i3/> (дата обращения – 16.02.2020 г.).

апофеозом которой явилась реформа, проведенная в июле 2022 г. Вместе с тем фактические данные свидетельствуют о том, что пытки до сих пор имеют распространение в России.

2. Доктрина уголовного права выработала широкий спектр определений пытки. Авторы в основном сходятся на следующих моментах:

- Запрет пытки является абсолютным и должен иметь законодательное оформление. В некоторых дефинициях специально упоминается о противоправном характере пытки.

- Пытка – это всегда насильственное деяние. Характер насилия может быть как физическим, так и психическим, и имущественным.

- Указанное насилие влечет определенные негативные последствия.

- По поводу объективной стороны пытки мнения разделились: одни исследователи считают, что пытка совершается только путем действия, другие допускают возможность, в том числе, бездействия.

- Пытка имеет определенную преступную цель (цели), может присутствовать мотив дискриминации.

- Преступление совершается только с прямым умыслом.

3. Понятие пытки закреплено в примечании 1 к ст. 286 УК РФ. Оно носит расширительный характер, включая почти все поименованные признаки. Термин имеет конвенционный характер, транслируя соответствующие положения Конвенции против пыток. Вместе с тем мы против использования в легальном определении пытки словосочетания «нравственные страдания». Это сугубо оценочное понятие, лицо может и не испытывать под влиянием пытки именно нравственные страдания. Правильнее вести речь о психических страданиях.

4. Отдельно пытка как преступление в УК РФ отсутствует. Она лишь выступает в качестве особо квалифицирующего признака в составах преступлений, предусмотренных ст. 286 и 302 УК РФ. Ранее аналогичную роль она играла в ст. 117 УК РФ («Истязание»).

В данном случае можно вести речь о некоем «собирательном» составе

пытки, хотя объекты указанных преступлений будут разными. Избранный законодателем подход порождает пробел в УК РФ.

5. Полагаем обоснованным ввести в УК РФ пытку как самостоятельный состав общеуголовного преступления. С определенной степенью условности назовем ее «бытовой» пыткой. Основным непосредственным ее объектом будут являться общественные отношения в сфере обеспечения личной неприкосновенности. При этом предлагаемая статья в структуре гл. 16 УК РФ должна занимать место сразу же после ряда преступлений, связанных с реальным причинением вреда здоровью (ст. 114¹ УК РФ), исключая причинение легкого вреда, так как пытка причиняет вред больший, чем данное преступление. Объективная сторона должна включать общественно опасное деяние (действие или бездействие) в виде применения интенсивного физического или психического насилия к потерпевшему или третьему лицу. Субъективная сторона будет выражаться в прямом умысле и наличии специальных целей – получение информации, наказание, запугивание, принуждение, дискриминация или иные сходные с ними цели. Субъект общий, а в случае учинения деяния лицами, указанными в ст. 286 и 302 УК РФ, ответственность наступает по данным статьям.

6. Среди квалифицирующих признаков прежде всего следует выделить совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, малолетнего, лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии; с использованием способов, средств или орудий, заведомо причиняющих сильную физическую боль или заранее приспособленных для совершения пытки; различными видами преступных групп.

Таким образом, можно создать общую теоретическую модель основного состава посягательства:

«Статья 114¹. Пытка.

1. *Применение жестокого интенсивного физического, психического или имущественного насилия в целях получения информации, наказания, запугивания, принуждения, дискриминации или иных сходных с ними целей – наказыва-ется...».*

7. Говоря о структуре состава рассматриваемого преступления, мы пришли к выводу, что он является формальным. Исключение составляет деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 286 УК РФ, что обусловлено материальностью основного состава превышения должностных полномочий.

8. В преступлениях, предусмотренных ст. 286 и 302 УК РФ, в качестве признака объекта может присутствовать предмет преступления. В данном случае, прежде всего в ст. 302 УК РФ, для виновных при принуждении к даче показаний и т.д. важна не только информация, но и результаты ее процессуального закрепления (протоколы, заключения экспертиз и т.д.). Без этого добытая под пыткой информация процессуального значения не имеет.

То же самое касается материалов доследственных проверок (ч. 4 ст. 286 УК РФ), которые облакаются в форму объяснений и др.

9. Порог страданий, отличающих пытку от иных посягательств на личность, является понятием условным (в отличие от различных видов причинения вреда здоровью), поэтому в понятии пытки на первое место выдвигается именно причинение таких страданий¹.

3.2 Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки

Мы подошли к важнейшему разделу нашего исследования – созданию научно-практической модели совершенствования системы норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с применением пытки.

Что, с нашей точки зрения, должна представлять из себя подобная модель? Можно уподобить ее с научным базисом и практической надстройкой. Известно, что любая отрасль права должна иметь теоретические основания. Не является

¹ См.: Бардеев К.А. Проблемы законодательной регламентации и квалификации пытки в отечественном уголовном законодательстве. С. 251–255.

исключением и уголовное право.

Включение в уголовный закон каких-либо положений должно быть строго научно обосновано. Качество новелл зависит не только непосредственно от наличия таких оснований, но и качества доктринальных основ закона. Поэтому создание научной модели правовых предписаний не должно быть самоцелью. Механическое существование доктринальных положений, касающихся какого-либо нормативного института, само по себе не гарантирует эффективность последнего. Следовательно, здесь важна не только внешняя сторона такой модели (ее объективное наличие), но и внутренняя – качество теоретического обоснования уголовно-правовых норм или даже единичной нормы.

С самого начала была поставлена цель построить модель, способную обеспечить существование эффективной системы правовых норм, направленных против пыток. Для этого мы обратились к эволюции данного негативного феномена, истории появления нормативных предписаний, направленных на борьбу с ним; положениям международного и зарубежного уголовного права, анализу теоретических воззрений. В связи с тем, что пытка как социальное явление носит сложный характер, целью исследования явился именно системный анализ этого феномена. Только таким образом можно построить научно-практическую модель противодействия данному преступлению.

Любое уголовно-правовое научное исследование в отрыве от практики и практических результатов теряет свой смысл. С нашей точки зрения, обеспечить такую устойчивую связь между наукой и реалиями способно построение научно-практических моделей¹.

Метод моделирования широко применяется в теоретико-правовых исследованиях. С.В. Бородин отмечает, что он представляет из себя важнейший науч-

¹ См.: Бардеев К.А. Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки // Прогрессивные научные исследования – основа современной инновационной доктрины: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции (г. Самара, 18 сентября 2023 г.) / отв. ред. А.А. Сукиасян. Самара, 2023. С. 41.

ный инструмент, выступает в качестве одной из главных категорий теории познания и используется с тем, чтобы по завершении построения модели получить исчерпывающее и достоверное представление об анализируемом явлении или процессе. Метод моделирования выступает как критерий проверки истинности полученных знаний и применимости их на практике¹.

Вопросы использования метода моделирования в правовых исследованиях широко разрабатываются в литературе начиная с 60-х гг. XX столетия². Создание идеальных моделей как метод познания реальности весьма распространено в уголовно-правовой науке, криминологии и др.³ Сущность состоит в том, чтобы многочисленные характеристики объективно существующих феноменов представить в виде упрощенной схемы или модели⁴. Криминологическое моделирование является инструментом, с помощью которого разрабатываются научные основы борьбы с преступностью⁵.

Иными словами, уголовно-правовую модель можно рассматривать как «явление, предмет, установку, знаковое образование или условный образ (описание, схема и т.д.)», которые находятся в соответствии с объектом познания и способны заменить его в ходе исследования, предоставляя информацию об объекте. Кроме того, моделирование представляется как некий всеобщий аспект познавательного процесса: «познать объект – значит смоделировать его»⁶.

подавляющее число явлений и процессов, так или иначе затрагивающих сферу уголовного права, трудно поддаются непосредственному восприятию. К

¹ Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 22.

² См., напр.: Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М., 1974; Глинский Б.А., Дынин Б.С., Грязнов Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научных исследований. М., 1965; Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; его же. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М., 1973. С. 7–11 и др.

³ Яшин А.В. Теоретическая модель системы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1. С. 217.

⁴ Горшенков А.Г., Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н. Теоретические модели предупреждения преступности // Вестник КРАГСиУ. Сыктывкар, 2004. № 7. С. 22.

⁵ Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 363.

⁶ Афанасьев В.Г. Моделирование как метод исследования социальных систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М., 1982. С. 26.

примеру, мы может созерцать процесс пытки, но разобраться в том, какова уголовно-правовая природа этих действий, чем она отлична от смежных составов преступлений и т.д., без наличия соответствующей научно-практической модели нельзя. Подобные утверждения встречаются в литературе.

Модель требуется тогда, когда «существующая в реальности система по определенным причинам не может быть изучена непосредственно»¹. При моделировании системы посягательств, связанных с применением пытки в различных ее проявлениях, мы сталкиваемся с абстрактными понятиями составов определенных преступлений, которые наполняются реальным содержанием при учинении тех или иных преступлений. Соответственно, изыскиваемая модель, с одной стороны, носит научный, абстрактный характер, с другой – как бы ее зеркальное отражение в виде практической составляющей, то есть системы преступлений, получающих воплощение в УК РФ. Естественно, составы преступлений, зафиксированные в УК РФ, носят абстрактный характер, однако система конкретных видов преступлений, регламентированная в уголовном законе, является своеобразным «проводником» между чисто научным компонентом и реальной правоприменительной практикой.

Нашей целью является создание модели, отвечающей требованиям научности, обоснованности, практической направленности и предназначенной, в конечном итоге, для выработки наиболее оптимальных и перспективных путей совершенствования норм, предусматривающих ответственность за пытки.

Основой искомой научно-практической модели выступают положения уголовно-правовой теории, принципы уголовного права, методы уголовно-правовой политики, средства дифференциации уголовной ответственности.

Как верно отмечает Н.В. Мирошниченко², при построении модели определенной группы преступлений требуется обобщение и описание крупных объемов

¹ Там же. С. 44.

² Мирошниченко Н.В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: опыт теоретического моделирования // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 1. С. 44.

информации.

Для ее систематизации и учета, а также для «отсечения» лишних сведений надлежит определить структуру модели анализируемых посягательств. При моделировании надо учитывать как факты, существующие в действительности, так и полученные в результате ранее проведенных исследований¹.

В предыдущих разделах работы был предпринят анализ научных положений, посвященных проблематике пыток и борьбы с ними. Как было установлено, несмотря на наличие определенного круга дискуссионных вопросов, исследователи сходятся в узловых моментах. Не в последнюю, а может быть и в первую очередь это обусловлено тем, что проблематика искоренения пыточной практики имеет многовековую историю. Мы постарались дополнить существующий научный багаж своими мыслями. Иными словами, теоретический компонент искомой модели как минимум создан и внутри него проистекают научные споры, что, как известно, является путем к истине.

В ходе исследования на основе имеющегося массива научных данных были установлены основные сущностные характеристики пытки как социально-правового явления:

– существование пыток является *закономерным* результатом исторического процесса развития системы доказательств в судопроизводстве, а именно ролью признания лица в инкриминируемом ему деянии. Подчеркнем, что возникновение пытки как средства доказывания – это не случайность, а закономерность, причем эта закономерность относится не только к уголовному процессу, но и к человеческой истории в целом. Появление пытки было процессом *неизбежным*;

– пытка – это всегда применение насилия различных видов, в том числе к такому насилию относится использование веществ, изменяющих сознание, парализующих волю;

¹ Герцензон А.А. Уголовное право и социология: проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М., 1970. С. 191.

- пытка может объективироваться как в действии, так и в бездействии;
- пытка может совершаться только с прямым умыслом;
- перечень целей пытки не должен носить закрытый характер;
- использование термина «насилие, причинившее страдания», с нашей точки зрения, неудачно, термин, по сути, тавтологичен. Правильнее говорить о причинении страдания;
- насилие при совершении пытки может быть физическим, психическим и имущественным¹.

При построении модели нельзя игнорировать принципы уголовного права. Приоритетным из них является принцип *законности*. Ранее уже рассматривались основные положения международного права, направленные против пыток. Это конкретные нормы, декларирующие необходимость запрета пыток в принципе и обязанность государств воплотить эти нормы в свое законодательство.

Прежде всего, это нормы КПП, которые имплементированы многими странами, в том числе и Россией. Речь идет об определении термина «пытка». Однако полагаем, что отечественный законодатель неоправданно пошел по пути механического копирования положений КПП. Дело в том, что нормы последнего определяют пытку как должностное преступление, совершаемое в рамках действий государственных должностных лиц или иных лиц по их поручению.

Подобный подход видится односторонним. Пытки могут совершаться и общими субъектами, которые преследуют определенные цели и движимы теми или иными мотивами (ревность, бытовая месть, удовлетворение садистских наклонностей). Таким образом, в отечественном уголовном праве возник серьезный пробел. В целях его устранения предлагаем ввести уголовную ответственность за применение пыток, не связанных с процессуальной деятельностью государственных должностных лиц. На основе теоретического компонента искомой модели предлагаются основные составляющие вновь вводимой нормы:

¹ Бардеев К.А. Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки. С. 42.

– данная разновидность пытки («бытовая» пытка) имеет основным непосредственным объектом общественные отношения в сфере обеспечения телесной и психической неприкосновенности личности. Следовательно, в архитектуре Особенной части она должна занять место в гл. 16 УК РФ сразу после преступлений, предполагающих причинение вреда здоровью личности, перед нормой о причинении легкого вреда здоровью. Это объясняется тем, что пытки по своей общественной опасности вреднее данного преступления;

– преступление предполагает причинение физических или психических страданий путем физического, психического или имущественного насилия. Действие совершается как путем действия, так и бездействия. Состав преступления формальный;

– особенности потерпевшего подлежат учету при определении круга квалифицирующих признаков. Наличие предмета возможно при сопряженности с вымогательством;

– средства и орудия совершения посягательства учитываются при определении круга квалифицирующих признаков;

– умысел исключительно прямой;

– субъект общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста;

– цель преступления – получение информации, наказание, запугивание, принуждение или иные сходные цели;

– мотив дискриминационного характера, независимо от конкретной разновидности.

Проявлением принципа равенства является идентичность санкций, установленных за превышение должностных полномочий с применением пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ) и принуждение к даче показаний, совершенное с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ), что также является показателем реализации принципа *справедливости*.

Рассматриваемая научно-практическая модель обладает рядом основных свойств (признаков), которые выступают стержнем ее научной составляющей.

Нужно сказать, что признаки научно-практических моделей в сфере уголовного права уже становились предметом теоретических изысканий.

Так, С.А. Елец выделяет в качестве свойств модели стабильность (традиционность), вариативность, системность и полноту¹.

Дополняя изложенную классификацию признаков модели, укажем и на другие свойства².

Обязательная корреляция научного и практического компонентов. Думается, что это свойство должно быть присуще всем без исключения моделям в области уголовного права. Создание чисто теоретических моделей, лишенных в итоге отдачи в виде реальных практических результатов, неприемлемо. В основе искомой модели должны лежать логические принципы «от абстрактного к конкретному», от теории к практике.

Стабильность (традиционность). В рамках данного свойства нашей научно-практической модели можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, традиционность характерна для пытки как вида общественно опасного поведения. Ранее было определено, что пытка возникает практически с самого появления государственно-организованных обществ, где прерогатива на использование насилия уже принадлежит не общине, а центральной власти. В дальнейшем пытка *традиционно* сопровождает историю человечества, даже несмотря на усилия по ее искоренению. С другой стороны, традиционным является стремление общества и государства уничтожить это социальное явление или, на крайний случай, резко сократить его проявления. Стабильным можно назвать и понимание пытки, сущность которой не меняется веками.

Выявление закономерностей. Сразу оговоримся, что это скорее не признак научно-практической модели, а ее целевое назначение. В рамках проведенных исследований с помощью научно-практической модели было сформулировано

¹ Елец С.А. Преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: проблемы криминализации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. С. 171–174.

² Бардеев К.А. Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки. С. 43–46.

предположение о том, что появление пытки в социально-правовой практике является закономерным итогом развития общества и государства. Этому способствовали изначально примитивность общественного сознания, сакральный характер восприятия действительности, отсутствие логических средств анализа реальности, в том числе в случаях совершения общественно опасных деяний. Беспомощность примитивных органов власти и средств установления истины *закономерно* породили представление о том, что признание лица является наилучшим средством доказывания, а следовательно, если лицо не признается, то ему нужно «помочь» с помощью применения насилия (пытки). Иными словами, по-другому и быть не могло, пытка должна была рано или поздно проникнуть в человеческую цивилизацию. Это явление не случайное, а *закономерное*.

В данном случае закономерность проявляется и в изменении социально-правовых подходов к оценке пытки, ее роли в обществе и последствиях существования. Процесс существования пытки – это переход от правомерной формы к неправомерной, от легального средства судопроизводства к преступлению. Это тоже закономерность, так как стало неизбежным следствием развития общественного сознания, появления и утверждения гуманистических начал.

Полнота. Выделяя определенный объект уголовно-правовой охраны, законодатель в идеале должен предусмотреть все возможные формы и виды посягательств на него. Уголовно-правовым запретом должен охватываться весь спектр таких деяний, иначе неизбежно образование пробелов в уголовном законе и уголовно-правовой защите. Анализируя систему посягательств, связанных с применением пыток, можно с уверенностью сказать, что УК РФ, нарушая требования полноты защиты, оставляет без внимания ряд общественно опасных деяний в рассматриваемой сфере.

Существующая на сегодняшний день система преступлений, связанных с применением пытки, ограничена только двумя статьями УК РФ – 286 и 302. Здесь пытка выступает в качестве квалифицирующего признака. Вводя данный квалифицированный вид преступления, законодатель, естественно, опирался на объективно существующие потребности в правовой защите (регуливании) –

широкую распространенность пыточной практики в деятельности государственных органов. Кроме того, необходимо было выполнить соответствующие международные обязательства. Существование пытки как квалифицированного вида истязания было завершено в июле 2022 г., вместо него использован признак «особая жестокость». Применяя системный анализ, обратимся к положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 г. (ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В п. 8 этого документа прямо указано, что «признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки». Однако это вовсе не означает, что высшая судебная инстанция отождествляет пытки и особую жестокость. Здесь речь идет о том, что пытка может свидетельствовать об особой жестокости убийства. В других случаях пытка, как это ни странно, может и не быть проявлением особой жестокости, о чем речь шла ранее. Иными словами, заменяя в ст. 117 УК РФ пытку на особую жестокость, законодатель проявил некоторую поспешность.

Тем не менее, решение об исключении пытки как квалифицирующего признака истязания можно приветствовать, исходя из той мысли, которая развивается нами, о необходимости введения пытки в гл. 16 УК РФ в качестве самостоятельного состава преступления. В противном случае между предлагаемой нормой и ст. 117 УК РФ неизбежно возникнет коллизия.

Итак, мы предлагаем ввести в УК РФ пытку в качестве самостоятельного состава преступления. Модель диспозиции сформулирована в предыдущем параграфе, далее в рамках практического компонента модели конструируется редакция новой статьи в целом. Это позволяет восполнить закон в соответствующей его части.

Имеются и другие нарушения принципа полноты, которые призвана устранить конструируемая модель, точнее, шаги законодателя в соответствии с ней. Перекладывая положение о тройном значении факультативных признаков состава преступления на систему уголовно-правовой борьбы с пытками, следует

обратить внимание на ряд аспектов. Первое. В ст. 63 УК РФ отсутствует такое отягчающее наказание обстоятельство, как совершение преступления с использованием пыток. Можно возразить, что введение пытки как самостоятельного преступления фактически делает ненужным появление указания на нее в ст. 63 УК РФ в связи с тем, что фактическое применение пытки при совершении какого-либо преступления влечет квалификацию по совокупности этого преступления и предлагаемой ст. 114¹ УК РФ («Пытка»). Замечание, с нашей точки зрения, резонное, но есть одно «но». Дело в том, что субъект предлагаемого нами преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В свою очередь совершение ряда преступлений (например, предусмотренных ст. 111, 131 УК РФ) предполагают ответственность при наступлении 14-летнего возраста. В диапазоне возраста лица с 14 до 16 лет ст. 114¹ УК РФ применяться по совокупности не может. В этом случае соответствующее обстоятельство может учитываться при индивидуализации наказания. При применении ст. 63 УК РФ суд сможет учесть, что при совершении преступления использовалась пытка.

Второе. С нашей точки зрения, гл. 34 УК РФ необходимо дополнить составом пытки как международного преступления. Обратим внимание, что Статут говорит о пытках как о массовом и систематическом нападении на граждан и гражданское население. Применить ст. 356 УК РФ возможно не во всех случаях, ибо такие нападения могут совершаться и в мирное время.

Третье. В ст. 110 УК РФ, с нашей точки зрения, существует правовая неопределенность, касающаяся установления содержания понятия «жестокое обращение». Вопрос в том, включается ли в этот признак пытка как способ доведения до самоубийства? Полагаем, что пытка предполагает самостоятельный вид жестокости, обладающий уникальными признаками. В предлагаемом нами понятии пытки как самостоятельного преступления доведение до самоубийства или покушения на него может выступать в качестве преступной цели. Поэтому целесообразно диспозицию ст. 110 УК РФ дополнить указанием на пытку как особый способ доведения до самоубийства.

Все указанное позволит соблюсти требование полноты в системе уголовно-правового противодействия пыткам.

Каждый из выделяемых признаков, характеризующих систему противодействия пыткам, детерминирован методами уголовно-правовой политики. Обязательная корреляция научного и практического компонентов, выявление закономерностей и стабильность отражены в криминализации (декриминализации). Полнота обусловлена познанием потребностей в уголовно-правовой охране общества и его членов, криминализации соответствующих деяний и дифференциации уголовной ответственности за их совершение.

Таким образом, в целом искомая модель определяется необходимостью в дополнительном уголовно-правовом воздействии на деяния, связанные с применением пыток. Используя ее положения, можно сформулировать конкретные рекомендации законодателю, то есть сконструировать практический компонент создаваемой модели.

При этом нужно заметить, что вопросы пенализации, а именно определение вида и размера наказания за конкретные посягательства, связанные с применением пытки, требуют отдельных детальных изысканий. В связи с этим видится оптимальным формулирование общих рекомендаций в этом направлении, а именно – определение категории соответствующих преступлений. Преступление небольшой тяжести – деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 114¹ УК РФ (думается, что необходимость присутствия в санкции данной нормы лишения свободы как вида наказания сомнений не вызывает); тяжкие – посягательства, указанные в ч. 2 и 3 ст. 114¹ УК РФ, особо тяжкое – в ст. 357¹ УК РФ.

Далее формулируется ряд предложений, которые, как представляется, помогут восполнить существующие пробелы в уголовном законе, оптимизировать его содержание и повысить эффективность применения¹:

¹ См.: Бардеев К.А. Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки // Прогрессивные научные исследования – основа современной инновационной доктрины: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции (г. Самара, 18 сентября 2023 г.) / отв. ред. А.А. Сукиасян. Самара, 2023. С. 40–48.

«Статья 63. Обстоятельства, отягчающие наказание

Отягчающими обстоятельствами признаются: ...

и) совершение преступления с особой жестокостью, применением пытки...»¹.

«Статья 110. Доведение до самоубийства

1. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, пытки, иного жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего...».

«Статья 114¹. Пытка

1. Применение жестокого интенсивного физического, психического или имущественного насилия в целях получения информации, наказания, запугивания, принуждения, дискриминации или иных сходных с ними целей, а равно производство научных или медицинских опытов над человеком без его добровольного согласия в тех же целях – наказываются...

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении двух или более лиц;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой;

в) с использованием специально приспособленных средств, орудий или способов, причиняющих особую физическую боль, а также химических веществ, – наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, – наказываются...

¹ Данное дополнение в ст. 63 поддержали 100 % опрошенных респондентов. См.: Приложение 2.

Примечание. Определение понятия пытки, изложенное в настоящей статье, распространяется на статьи настоящего Кодекса, за исключением статей 286 и 302».

«Статья 286. Превышение должностных полномочий

Примечания. 1. Под пыткой в настоящей статье и статье 302 настоящего Кодекса...». Кроме того, термин «нравственные страдания» надлежит заменить словосочетанием «психические страдания».

Фактическое содержание ч. 3 ст. 302 УК РФ может быть изложено следующим образом:

«Принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний, выдаче вещественных доказательств, либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний ... с применением пытки». Отметим еще раз, что здесь важным является то, что виновные могут требовать под пыткой не только предоставление показаний, информации и т.д., но и физическую выдачу вещественных доказательств».

«Статья 357¹. Пытки¹

Применение пытки в качестве политики государства по отношению к определенным национальным, этническим, расовым или религиозным группам – наказывается...»².

Кроме того, видится обоснованным дополнение указанием на такой квалифицирующий признак, как совершение деяния «с применением пытки», ст. 127², 128, 156, 163, 179, 321 (в отношении преступления, предусмотренного ч. 1 данной статьи) и 335 УК РФ.

Выбор преступлений осуществлен исходя из того, что применение пытки выглядит вполне органичным в канве названных посягательств, и в реальной

¹ См.: Бардеев К.А. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия пыткам в современных внешнеполитических условиях // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика: сб. науч. статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 17 ноября 2023 г.): в 4 ч. Часть 2. Уфа, 2023. С. 210–216.

² Данное предложение поддержали 89 % респондентов. См.: Приложение 2.

действительности такие факты встречаются, хотя официальная статистика в этой части по понятным причинам отсутствует. Ранее уже отмечалось, что 87 % опрошенных практических работников поддержали данное предложение.

Итак, нами сконструировали авторский вариант практической составляющей искомой модели. Эта система преступлений должна стать стержнем многоуровневой «обороны» против пыточных практик. Она охватывает компонент и международных преступлений, и должностных посягательств, и общеуголовных. Только применение всех ранее изложенных теоретических принципов и практических положений, с нашей точки зрения, позволит эффективно предупреждать пытки и бороться с пыточной практикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённые изыскания позволяют сделать следующие *выводы*:

1. пытки присутствуют в современном мире, как и в Античности, Новом и Новейшем времени. Изменилась только их законодательная «оболочка» (пытки формально запрещены как международным правом, так и национальными уголовными законодательствами, включая отечественное). Однако фактически в деятельности правоприменительных органов они присутствуют. Но, несомненно, есть разница в том, используют ли пытки незаконно (преступно), например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 286, 302 УК РФ, либо это устоявшаяся ненаказуемая практика в деятельности государства. Изменились и методы пыток, конкретные их виды. «Пытатели» стараются завуалировать свои действия, боясь вызвать общественный резонанс, даже если действуют по указанию свыше либо с молчаливого согласия властей.

2. пытки были присущи законодательствам и правоприменительной практике стран Европы и России (Древней Руси, Московского государства). В процессе исторического развития сложился устойчивый правовой режим применения пыток как к подсудственным, так и к уже отбывающим наказание. пытка считалась не только эффективным средством получения признательных показаний и иных доказательств, но и мерой поддержания дисциплины и наказания. Иногда обвинение основывалось только на признании, сделанном обвиняемым под пыткой. Со временем жестокость, многообразие видов пытки обернулись тем, что многие города, а потом и государства стали вводить частичные запреты пыток. Полный запрет пыток на государственном уровне был установлен шведским законодателем в 1734 г.

3. Появление феномена пытки не является случайным, а носит закономерный характер. Это обусловлено следующими основными причинами:

а) примитивность общественного сознания на первых этапах развития цивилизации;

б) превалирование методов принуждения в деятельности ранних органов

власти и управления;

в) лояльное отношение общества в целом к применению насилия при разрешении споров и расследовании преступлений;

г) отсутствие инструментов доказывания вины, основанных на интеллектуальных основаниях;

д) стремление к наибольшему упрощению судопроизводства.

Закономерностью является и то, что с развитием гуманистических начал уголовного права и процесса, общей либерализацией общественной жизни и правосознания с неизбежностью происходит процесс, который знаменуется постепенным отказом от пыток и в конечном итоге запретом пытки и объявлением ее (на международном и национальном уровнях) в качестве преступления.

4. Процесс истории развития пыток может быть графически представлен в виде параболы, когда первоначальный объем применения пыток идет по возрастающей, достигая пика в период Средневековья и Нового времени, затем снижаясь вплоть до законодательного их запрета. Вектор развития института пытки напрямую коррелирует с уровнем общественного сознания в целом, правосознания, развитием научной мысли в области философии, уголовного и уголовно-процессуального права, гражданского общества, введением суда присяжных. Прогрессивные достижения человечества в указанных областях обусловили неизбежное сокращение сферы применения пыток. Считаем, что параболический характер эволюции феномена пытки является *закономерным*.

5. Сравнение развития института пытки как средства доказывания показывает асинхронность этого процесса в нашем государстве и за рубежом. Процесс начала отмены пыток в Европе датируется XIII–XIV вв., тогда как в России в организованном порядке это происходит только в XVIII в. благодаря позитивным воззрениям русских правителей (Елизавета Петровна, Екатерина II) и их окружения. С этого момента указанный процесс синхронизируется, достигая наибольшей степени после Второй мировой войны. Данная асинхронность обусловлена рядом факторов, среди которых особенности общественного и правового менталитета России и Запада, правосознание правителей. Немаловажно, что

на процесс постепенной отмены пыток в Европе повлияли труды выдающихся мыслителей Средневековья и раннего Нового времени (Т. Мор, Ч. Беккариа, Дж. Локк, Ш. Монтескье и др.).

6. В России пытка была официально запрещена указом императора Александра II в 1801 г. Впервые в российском праве уголовная ответственность за преступления, связанные с применением пытки, установлена в 1993 г. (ст. 125¹ УК РСФСР 1960 г.).

7. Несмотря на высказанные в доктрине мнения, пытка не может быть отнесена к разновидности уголовного наказания. Они существовали параллельно, имели разное целевое назначение. Применение пытки служило средством получения признательных показаний, а уже признание как самостоятельное доказательство лежало в основе обвинения и назначения наказания.

8. После окончания Второй мировой войны мировое сообщество пришло к осознанию пагубности и разрушительного значения возрожденной пыточной практики. За принятием Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. последовал бурный процесс правотворческой деятельности путем создания универсальных, региональных и двухсторонних договоров, регламентирующих как вопросы уголовной ответственности за применение пытки, так и различные аспекты предупреждения данного преступного деяния. В настоящее время в международном праве пытка рассматривается как международное преступление (против человечности, военное преступление), серьезное нарушение международного гуманитарного права.

9. Необходимо отметить, что многие положения международных договоров в области противодействия пыткам носят декларативный характер. Это следует признавать нормальным явлением, так как международное право закладывает правовой «фундамент», на котором национальный законодатель возводит свое «здание», систему борьбы с пыточной практикой. Тем не менее, положения международного права могут и напрямую применяться в практике государств.

10. Нормативное определение пытки было впервые сформулировано в Декларации ООН о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных

или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 9 декабря 1975 г. В дальнейшем эта дефиниция уточнялась в плане содержания и расширялась в объеме. Важнейшими конструктивными признаками сформулированных понятий пытки выступают: степень, интенсивность, продолжительность причиняемого физического или психического (умственного, морального) насилия, достижение определенного порога жестокости; умышленный характер преступления; конкретная цель преступных действий (дача признательных показаний или сообщение иной информации, наказание, запугивание, принуждение); специальный субъект – государственное должностное лицо или лицо, действующее в официальном качестве, третье лицо, применяющее пытку по подстрекательству или с молчаливого согласия указанных лиц. Некоторые международные акты включают в понятие пытки проведение медицинских или научных опытов без добровольного согласия лица или даже при наличии такового. В качестве пытки рассматривается также применение к потерпевшему методов, направленных на уничтожение его индивидуальности или уменьшения его физических или умственных способностей. Иногда в субъективную сторону включается мотив – дискриминация по каким-либо основаниям.

11. Как правило, в международно-правовых актах в качестве специальной цели установлено получение признательных показаний или иной информации. Полагаем, что в целеполагание виновного следует включить получение вещественных и иных доказательств. Соответствующие дополнения необходимо внести и в ст. 302 УК РФ. Виновной может, применяя пытку, требовать, к примеру, физической выдачи потерпевшим вещественных или иных доказательств.

12. Перечень целей пытки должен быть открытым. Виновный, применяя интенсивное, продолжительное насилие, может преследовать цель устрашить неопределенный круг лиц; применяя пытку публично, удовлетворить свои садистские наклонности; осуществить месть за правомерные действия потерпевшего и т.д. Впрочем, последняя цель, исходя из лексического толкования, вполне вписывается в понятие наказания, хотя этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным. Понятия «наказание» и «месть» при всей их схожести, тем не менее,

не являются идентичными. Так, в практике тоталитарных государств пытка может потенциально выступать именно в качестве официального наказания, как это было в более ранние периоды существования права.

13. С нашей точки зрения, круг субъектов пытки следует расширить. Если речь идет об общеуголовном преступлении (которое в УК РФ в настоящее время отсутствует, но предлагается нами к включению в закон), то субъект является общим. Считаем, что в УК РФ состав пытки должен выделяться и как преступление против безопасности человечества, и как преступление против государственной власти, и как общеуголовное преступление международного характера, и как квалифицирующий признак ряда составов преступлений. При этом в понятие пытки должны быть также включены медицинские или научные опыты над потерпевшим без его добровольного согласия. Кроме того, видится полезным при формулировании новой дефиниции пытки включить в него ее совершение по дискриминационным основаниям.

14. Запрет применения пыток является конституционной гарантией в ряде государств и носит абсолютный и всеобщий характер (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия и др.), что во многом обусловлено антропоцентричным характером конституций.

15. Основные отличия в сформулированных в зарубежных уголовных законах определениях понятия пытки и основных признаках ее состава как самостоятельного единичного преступления выражаются в следующем:

а) по субъекту преступления – наличие или отсутствие специального субъекта. Иногда он выступает в качестве квалифицирующего признака. Далее – включение в число субъектов лиц, не являющихся должностными или действующими в официальном качестве, либо отказ от включения таковых;

б) различное определение степени (порога) причиняемых лицу физических и психических (нравственных) страданий;

в) включение или отказ от включения в содержание субъективной стороны

специальной цели преступления и мотива – дискриминации по различным основаниям; наличие открытого или исчерпывающего перечня специальных целей деяния;

г) различное определение основного непосредственного объекта пытки: общественные отношения в сфере обеспечения основных прав и свобод личности, конституционных прав человека и гражданина, осуществления соответствующего вида государственной деятельности, обеспечения мира и безопасности человечества/человечности.

16. Далекое не во всех изученных УК национальный законодатель аутентично имплементировал понятие пытки, сформулированное в КПП. Есть достаточно узкие трактовки, и наоборот, расширительные, детализированные по сравнению с КПП. Не всегда указаны специальные цели пыток, хотя это один их важнейших признаков, либо цели сформулированы достаточно узко. Еще одной важной особенностью уголовного права различных государств является отсутствие специального состава пытки как самостоятельного преступления. Законодатели многих стран предпочитают устанавливать пытку как квалифицирующий признак истязания, превышения должностных полномочий, принуждения к даче показаний и иных видов злоупотребления властью.

17. Весьма отличаются непосредственные, родовые и видовые объекты пытки в различных законодательствах и, соответственно, место деяния в системе Особенной части:

- а) преступления против здоровья (Албания, Абхазия);
- б) посягательства против физической или психической неприкосновенности (Франция);
- в) посягательства против свободы личности (Аргентина, Колумбия);
- г) деяния против конституционных прав (Чили, Казахстан, Таджикистан);
- д) посягательства против демократических прав граждан (Китай);
- е) посягательства против прав и свобод человека и гражданина (Македония);
- ж) преступления против правосудия (Вьетнам, Казахстан);

- з) должностные преступления (Ирак, Иран, Киргизия, Парагвай, Тунис);
- и) преступления против государственной власти, интересов государственной службы (Армения, Туркмения);
- к) деяния против человечности, безопасности человечества, в том числе совершенные в рамках систематического, масштабного нападения на гражданское население (Армения, Беларусь, Португалия, Перу, Азербайджан, Грузия);
- л) военные преступления (Армения, Словакия);
- м) посягательства на ценности, охраняемые в международном праве (Хорватия).

18. В странах бывшего СССР пытка криминализована как:

- 1) самостоятельное единичное преступление, в том числе в рамках общей статьи о преступлениях определенного вида (например, в Армении, Беларуси и Грузии это разновидность преступлений против человечности);
- 2) как квалифицирующий и особо квалифицирующий признак ряда составов преступлений, к числу которых относятся истязание, причинение различного вреда здоровью, принуждение к даче показаний и иные формы превышения или злоупотребления властью.

19. Анализ массива квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков пытки позволяет заключить, что их перечни созданы не только под влиянием международного права, но и в большей степени под влиянием национальной правовой традиции. В их числе можно выделить общие (встречаются во многих законодательствах) и особенные, которые характерны для конкретного уголовного закона.

К числу общих признаков можно отнести: причинение смерти или тяжкого (серьезного) вреда здоровью; совершение деяния в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии (иногда указывают инвалидность, явную инвалидность); совершение деяния двумя или более лицами (группа лиц, организованная группа); по дискриминационным основаниям (если это не указано в качестве конструктивного при-

знака состава); с применением оружия или специальных орудий и устройств (такой квалифицирующий признак целесообразно включить в российское уголовное закон).

Особенные признаки разнообразны. Например, законодательство Армении предусматривает особую жестокость как квалифицированный вид пытки; УК Франции содержит, наряду с общими, такие признаки, как совершение деяния в отношении родственника по восходящей линии, приемных родителей, супругом или сожителем, в отношении различных категорий должностных лиц, в отношении свидетеля или потерпевшего, с применением или угрозой применения оружия. Кроме того, используется сопряженность с иными преступлениями, например, сексуального характера. Как квалифицирующие признаки в составе пытки в УК ряда стран устанавливаются повторность, неоднократность (Таджикистан, Казахстан, Грузия, Туркмения); применение пытки, сопряженное с незаконными медицинскими манипуляциями или применением врачебного инструментария (Грузия); совершение деяния в условиях войны или угрозы войны, внутренней политической нестабильности или другого любого чрезвычайного или военного положения (УК Туркмении).

20. Взятые Россией международные обязательства путем признания Конвенции против пыток и других бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания предопределили введение конституционного запрета на применение пыток. Этот запрет носит абсолютно императивный характер, не подлежит отмене или игнорированию. Соответственно, в уголовное законодательство были введены нормы, регламентирующие наказуемость пытки. Их система подверглась некоторой корректировке, апофеозом которой явилась реформа, проведенная в июле 2022 г. Вместе с тем важным вопросом остается обоснованность и необходимость криминализации пытки как общеуголовного преступления, а не только как должностного посягательства, в том числе против правосудия. Несмотря на то, что важнейшие международно-правовые документы в области противодействия пыткам делают акцент на получение признания или

инной информации от потерпевшего, этим спектр целей не ограничивается. Полагаем, что пытку надо законодательно рассматривать и как международное преступление (военное, против безопасности человечества), и в разрезе иных разделов УК как преступление международного характера, причем в качестве самостоятельного посягательства, так как далеко не всегда она де-факто применяется исключительно в рамках уголовного процесса. В свою очередь квалифицировать «бытовую» пытку как побои, истязание является ничем иным, как применением уголовного закона по аналогии. Таким образом, напрашивается вывод о целесообразности криминализации пытки в качестве самостоятельного преступления против личности.

21. Доктрина уголовного права выработала широкий спектр определений пытки. Авторы в основном сходятся на следующих моментах:

а) запрет пытки является абсолютным и должен иметь законодательное оформление, в некоторых дефинициях специально упоминается о противоправном характере пытки;

б) пытка – это всегда насильственное деяние; при этом характер насилия может быть физическим, психическим и имущественным;

в) указанное насилие влечет определенные негативные последствия;

г) пытка имеет определенную преступную цель (цели), может присутствовать мотив дискриминации;

д) преступление совершается только с прямым умыслом.

По поводу объективной стороны пытки мнения разделились: одни исследователи считают, что пытка совершается только путем действия, другие допускают возможность и бездействия.

22. Понятие пытки закреплено в примечании 1 к ст. 286 УК РФ. Оно имеет расширительный характер, включая почти все поименованные признаки. Термин носит конвенционный характер, транслируя соответствующие положения Конвенции против пыток. Однако видится неудачным употребление в нем словосочетания «нравственные страдания». Это сугубо оценочное

понятие, лицо может и не испытывать под влиянием пытки именно нравственные страдания, поэтому правильнее вести речь о психических страданиях. Предлагается определение пытки, которое будет распространяться на ст. 63, 110, 114¹ и 357¹ УК РФ: применение жестокого интенсивного физического, психического или имущественного насилия в целях получения информации, наказания, запугивания, принуждения, дискриминации или иных сходных с ними целей, а равно производство научных или медицинских опытов над человеком без его добровольного согласия в тех же целях.

23. Что касается вопросов пенализации деяний, предлагаемых к криминализации, отметим, что в рамках исследования была выдвинута идея об отнесении вновь предлагаемых преступлений, связанных с применением пытки, к определенным категориям. Преступление небольшой тяжести – деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 114¹ УК РФ (думается, что необходимость присутствия в санкции данной нормы лишения свободы как вида наказания сомнений не вызывает); тяжкие – посягательства, указанные в ч. 2 и 3 ст. 114¹ УК РФ, особо тяжкое – в ст. 357¹ УК РФ.

24. Изучение соответствующих аспектов пытки как социально-правового феномена позволило создать теоретико-прикладную модель преступлений, связанных с применением пытки, представленную в разделе 3.2 настоящей работы. Предложенная система преступлений должна стать стержнем многоуровневой «обороны» против пыточных практик. Она охватывает компонент и международных преступлений, и должностных посягательств, и общеуголовных деяний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I Нормативные правовые акты, иные источники права, официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22.11.1991 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3788/
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1976.
6. Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными (приняты в г. Женеве 30.08.1955 г.) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М., 1990.
7. Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (принята резолюцией 3318 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12. 1974 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml.
8. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчело-

вечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания принята резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН 3452 (XXX) от 09.12.1975 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml.

9. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заключена 10.12.1984) (с изм. От 08.09.1992) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15041#OAPXqiTkxMx8XocM1>.

10. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №40/33 от 29 ноября 1985 г.). // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. От 24.06.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (*документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ)*).

12. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (ETS № 126) от 26 ноября 1987 г. // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305480/>.

13. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

14. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

15. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 08.12.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып.

XVI. М., 1957.

16. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12.08.1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

17. Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принят 18 декабря 2002 года на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией A/RES/57/199; вступил в силу 22 июня 2006 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml.

18. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи от 09.12.1988 год) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml.

19. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI М., 1993.

20. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №45/113 от 14 декабря 1990 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml.

21. Резолюция ООН №52/86 «Меры в области предупреждения преступности и уголовного правосудия с целью искоренения насилия в отношении женщин» от 12.12.1997 г. // ИПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/2565424>.

22. Римский статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575>.

23. Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. (ETS № 24) (с изм. От 20.09.2012) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121346/.

24. Стамбульский протокол от 9 августа 1999 г. Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // United Nations iLibrary. URL: <https://www.un-ilibrary.org/>.

25. Европейские пенитенциарные правила (рекомендация Кабинета министров Совета Европы). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420361984>.

26. Принципы медицинской этики, касающихся роли работников здравоохранения по защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 37/194 18.12.1982 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/medical_ethics_principles.shtml.

27. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Дипломатический вестник. 1995. № 7.

28. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 г. постановлением 7–5 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (ред. от 27.11.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56652#LbSXQqTt1xUbgAT>.

29. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3452 от 09.12.1975 «Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». URL: www.law.edu.ru.

30. Правила и процедуры Комитета против пыток ООН. URL: <http://www.pytkam.net/v-pomosch-postradvshemu.mezhdunarodnie-mehanizmi/16>.

31. Межамериканская конвенция по предотвращению пыток и наказанию за их применение. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32876848.

32. Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.

2022. № 29 (часть III). Ст. 5274.

33. Закон РФ от 29.04.199 г. № 4901–1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 22. Ст.789.

34. Информационно-тематический листок «Условия содержания в местах лишения свободы и обращение с заключенными, октябрь 2011 г.». URL: www.echr.coe.int/Documents.

II Памятники отечественного и зарубежного права

35. Русская Правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1.

36. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 2.

37. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. 1711–1716 гг. Т. V. Кн. I. СПб., 1892.

38. Боярский приговор 23 октября 1673 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. I. № 561.

39. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952–1963.

40. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Симбирск, 1902. Т. 3.

41. Табель о рангах // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 4.

42. О признании людей обоего пола от рождения до семнадцати лет; об освобождении таковых в случае тяжких преступлений от пытки и смертной казни и о наказании их, вместо того, батогами и плетьюми, с определением в монастыри для исправления // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXI. № 8601.

43. О наказании преступников малолетних: Указ от 18.07.1744 / Полное собрание законов Российской Империи. Т. XII. № 8996.
44. Обряд, како обвиненный пытается // Русская старина. 1873. № 8.
45. О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству: Указ от 10.02.1763 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXVI. № 11750.
46. Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. / отв. ред.: Виленский Б.В.; под общ. ред.: Чистяков О.И. М., 1991. Т. 8.
47. Об обращении впадших в преступления, больше увещанием, нежели строгостью, и о непроизведении пыток в приписных городах: Указ от 17.02.1765 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. № 11759.
48. Жалованная грамота дворянству 1775 г. // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 5.
49. Разъяснения ЦК ВКП (б) секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД о применении физического воздействия в практике НКВД // 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: из хроники «Большого террора» на томской земле. Томск; М., 2004.
50. Последняя «антипартийная» группа: Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 3.
51. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга Эпарха / ред. А.И. Цепков. Рязань, 2006.
52. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V (Constitutio criminalis Carolina) / пер. с нем., предисл. И примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967.
53. Каролина: извлеч. Из Уголов.-судеб. Уложения Карла V: учеб. пос. М., 2002.
54. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Мінск, 2010. Т. 3.

III Современное зарубежное законодательство

55. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (ред. от 01.10.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984.
56. Уголовный кодекс Республики Абхазия 2007 г. (ред. от 29.11.2012 г.). URL: <http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/>.
57. Уголовный Кодекс Республики Казахстан 2014 г. (по сост. на 12.09.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0/.
58. Уголовный кодекс Республики Молдова 2002 г. (по сост. на 31.07.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.
59. Уголовный кодекс Грузии 1999 г. (по сост. на 30.06.2023 г.) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=242>.
60. Уголовный кодекс Республики Азербайджан 1999 г. (по сост. на 30.05.2023 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353.
61. Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf.
62. Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2021 г. (в ред. от 25.07.2023 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>.
63. Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. (по сост. на 12.08.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.
64. Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. (по сост. на 24.12.2022 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325.
65. Уголовный кодекс Республики Туркмения 1997 г. (по сост. на 24.12.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286.
66. Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003; URL: <https://constitutions.ru/?p=5847>.
67. Уголовный кодекс Республики Польша/ под ред. Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Лукашова. СПб., 2001.

68. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики 1997 г. / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева. 2-е изд. М., 2021.

69. Закон «О поправках к Закону о преступлениях, связанных с пытками». Crimes of Torture Amendment Act № 68 (2006). URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0068/latest/whole.html>.

70. Law № 12.847, 02.08.2013. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112847.htm.

71. Закон «Об определении миссии, организации и функционировании Национальной комиссии по правам человека» // Law № 19/2013 of 25.03.2013 determining missions, organization and functioning of the National Commission for Human Rights. URL: http://www.cndp.org.rw/fileadmin/user_upload/Laws_NCHR_Integrated.pdf

72. Закон от 12.07.2012 № 104 «О Национальном центре Кыргызской Республики по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». URL: <http://npm.kg/wp-content/uploads/2017/03/zakon-o-ntspp.pdf>.

73. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 года № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания». URL: online.zakon.kz.

74. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека». URL: online.zakon.kz.

75. Указание Генерального прокурора Республики Казахстан № 4/12 от 28 августа 2019 года «Об организации расследования фактов пыток, суицидов и членовредительств в пенитенциарной системе». URL: online.zakon.kz.

IV Судебная практика и статистические материалы

76. Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 19.03.2003 «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также п.п. 1-8 Постановления Государственной думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

77. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

79. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней // Российская газета. 2013. 5 июля.

80. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/.

81. Европейский Суд по правам человека. Первая секция. Дело «Ангелова (Anguelova) против Болгарии». Жалоба № 38361/97. Постановление. Страсбург, 13 июня 2002 г.

82. ICTY, Prosecutor v. Brdjanin, above note 56, para. 484.

83. ICTY Prosecutor v. Kvočka and Others, above note 10, para. 148.
84. Prosecutor v. Kunarac and Others, above note 10, para. 486.
85. Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 06.04.2000 г. по делу «Лабита против Италии» (Labita v. Italy) (жалоба № 26772/95).
86. Постановления ЕСПЧ от 15.11.1996 г. по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. United Kingdom) (жалоба № 22414/93).
87. Постановление ЕСПЧ от 23.08.2016 г. по делу «J. K. И другие (J. K. And Others) против Швеции» (жалоба № 59166/12).
88. Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 г. по делу «Вербинц против Румынии» (жалоба № 7842/04).
89. Постановление ЕСПЧ от 24.05.2016 г. по делу «Макшаков (Makshakov) против Российской Федерации» (жалоба № 52526/07).
90. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany), жалоба № 54810/00, ECHR 2006-IX.
91. Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 26.10.2000 по делу «Кудла против Польши» (жалоба № 0210/96).
92. Решение Европейского суда по правам человека по делу Selmouni v. France от 28 июля 1999 г.
93. Постановления ЕСПЧ от 18.01.1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (жалоба № 5310/71), § 167.
94. Постановление ЕСПЧ от 07.11.2013 по делу «Белоусов (Belousov) против Украины» (жалоба № 4494/07), § 66.
95. Постановление ЕСПЧ от 25.09.1997 по делу «Айдын (Aydin) против Турции» (жалоба № 23178/94).
96. Постановление ЕСПЧ от 29.01.2009 по делу «Антропов (Antropov) против Российской Федерации» (жалоба № 22107/03).
97. EctHR, Prosecutor v. Kvočka and Others, above note 10, para. 149.
98. ICTY, Prosecutor v. Naletic and Martinovic, above note 19, paras. 294-295.
99. ICTY, Prosecutor v. Brdjanin, above note 56, para. 511.

100. EctHR. Ilhan v. Turkey. Application No. 22277/93. Judgment of 27 June 2000. § 84–85.
101. Решение ЕСПЧ по делу «ElHaski v. Belgium». Решение от 25.09.2012 г.
102. Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 28.10.1998 г. по делу «Osman v. United Kingdom».
103. EctHR. Kaçiu and Kotorri v. Albania. Application No. 33192/07, 33194/07. Judgment of 25 June 2013. § 117.
104. EctHR. Jalloh v. Germany. Application No. 54810/00. Judgment of 11 July 2006. § 103-108.
105. EctHR [GC]. Gäfgen v. Germany. Application No. 22978/05. Judgment of 1 June 2010.
106. EctHR. Gladyshev v. Russia. Application No. 2807/04. Judgment of 30 October 2009.
107. EctHR. Alchagin v. Russia. Application No. 20212/05. Judgment of 17 January 2012.
108. EctHR. Lopata v. Russia. Application No. 72250/01. Judgment of 13 July 2010.
109. EctHR. Pavlenko v. Russia. Application No. 42371/02. Judgment of 1 April 2010.
110. Interamerican Court of Human Rights (IACtHR), Cantoral Benavides v. Peru. Judgment of 18 August 2000. Series C. No. 69, para. 95.
111. European Court of Human Rights (EctHR). Chahal v. United Kingdom. Judgment of 15 November 1996. Report 1996 V, para. 79.
112. ICTY, Prosecutor v. Delalic and Others, Case No. IT)96)21 (Trial Chamber), 16 November 1998, para. 552; see also Prosecutor v. Kordic and Cerkez, Case No. IT)95)14/2 (Trial Chamber), 26 February 2001, para. 265; Prosecutor v. Blaskic, Case No. IT)95)14 (Trial Chamber), 3 March 2000, para. 186.
113. Права человека. Борьба против пыток: изложение фактов (Rev. 1). URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet4rev.1ru.pdf>.

114. Приговор Костомукшского городского суда Республики Карелия от 13 июня 2019 года по делу № 1–71/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8Lm4DpS77i3/>.

115. Показатели деятельности российского Комитета против пыток¹. URL: <https://www.pytkam.net/ru/pokazateli-nashey-deyatelnosti>.

V Монографии, учебники, комментарии

116. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Б. и., 1980. 526 с.

117. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 719 с.

118. Арсеньев И. Суд по форме. М., 1860. 34 с.

119. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: КноРус, 2010. 688 с.

120. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: «Стелс», 1995. 304 с.

121. Борков В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2022. 180 с.

122. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М.: Юрид. лит., 1974. 176 с.

123. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990. 271 с.

124. Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР. [Ленингр. Отд-ние], 1961. 400 с.

125. Веретенников В.И. История тайной канцелярии петровского времени. Харьков: тип. «Печ. Дело», 1910. 306 с.

126. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб.: кн. Маг. «Законоведение», 1910. 400 с.

¹ Включен в реестр незарегистрированных НКО-иноагентов

127. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1909. 699 с.
128. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1945. 602 с.
129. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 308 с.
130. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1868. 206 с.
131. Герцензон А.А. Уголовное право и социология: проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М.: Юрид. лит., 1970. 286 с.
132. Гитин В.Г. Это жестокое животное мужчина. Харьков: Торсинг, 1997. 560 с.
133. Глинский Б.А., Дынин Б.С., Грязнов Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научных исследований. М. Изд-во Моск. Ун-та, 1965. 248 с.
134. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. А. Ческиса. М. Соцэкгиз, 1936. 503 с.
135. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1957. 337 с.
136. Голубев А.А. Сыскной приказ: Общественный быт и судопроизводство: по документам Моск. Арх. М-ва юст. М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1884. 192 с.
137. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России / отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1964. 168 с.
138. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Издательство «Русский язык», 1978. 699 с.
139. Дворянсков К.В., Друзин А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / отв. ред. И.А. Исаев. М.: Воениздат. 4-й фил., 2002. 150 с.
140. Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. 381 с.

141. История отечественного государства и права. М.: Изд-во МГУ, 1992. Ч. 1. 333 с.
142. История политических и правовых учений / под ред. О.Э. Лейста. М.: Юридическая литература, 1997. 576 с.
143. Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
144. Ковлер А.И. Европейская Конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 399 с.
145. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Том 1 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 792 с.
146. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 13-е изд., перераб. И доп. М.: Проспект, 2022. 992 с.
147. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. 824 с.
148. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2000. 348 с.
149. Коржанский Н.И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 789 с.
150. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1987. 267 с.
151. Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М.: Прометей, 1993. 413 с.
152. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археогр. Комис., 1906. 132 с.
153. Кукушин В.М. Полицейская деонтология. М.: Акад. управления МВД России, 1994. 105 с.
154. Куликов А.В., Борков В.Н., Долгих Т.Н. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах

местного самоуправления: учебное пособие. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2022. 143 с.

155. Кумскова С.Н. История политических и правовых учений: хрестоматия. Кемерово: Кемер. Гос. ун-т, 1998. 125 с.

156. Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб.: Изд. Императорской археографической комиссии, 1913. 108 с.

157. Курбский А.М. История о великом князе Московском. М.: Изд-во УРАО, 2001. 161 с.

158. Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М.: Молодая гвардия, 2010. 373 с.

159. Линовский В.А. Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст, 2001. 222 с.

160. Максимов С.В. Крылатые слова и выражения русского народа. М.: ЭКСМО-пресс, 2001. 510 с.

161. Мальцев Г.В. Мечь и возмездие в древнем праве. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 735 с.

162. Матюшкин Г.О. Россия и Европейский Суд по правам человека. М.: РПА Минюста России, 2013. 252 с.

163. Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных Наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. Вып. 1 / сост.: В.П. Игнатов, В.К. Суворов. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1989. 172 с.

164. Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М.: Наука, 1982. 145 с.

165. Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия / пер. с лат. И коммент. А.И. Малеина. М., Л.: Academia, 1935. 237 с.

166. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Издательство «Русский язык», 1978. 846 с.

167. Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. Исследования

и очерки. М.: МГИУ, 2004. 604 с.

168. Островский А.Я. ООН и права человека. М.: Междунар. отношения, 1968. 191 с.

169. Панов В.П. Международное уголовное право: учеб. пос. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. 309 с.

170. Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика / под общ. ред. С.И. Беляева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 244 с.

171. Противодействие пыткам и эффективное их расследование / под общ. ред. Д.У. Каимовой. Бишкек: Triada Print, 2015. 252 с.

172. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVIII вв. М.: Юристъ, 1995. 288 с.

173. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. М.: МГИУ, 2008. 256 с.

174. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. 560 с.

175. Россинская Е.Р. Криминалистика: курс лекций. М.: Норма, 2006. 393 с.

176. Скотт Д. Р. История пыток / пер. с англ. А.А. Обухова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 412 с.

177. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. Смоленск: Русич, 1996. Т. 2. 427 с.

178. Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. 631 с.

179. Снежко А.С. Состав превышения должностных полномочий: законодательное описание и проблема квалификации: монография / под науч. ред. В.П. Коняхина. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2004. 187 с.

180. Спасович В.Д. Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. 494 с.

181. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. 315 с.
182. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
183. Толстой А.Н. Как мы пишем. ПСС: в 15 т. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1949. 674 с.
184. Транквилл Г.С. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1966. 375 с.
185. Туманов В.А. Избранное. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 735 с.
186. Уголовный процесс: курс лекций / Н.В Лантух, К.Б. Калиновский, С.А. Роганов и др. СПб.: СПбУ МВД России, 2011. 543 с.
187. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
188. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
189. Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования. М.: Волтерс Клувер, 2011. 524 с.
190. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М.: Проспект, 2010. 480 с.
191. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа, Равена, 1995. 846 с.
192. Шарапов Р.Д. Понятие, квалификация и уголовно-правовое предупреждение преступного насилия: монография. Тюмень: Изд-во ТЮИ МВД России, 2006. 187 с.
193. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 296 с.
194. Школа молитвы. К 100-летию со дня рождения архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Псково-Печерский монастырь, 2009. 160 с.

195. Шпренгер Я. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова. СПб.: Амфора, 2001. 523 с.
196. Штаден Г.О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л.: М. и С. Сабашниковы, 1925. 182 с.
197. Юшков С.В. История государства и права России. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 735 с.

VI Научные статьи

198. Абдуллаева С.З. Историческая борьба с пытками как формой причинения вреда здоровью // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013. С. 138–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-borba-s-pytkami-kak-formoy-prichineniya-vreda-zdorovyu>.
199. Абрамян С.К., Должникова Е.И. Пытка как уголовно-правовая категория // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2015. № 7 (53). С. 45–48.
200. Агибаев Н.Ж., Имангалиев Н.К. Некоторые вопросы процессуального закрепления доказательств при расследовании пыток в пенитенциарной системе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 4 (62). С. 96–103.
201. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных статей. Вып. 4: в 2 ч. Ч. 1. Курск, 2012. С. 9–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-rozysknogo-protsesssa-v-sysknom-prikaze-1730-1750-e-gody>.
202. Александров А.С., Кучерук Д.С. К вопросу о допустимости доказательств, полученных стороной обвинения в ходе досудебного производства // Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: материалы Всероссийского круглого стола / сост. К.Б. Калиновский. СПб., 2012. С. 95–108.

203. Анарбаева А.К., Токтобаев Б.Т. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Вестник Кыргызского государственного университета им. Жусупа Баласагына. 2019. № 1. С. 133–136.

204. Антонович Е.К. Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 172–180.

205. Апкаев Д.М., Зыков Д.А. Особая жестокость как оценочная категория // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12–2. С. 18–21.

206. Аллаева З., Абзалова К. Уголовно-правовые аспекты умышленного убийства с особой жестокостью // Общество и инновации. 2021. № 3. С. 366–372.

207. Афанасьев В.Г. Моделирование как метод исследования социальных систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М., 1982. С. 26–46.

208. Бардеев К.А. Сравнительный анализ проблематики механизма противодействия пыткам, жестокому, унижающему достоинство и бесчеловечному обращению, на примере РФ и КНР // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2020. № 2 (25). С. 45–49.

209. Бардеев К.А. Сравнительный анализ судебной практики по ч. 3 ст. 286 УК РФ // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 1. С. 98–101.

210. Бардеев К.А. История применения и запрета пытки в уголовном законодательстве России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 145–148.

211. Бардеев К.А. Зарубежный опыт конституционного и уголовно-правового запрета пыток // Юридические исследования. 2023. № 6. С. 20–27.

212. Бардеев К.А. История пытки как средства уголовного процесса в западной правовой традиции // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3 (181). С. 142–145.

213. Бардеев К.А. Проблемы законодательной регламентации и квалификации пытки в отечественном уголовном законодательстве // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (184). С. 251–255.

214. Бардеев К.А. Комплексная научно-практическая модель оптимизации системы норм, предусматривающих преступления, связанные с применением пытки // Прогрессивные научные исследования – основа современной инновационной доктрины: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции (г. Самара, 18 сентября 2023 г.) / отв. ред. А.А. Сукиасян. Самара, 2023. С. 40–48.

215. Бардеев К.А. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия пыткам в современных внешнеполитических условиях // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика: сб. науч. статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 17 ноября 2023 г.): в 4 ч. Часть 2. Уфа, 2023. С. 210–216.

216. Баскин Ю.Я. Проблемы свободы в философии права Христиана Томазия // Правоведение. 1999. № 2. С. 34–38.

217. Батиев Л.В. Возбуждение процесса и доказывание в российском розыском судопроизводстве второй половины XVII – начале XVIII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 110–120.

218. Бесеция Э. Концептуальные подходы по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в Грузии // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1–2. С. 224–233.

219. Брянская Е.В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 15–20.

220. Бугаевская Н.В. Должностные лица уголовно-исполнительной си-

стемы как субъекты коррупционных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2. С. 97–102.

221. Варюшина А.А. Европейский Суд по правам человека: проблема применения пыток и бесчеловечного обращения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XVII международной научно-практической конференции. В 3 т. Т. 3. Тольятти, 2020. С. 127–132.

222. Васильков К.А., Удовиченко В.С. Ретроспективный анализ гуманизации уголовного судопроизводства и практики применения смертной казни в контексте учения Чезаре Беккариа // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 166–170.

223. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 95–102.

224. Воловичева А.В., Степанюк А.В., Степанюк О.С. Пытки: пережитки прошлого или реалии настоящего? // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов VII Международного молодежного форума. Часть 1 / отв. ред. Е.В. Сафронова. Белгород, 2019. С. 144–149.

225. Гармаев Ю.П. Устранение сомнений в допустимости доказательств // Законность. 2011. № 5. С. 29–33.

226. Гилинский Я.И. Еще раз о пытках. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1726.html>.

227. Гордейчик С.А., Егорова Н.А. Пытки на предварительном расследовании: причины и предупреждение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 94–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pytki-na-predvaritelnom-rassledovanii-prichiny-i-preduprezhdenie>.

228. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н. Теоретические модели предупреждения преступности // Вестник КРАГСиУ. Сыктывкар, 2004. № 7. С. 22–29.

229. Григорьева Н.В., Угольников Н.В. Гарантии соблюдения прав человека в местах принудительного заключения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 63–67.

230. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давление, пытки // Вестник общественного мнения. 2019. № 1–2. С. 86–123.

231. Данилова Н.А., Николаева Т.Г. К вопросу о допустимости принуждения на стадии возбуждения уголовного дела // Baikal Research Journal. 2014. № 6. С. 23.

232. Дворянсков И. Наказание или пытка: парадокс уголовного закона // Уголовное право. 2005. № 1. С. 13–15.

233. Дворянсков И. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2003. № 4. С. 19–21.

234. Джоробеков Т.М., Раимбердиев И.Р. Международно-правовые нормы по противодействию пыткам // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12–4. С. 32–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-normy-po-protivodeystviyu-pytkam>.

235. Дзидзария Б.Ю. Уголовно-правовые меры, противодействующие принуждению к даче показаний, в Республике Абхазия // Пенитенциарная наука. 2018. № 4. С. 69–72.

236. Дикаев С.У. Допустимо ли применение пыток в целях обеспечения права безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 25–30.

237. Дрёге К. «Поистине лейтмотив...»: запрещение пыток и других форм дурного обращения // Международный журнал Красного Креста. 2007. № 867. Т. 89. С. 1–35.

238. Еминцева Ю.А. Место запрета пыток в системе общепризнанных прав человека // NovaUm,ru. 2016. № 4. С. 152–154.

239. Железняк А.В. Телесные наказания и пытки в истории государства и

права России до 1864 г. // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014. № 7–8. С. 319–321.

240. Желудков М.А., Бетина А.Ю. Историко-правовой анализ запрета на применение пыток при расследовании преступлений // *Государственно-правовые исследования*. 2021. Выпуск 4. С. 244–249.

241. Журтов А.Б. Международные правовые механизмы противодействия пыткам и их реализация в уголовном законодательстве России // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 5. С. 218–220.

242. Журтов А.Б. Применение пытки при истязании: некоторые проблемы квалификации // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 4. С. 118–120.

243. Заика С.В. Типичные ошибки адвокатов-защитников в применении уголовного закона при квалификации по объекту и предмету преступления // *Адвокатская практика*. 2021. № 2. С. 31–35.

244. Защита по уголовным делам. Адвокаты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.criminallawyer.ru/pages/law_escort_2/.

245. Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 314–318.

246. Зюзев Н.Ф. «Больной» вопрос. Заметки по дискуссии о практике и теории пыток // *Человек, культура, образование*. 2011. № 2. С. 14а–29.

247. Иванов А.А., Матиенко Т.Л., Нодари Д.Э. Органы борьбы с ослушниками «воли государевой» в петровскую эпоху: компетенция и методы // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 7. С. 31–35.

248. Иваньшина А.Э. Вечное средство стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины: к вопросу о живучести пытки в уголовном процессе // *Юристъ-Правоведъ*. 2018. № 4. С. 98–101.

249. Иваньшина А.Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 2 (42).

С. 299–303.

250. Ивина М.К. Институт *peine forte et dure*: проблемы законодательства и правоприменительной практики в Средние века и новое время // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 4. С. 102–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-peine-forte-et-dure-problemy-zakonodatelstva-i-pravoprimeritelnoy-praktiki-v-srednie-veka-i-novoe-vremya>.

251. Калачев Н. Об уголовном праве по судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. М., 1842. Т. 2. С. 306–408.

252. Калашникова А.А. Пытки – должностные преступления // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета: сборник научных трудов. Ставрополь, 2004. Вып. 1. С. 126–137.

253. Кантур Р. Проблемы соблюдения Россией обязательств по статье 3 Европейской конвенции по правам человека в отношении задержанных: практика ЕСПЧ // Международное правосудие. 2018. № 2 (26). С. 62–76.

254. Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за пытки в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 9. С. 62–71.

255. Кебурия К.О. Право на возмещение ущерба за нарушение прав человека: позиция Комитета ООН против пыток // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109). С. 45–47.

256. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. О соответствии уголовного законодательства международному стандарту по правам человека // Государство и право. 2001. № 9. С. 42–48.

257. Кириловская Н.Н. Принципы деятельности Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 6. С. 13–16.

258. Ковалева Д.В. Пытка как институт процессуального права (на примере уголовно-процессуального кодекса Каролина) // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 409–410.

259. Ковлер А.И. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по делам против РФ (2006–2008 гг.) // Российское правосудие. Научно-практический журнал. 2008. № 8 (28). С. 4–15.

260. . Когамов М.Ч. Лишь единицы уголовных дел о пытках доходят до суда в Казахстане 15 июля 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4806009-lish-edinicy-ugolovnykh-del-o-pytках.html>.

261. Козак Л.Л. Смертная казнь и (или) пытка: США, реалии // Теология. Философия. Право. 2021. № 1 (15). С. 29–41.

262. Конарев М.Ю. Уголовная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы за применение пытки: вчера, сегодня, завтра // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 182–185.

263. Константинов П. Уголовная ответственность за истязание // Мудрый юрист. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7051>.

264. Корсакова С.А. Запрет пыток в стандартах Европейского Суда по правам человека, конституционного законодательства Российской Федерации и правоприменительной практике // Вестник магистратуры. 2018. № 4–1. С. 79–80.

265. Кравчук Н.В. Права человека и борьба с терроризмом: смиренная рубашка или неотъемлемый компонент долгосрочной контртеррористической стратегии? (аналитический обзор) // Международный терроризм и право: современные зарубежные исследования: сборник обзоров и рефератов / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 105–118.

266. Кривошеин П. Пытка: понятие и признаки // Уголовное право. 2005. № 5. С. 40–43.

267. Кудрявцев В.Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М., 1973. С. 7–21.

268. Курач Т.Л. Пытка в памятниках российского права XV–XVII веков // Февральские чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.А. Сорокина: материалы национальной конференции. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2019. С. 267–273.

269. Курач Т.Л. Пытка в памятниках процессуального права России XVIII в. // Вестник КРАГСиУ. Серия «Государство и право». 2019. № 26. С. 35–38.

270. Куцевалова Д.О., Труфанова Е.И. основные критерии разграничения психологической и физической пыток // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции / отв. ред. Т.К. Рябинина. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. С. 100–105.

271. Лисенкова М.И. Особенности толкования понятия «пытка» в российском и международном законодательстве // Вестник науки. 2018. №7. Том 3. С. 153–157.

272. Логунова С.О. Вопросы квалификации истязания с применением пытки // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 138–140.

273. Лозовицкая Г.П. Психотронный террор в отношении участников уголовного судопроизводства // Научный портал МВД России. 2012. № 4 (20). С. 81–87.

274. Лукьянцев Г.Е. О деятельности ООН в области борьбы с пытками (к вопросу о принятии Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Московский журнал международного права. 2003. № 3. С. 44–63.

275. Магомадова Л.Р. История становления института признания обвиняемым своей вины // Актуальные проблемы современной науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Кисловодск, 02–06 мая 2012 г.). Ставрополь: Ставропольский университет, 2012. Том 2. С. 166–168.

276. Макбрайд Дж. Обеспечение исполнения Европейской конвенции по правам человека // Проблемы конституционализма. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: 50 лет со дня принятия: сборник научных трудов по материалам конференции. Вып. 8. Мн., 2000.

277. Матвеева И.О. Международные и национальные механизмы противодействия применению пыток в Казахстане: достижения, проблемы, опыт решения // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина / отв. ред. А.В. Малько. Рязань, 2013. С. 459–463.

278. Меликсетян А.А. Имущественное насилие в нормах советского уголовного законодательства // Общество и право. 2006. № 2 (12). С. 124–126.

279. Меликсетян А.А. Многообразие насилия в терроризме и имущественное насилие // Теория и практика общественного развития. 2005. № 3. С. 44–51.

280. Мирошниченко Н.В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: опыт теоретического моделирования // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 1. С. 44–52.

281. Мисюля Л.А., Скобина Е.А. Проблемные вопросы квалификации истязания с применением пытки // Достижения межвузовской науки. 2016. № 21. С. 238–244.

282. Михайлова М.С. Позиция и стандарты ЕСПЧ по проблеме применения пыток и их квалификации // Татищевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики: материалы XVII Международной научно-практической конференции: в 3 томах. Том 3. Тольятти Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2020. С. 203–208.

283. Мукашев М.Ш., Айтмырзаев Б.Н., Халитова Е.А. Внедрение положений Стамбульского протокола в учебный процесс // Медицина Кыргызстана. 2015. № 2. С. 49–52.

284. Нанба С. Б. Конституционное измерение личных (соматических) прав // Конституция и модернизация законодательства: матер. XV Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / председ. редкол. Т.Я. Хабриева. М., 2020. С. 137–145.

285. Нарышкина Н.И. Классификация пыток, практиковавшихся в тюрьмах России и Европы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 182–186.
286. Нарышкина Н.И. Применение пыток к заключенным в тюрьмах России и Европы (исторический аспект) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 1. С. 144–149.
287. Никитина Е.В. Из истории развития средств доказывания // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 2540–2545.
288. Николаев К.Д. О совершенствовании законодательной регламентации отягчающих обстоятельств преступлений, посягающих на здоровье // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 163–168.
289. Ничуговская О.Н. Реализация стандартов Европейского Комитета по предупреждению пыток // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 68–72.
290. Ниязов М., Икрамова Л. Недозволенные методы следствия и меры по их предупреждению // Общество и инновации. 2021. Том 2. № 1. С. 77–87.
291. Обряд како обиненный пытается // Русская старина. СПб, 1873. Т. 8. С. 58–59.
292. Панкратов В. Ответственность за пытку в уголовном законодательстве Российской Федерации // Уголовное право. 2005. № 4. С. 38–40.
293. Пертли Л.Ф. Квалификация условий содержания лиц, лишенных свободы, на основе практики Европейского Суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 141–147.
294. Пестерева Ю.С. К вопросу о понятии пытки // Новая редакция УК России: попытка теоретического осмысления: материалы межвуз. науч. конф. (февраль 2004 г.). Омск, 2004. С. 75–77.
295. Пирова Р.Н. Пытка как норма судопроизводства в средневековой России // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89). С. 108–109.
296. Плехова О.А. Проблема квалификации превышения должностных

полномочий, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 70–74.

297. Полстовалов О.В. Зарубежный опыт применения пыток в уголовном судопроизводстве, который не стоит использовать // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 3. С. 53–56.

298. Радионова Е.С. Законодательное понятие пытки // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2013. С. 144–147.

299. Раимбердиев И.Р. Абдикерим К.Г., Джоробеков Т.М. Понятие и сущность института пытки в инквизиционном уголовном процессе // Евразийское научное объединение. 2020. № 9–4 (67). С. 279–281.

300. Раимбердиев И.Р., Абдикерим К.Г., Орозов Ж.Ж. Историко-правовые особенности правовой регламентации пыток в средневековом праве // Евразийское научное объединение. 2020. № 9–4 (67). С. 281–283.

301. Раимбердиев И.Р., Орозов Ж.Ж., Шевченко А.В. Международные рекомендации, направленные на предупреждение пыток // MODERN SCIENCE. 2020. № 4–4. С. 148–151.

302. Рахманова Е.Н. Стратегии сдерживания преступности в условиях глобализации // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 30–35.

303. Рахметов С.М. Проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан: юридическая техника // Ведомости Института законодательства Республики Казахстан. 2014. № 2. С. 44–48.

304. Решетникова Г.А. Законопроект № 42307–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за пытки)»: научный комментарий // Вестник УдГУ. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32. Вып. 2. С. 334–340.

305. Романовский Г.Б. Конституционный запрет на пытки // Гражданин и право. 2020. № 1. С. 15–26.

306. Романовский Г.Б. Проект «Боджинка» – можно ли пытаться террористов (современная доктрина и правовой запрет)? // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 51–58.

307. Ростовщиков И.В., Гончаренко В.Д. О современном правовом понимании пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5 «Юриспруденция». 2011. № 2. С. 18–27.

308. Рубан Д.Е., Цечоев В.К. Влияние системы преступлений на развитие репрессивной системы наказаний в феодальном инквизиционном суде Российской Империи // Власть закона. 2017. № 3 (31). С. 270–280.

309. Рудич В.В. Международные стандарты допустимости доказательств, полученных под пытками или иным путем бесчеловечного обращения с задержанными (арестованными) по уголовному делу // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 4. С. 53–57.

310. Сабаева С.В., Гуляев Д.Е. Поиск оптимальной модели национального превентивного механизма для Российской Федерации (результаты сравнительно-правового исследования законодательства зарубежных государств) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2021. № 4 (80). С. 204–218.

311. Садовникова М.Н. Права человека в пенитенциарных учреждениях: запрет пыток // Сибирский Юридический вестник. 2007. № 2 (37). С. 91–97.

312. Сайрамбай Н. Международно-правовые нормы о праве человека на свободы от пыток и проблемы их реализации во внутреннем праве Казахстана // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. 2016. № 1 (36). С. 203–206.

313. Семенова О.Н. Международный механизм защиты от пыток и другого жестокого обращения в местах принудительного содержания уголовно-исполнительной системы // Преступление, наказание, исправление: III Международный пенитенциарный форум (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: сборник тезисов выступлений и докладов участников: в 8-ми томах. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. Том 2. С. 229–234.

314. Семькина О.И. Принцип гуманизма как средство обеспечения запрета пыток // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 52–65.

315. Серeda Е.В. Международные стандарты обращения с заключенными в практике работы Европейского комитета по предупреждению пыток, и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4 (26). С. 12–16.

316. Серeda Е.В. Практика работы Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Человек: преступления и наказание. 2013. № 3 (82). С. 136–139.

317. Сильнов М.А., Василенко А.А. Реализация конституционного принципа уважения чести и достоинства личности при получении показаний // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола / отв. ред. В.В. Ершов. М.: Российский государственный университет правосудия, 2018. С. 179–187.

318. Смолькова И. В. Допустимо ли принуждение при производстве освидетельствования в российском уголовном судопроизводстве? // Уголовное право. 2018. № 3. С. 122–128.

319. Смолькова И.В. Пытка как «способ получения» признательных показаний обвиняемого // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 8–11.

320. Токтосунов К.Б. Влияние норм международного права на квалификацию преступлений, связанных с пытками: на примере уголовных законодательств Кыргызской республики и Российской Федерации // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. №10. С. 211–214.

321. Токубаев З.С. Уголовная ответственность за пытки: международный и отечественный опыт // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 121–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-pytki-mezhdunarodnyu-i-otechestvennyu-opyt>.

322. Улитин И.Н. К вопросу о «персональной» криминализации пыток и содержании их субъективной стороны // Общество: политика, экономика, право.

2020. № 5. С. 85–89.

323. Упоров И.В. Уголовно-процессуальные аспекты в Судебнике 1497 года: историко-правовой контекст // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 4. С. 18–23. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf>.

324. Упоров И.В., Хоконова М.Р. Уголовный процесс в Российской Империи в конце XVIII – первой трети XIX веков: основные тенденции законодательного развития // Аллея науки: научно-практический электронный журнал. 2018. Том 4, №1 (17). С. 335–342.

325. Хащина Э.Э. Разграничение гражданского и уголовного процесса в Московском государстве: ретроспективный анализ // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 270–275.

326. Хрусталева Л.А. Пытка как институт процессуального права России начала XVIII в. по «Краткому изображению процессов и судебных тяжб» от 30 марта 1715 г. // Вестник ОГУ. 2004. № 3. С. 142–146.

327. Хуторская М.Б. Стандарты и рекомендации Европейского Комитета против пыток как основа реформирования уголовно-исполнительной системы России // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 245–247.

328. Циммерман А. Русские пытки. Исторический очерк // Русский архив. Год пятый. СПб., 1867. С. 1139–1167.

329. Цховребова И.А. Физическое принуждение как самостоятельная мера процессуального принуждения // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы: материалы 55-ых криминалистических чтений: в 2 ч. Ч. 2. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. С. 317–327.

330. Чобанян Р.С. Международно-правовые основы противодействия пыткам // Актуальные проблемы российского права: сборник статей. М.: Изд-во МГЮА, 2007. № 1 (4). С. 528–534.

331. Чуксина В.В. Предупреждение пыток и связанных с ними видов

практики с позиции прав человека // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 571–583.

332. Шепелева О. пытки как фактор нарушения права на справедливое судебное разбирательство: обзор практики Европейского Суда по правам человека по российским делам // Международное правосудие. 2014. № 3. С. 11–16.

333. Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 97–100.

334. Шишлин А.С. Самые жестокие пытки как метод наказания // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2015. № 1 (3). С. 89–90.

335. Шушикова Г.К., Кемали Е.С., Ажибаев М.Г. Вопросы противодействия пыткам в Казахстане // Вестник академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре республики Казахстан. 2020. № 3. С. 46–52.

336. Щелкунов А.А. Особенности ведения следствия органами НКВД против священнослужителей во время «Большого террора» 1937–1938 годов // Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 2. С. 108–120.

337. Щетинина Н.В. Актуальные аспекты применения статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 91–94.

338. Юрченко Р.Н. Проблемы предотвращения пыток // Вестник ОГУ. 2004. № 3 (28). С. 9–13.

339. Яковлев А.М. Конвенция против пыток // Московский журнал международного права. 1998. № S1. С. 89–92.

340. Яшин А.В. Теоретическая модель системы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 216–221.

VII Диссертации и авторефераты диссертаций

341. Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязания: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 30 с.
342. Гладких Г.Ю. Уголовная ответственность за пытки в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
343. Дворянсков И.В. Уголовно-правовое обеспечение получения достоверных доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 199 с.
344. Елец С.А. Преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: проблемы криминализации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 221 с.
345. Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.
346. Калашникова А.А. Принуждение к даче показаний: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 211 с.
347. Маруков А. Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 48 с.
348. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 231 с.
349. Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 22 с.
350. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 274 с.
351. Хрусталева Л.А. Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII – первая четверть XVIII в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
352. Чобарян Р.С. Пытка: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

VIII Литература на иностранных языках

353. Ariel B., Farrar W., Sutherland A. The Effect of Police Body-Worn Cameras on Use of Force and Citizens' Complaints against the Police: A Randomized Controlled Trial. *Journal of Quantitative Criminology*. Available at: <http://springer.com/article/10.1007/s10940-014-9236-3>.

354. Aust A. *Handbook of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2010.

355. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/torment>.

356. Dershowitz A. *Shouting Fire: Civil Liberties in a Turbulent Age*. 2002.

357. Dershowitz A. *Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge*. 2002.

358. Duffy H. *The 'War on Terror' and the Framework of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015.

359. Duffy H. *The «the war on terror» and international law: Doctoral thesis*. Leiden: Leiden univ., 2013.

360. Dunbabin J. *Captivity and Imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300*. Basingstoke, 2002.

361. Franz Viljoen and Chidi Odinkalu, *The Prohibition of Torture and Ill-treatment in the African Human Rights System*. OMCT Handbook Series. №. 3. Geneva. 2006.

362. Geltner G. *Coping in medieval prisons // Continuity and Change*. 2008. № 23 (1).

363. Geltner G. *Isola non isolata. Le Stinche in the Middle // Annali di Storia di Firenze: Pubblicazione periodica annuale*. 2008. № 3.

364. *Georgia: Police torture and other ill-treatment must be relegated to the past // Amnesty International, AI Index: EUR 56/003/2006 (Public)*. News Service No: 029. 2 February 2006.

365. Hannum H., Shelton D. N., Anaya S. J., Celorio R. *International Human*
215

Rights: Problems of Law, Policy, and Practice. New York: Wolters Kluwer Law & Business. 2017.

366. Ignatieff M. *The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror*. 2005.

367. J. Herman Burger and Hans Danelius, *The United Nations Convention against Torture: A Handbook on the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment*, Martinus Nijhoff. The Hague. 1988.

368. Jean Pictet, *The Geneva Conventions of 12 August 1949: Commentary*, Vol. IV, *Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War*. ICRC. Geneva. 1958.

369. LePard B. D. *Customary International Law: A New Theory with Practical Applications*. Cambridge: Cambridge University Press. 2010.

370. Malcolm Evans. «Getting to grips with torture», in *Association for the Prevention of Torture, The Definition of Torture*. Geneva. 2001.

371. Manfred Nowak. *Challenges to the absolute nature of the prohibition of torture and illtreatment*. *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2005. Vol. 23/4.

372. Manfred Nowak. *What practices constitute torture? US and UN standards*. *Human Rights Quarterly*. 2006. No. 28.

373. Morris N., Rothman D. J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. New York, 1998.

374. Murphy J. F. *The United States and the Rule of Law in International Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press. 2004.

375. Nigel Rodley. *The definition(s) of torture in international law*. *Current Legal Problems*. 2002. No. 55.

376. Perry J. T. *Understanding Torture: Law, Violence, and Political Identity*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. 2010.

377. Saul B., Flanagan M. *Torture and counterterrorism // Research handbook on international law and terrorism*. Cheltenham. 2014.

378. Slater J. M. Review. *The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror* by Michael Ignatieff // *Political Science Quarterly*. 2004. Vol. 119, №. 4.

379. Tannenbaum F. Prison Cruelty. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1920/04/prison-cruelty/305502/>.

380. Van Dervort Th. R. International Law and Organization: An Introduction. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 1997.

**Анкета для опроса федеральных судей и работников
следственных органов по проблематике исследования**

1. Считаете ли Вы, что пытка появилась в судопроизводстве закономерно?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

2. Как Вы думаете, достаточно ли противодействие пыткам на международно-правовом уровне?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

3. Как Вы относитесь к изменениям, внесенным в уголовный закон в июле 2022, когда пытка была исключена из ст. 117 УК РФ? Способствует ли это оптимизации правоприменительной практики?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

4. Сталкивались ли Вы с фактами пыток в своей практической деятельности?

Да

Нет

5. Считаете Вы необходимым введение уголовной ответственности за пытку как преступление против личности?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

6. Статут Международного уголовного суда предусматривает пытки как международное преступление. Вы поддерживаете эту позицию?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

7. Поддерживаете ли идею о том, что применение пытки может быть отягчающим наказанием обстоятельством?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить.

8. Считаете ли Вы, что в ст. 127², 128, 156, 163, 179, 321 (в отношении преступления, предусмотренного ч. 1 данной статьи) и 335 УК РФ следует ввести квалифицирующий признак «с применением пытки»?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

9. Необходимо ли ввести в УК РФ норму, предусматривающую ответственность за «бытовую» пытку?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

10. Нужно ли вернуть в ст. 117 УК РФ квалифицирующий признак «с применением пытки»?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

11. Считаете ли Вы возможным создать систему норм о преступлениях, связанных с применением пыток? Какой она должна быть? Представьте, пожалуйста, свое видение.

Результаты применение социологического метода анкетирования
(опрошены 100 федеральных судей и следователей)

Вопрос 1

Да – 77 %

Нет – 4 %

Затруднились – 19 %

Вопрос 2

Да. – 77 %

Нет – 13 %

Затруднились – 10 %

Вопрос 3

Да – 71 %

Нет – 20 %

Затруднились – 9 %

Вопрос 4

Да – 0%

Нет – 100 %

Вопрос 5

Да – 100%

Нет – 0 %

Затруднились – 0 %

Вопрос 6

Да – 89 %

Нет – 1%

Затруднились – 10%

Вопрос 7

Да – 100 %

Нет – 0 %
Затруднились – 0 %

Вопрос 8

Да – 87 %
Нет – 4 %
Затруднились – 9 %

Вопрос 9

Да – 79 %
Нет – 4 %
Затруднились – 17 %

Вопрос 10

Да – 11 %
Нет – 89 %
Затруднились – 0 %

Вопрос 11

Вернуть в систему истязание с использованием пытки – 8 %
Ввести уголовную ответственность за пытку отдельно – 52 %
Ввести в главу 34 УК РФ пытку как преступление против безопасности человека – 20 %
Дополнить ст. 110 УК РФ указанием на пытку как способ доведения до самоубийства – 12 %
Иные варианты – 4 %